Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 9

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. **Двое.** *Рассказ* 3
Александр ДИМИДОВ. *Рассказы* 46
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Птицы.** *Притча* 103
Сергей ШАУЛОВ. **Модуль поднебесный.** ***Душа откликается*** 128
Игорь РЕВВА. **Великое ковидное вымирание...** 130

ПОЭЗИЯ

Атика АЛИЕВА. *Стихи* 20
Александр ГЛАДКОВ. *Стихи* 75

ПУБЛИЦИСТИКА

Абузар БАГИРОВ. **Мухаммед Физули и канонический жанр газели в азербайджанской литературе: предшественники и последователи** 25
Алексей УСТИМЕНКО. **Какой-то пьяный звездочет…** *Очерк* 81
Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА. **Четыре награды и вся жизнь** 120
Марат ШАФИЕВ. **Запоздалое…** 130
Александр ХАКИМОВ. **За горизонт событий** 131

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23.08. 2022г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2022 г.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Д В О Е

Рассказ
Из книги «Бакинцы»

Третью ночь подряд Баширу снился один и тот же кошмарный сон, будто его богатый приятель-бизнесмен по фамилии Маймаков, с которым, кстати, они в последнее время не так уж часто пересекались, внезапно сошел с ума, тронулся, чокнулся, свихнулся, ополоумел, окончательно потерял контроль над собой и оставил ему, Баширу, половину всего своего движимого и недвижимого имущества, в числе которого имелись два известных в городе дорогих бутика женской одежды (верхней и нижней), находившихся на одной из центральных улиц и приносящих огромный – черт его знает, какой! – доход. Башир во сне держал в руках документы, подтверждающие такое неожиданное и, мягко говоря, – странное решение своего, ставшего в одночасье скорбного главой приятеля, тупо смотрел на бумаги, в которых ничего не смыслил, но, тем не менее, отчетливо видел несколько подписей: нотариуса – раз, свихнувшегося хозяина движимого и недвижимого – два, и свою закорючку, которую он никогда в жизни не ставил на подобные бумаги – два с половиной. И каждый раз в шесть утра, как он привык просыпаться после службы в армии, оставшейся в далеком прошлом, в молодости, каждый раз после этого сна в шесть утра он просыпался в холодном поту, все еще лихорадочно соображая, как распорядиться таким огромным состоянием, неожиданно свалившимся на его голову и, чувствуя давящую на него ответственность, которую никогда в жизни не испытывал, привыкнув жить беззаботно, насколько это позволяли ему его прожитые пятьдесят два года и небольшая зарплата на работе в музее литературы, где он пребывал после окончания университета, почти, можно сказать, не продвигался по службе и ждал, когда подойдет его пора получать пенсию, хотя работа его была вовсе не обременительной, но долгожданная пенсия могла бы, как он думал, освободить его и от такой, необременительной.

На третье утро, после ночного просмотра ужасного сна, он все-таки решил позвонить своему приятелю миллионеру; два утра он усиленно обдумывал, обкатывал, обсасывал эту мысль: звонить – не звонить, но вот на третье решил посоветоваться с женой.

– Позвони, – посоветовала жена, подумав. – Вреда не будет.

Приятель его, Маймаков, ответил сразу же, но, услышав первые несколько слов Башира (который сразу же, как воспитанный человек, назвал себя), тут же перебил его:

– Я тебе перезвоню, – торопливо бросил он и дал отбой.

Башир же подумал, что при его занятости и богатстве, он вряд ли перезвонит, но ответный звонок к великому изумлению Башира последовал буквально через минуту.

– Извини, дорогой, не мог говорить, – прогрохотал в трубке жизнерадостный голос, привыкший приказывать. – Я тебя слушаю.

– Да я просто так позвонил, – промямлил Башир.

– Просто так?! – весело-удивленно спросил голос Маймакова, не привыкшего, чтобы ему кто-то звонил просто так.

– Просто хотел узнать – у тебя все в порядке?

– Все отлично, слава Богу, спасибо, – торопливо пророкотал голос, по которому легко было догадаться, что человек этот не привык терять ни минуты. – А ты как?

Башир, немного поговорив с Маймаковым на общие темы и не желая отнимать у него время, все-таки решил еще раз уточнить:

– Значит, у тебя все в порядке?

– С головой, что ли? – весело отозвался Маймаков, давая понять, что при всем своем высоком полете все же не потерял чувства юмора.

И тут Башир вспомнил, что во сне у него Маймаков вот уже третью ночь подряд скоропостижно впадает в идиотизм, и проговорил:

– Сегодня ночью я тебя во сне видел, вот решил узнать…

– А-а! – вдруг взорвалась трубка. – Смотри ты! Я ведь тоже видел тебя во сне, и уже три ночи подряд! Представь себе… Здесь с делами замотался, а ты мне напомнил…

– А что ты видел? – затаив дыхание и уже предчувствуя нечто очень странное, спросил Башир.

– Ты не поверишь! Видел, будто я спятил и отписал тебе половину моего состояния! Ха-ха-ха! И бумаги видел, и подписи, все как в реальности… Э, ты слышишь?

– Да, да, – пролепетал ошарашенный Башир, – слышу…

Башир и Маймаков были знакомы с детства, учились в одной школе, в одном классе и жили по соседству. Маймаков, вопреки своей откровенно красноречивой фамилии[1], рос бойким, шустрым мальчиком, был забиякой и задирой, сразу же отбил охоту у классных острословов издеваться над его фамилией, укоротив её до имени (Маймак), доказав, что характер его абсолютно не совпадает со значением и смыслом фамилии, и с самого начала знакомства с полной ему противоположностью тихоней Баширом, взял добровольное шефство над безответным и безобидным одноклассником, которого часто обижали, доводили до слез, на что он не мог ответить, а только глотал слезы обиды в начальных классах и убегал от обидчиков, замыкался в себе, став чуть постарше. Маймаков же охотно лез в драку за униженного друга, порой даже с несколькими мальчишками сразу, будь то в школе, или на их неспокойной, хулиганской улице, где было вполне привычным явлением, что подростки в драке пускают в ход кастеты и украдкой курят слабый наркотик – анашу. Маймаков не был хулиганом, но не выносил несправедливого отношения, как к себе, так и к своему кроткому другу.В старших классах дружба их стала несколько прохладной, потому что Маймаков теперь предпочитал дружить с девочками, своими сверстницами, а Башир, обычно ждал друга с очередного свидания и с жадным любопытством выслушивал его признания.

– В этот раз не повезло, – горько сетовал юный Казанова, любвеобильный Маймаков, стараясь казаться старше и опытнее своих лет.

– А что? – с плохо скрываемым злорадством спрашивал Башир.

– Да что… – начинал откровенничать Маймаков, – еле уговорил её подняться со мной в нагорный парк, посидели на скамейке… – Шестнадцатилетний Маймаков вытаскивал из пачки дешевую сигарету, прикуривал, пускал дым из носа, как заправский курильщик, интригующе не договаривал.

– Ну, ну!.. – нетерпеливо выждав маленькую паузу, подгонял его сгоравший от любопытства Башир.

– Да нечего рассказывать, – удрученно продолжал Маймаков, нервно затягиваясь сигаретой. – Даже потискать не дала…

Завистливый Башир, стараясь казаться сочувствующим, облегченно переводил дух и, чтобы не обидеть друга, успокоительно произносил:

---

[1] Маймак – разиня, простофиля.

– Ну, ничего… В следующий раз повезет.

А в следующий раз, когда Маймаков возвращался со свидания уже с другой пассией в прекрасном настроении, улыбаясь до ушей, Башир, предчувствуя неприятность, ждал очередного рассказа и заранее хмурился.

– Эта, чувак, скажу тебе, классная девка, целуется взасос, дала сиськи полапать…

– Да она просто шлюха! – не вытерпев такой муки, яростно кричал Башир, который еще не только ни разу не целовался, но даже немел и деревенел в присутствии понравившейся ему девочки.

Они были прямой противоположностью друг другу, что, однако, не мешало им дружить и после школы. Маймаков обладал привлекательной внешностью, приятно улыбался, и эта улыбка располагала к нему многих и впоследствии помогала ему добиваться в жизни поставленных целей. А цели он ставил постоянно, и постоянно, планомерно и терпеливо добивался их. Башир же, как был в детстве недотепой и размазней, так и остался, и постепенно становился все более бездеятельным, ленивым, не желая ставить никаких целей и добиваться их, а желая только плыть по течению жизни, не понимая и даже не думая, куда это течение его прибьет. Теперь Маймаков, уже занятый своими личными важными делами, как и прежде, временами старался направлять его, брал над ним добровольное шефство. Они оба учились на историческом факультете университета, и Башир, казалось, учился из последних сил, такой у него был вид – сонный, вялый, апатичный, такая была внешность. Эти двое друзей были абсолютно разные, ничуть не похожие, и можно было подумать, что один из них забрал энергию и жизнерадостность другого, оставив ему равнодушие и безразличие ко всему, что их окружало. Что ж, в жизни это бывает, многое переходит в свою противоположность, становится совершенно неузнаваемым, и люди очень разные по характеру, интеллекту, мировоззрению сходятся и дружат долгие годы, дополняя друг друга, становясь своеобразным тандемом. Мать Башира иногда, когда заходил к ним в гости друг сына, просила поучить его уму-разуму, потому как он у неё один, растила она сына без отца, в результате чего чадо не получило должного мужского воспитания, и Маймаков старался как мог хоть немного перевоспитать, взбодрить, вразумлять товарища, учил его пробиваться в жизни, однако каждый раз убеждаясь, что ученик у него бездарный, но тем не менее не отступая от поставленной перед собой задачи, как он обычно и привык не отступать и добиваться своего. Маймаков стал успешным бизнесменом и поменял фамилию на Зильберштейн, это была фамилия жены двоюродного брата матери, и Маймаков, преодолев небольшие формальности при помощи американских президентов, отпечатанных на зеленых бумажках, стал Зильберштейном, не отказываясь, однако, от своей национальности и порождая несусветную неразбериху в паспортном столе Министерства внутренних дел. С этого дня у Маймакова-Зильберштейна дела пошли еще лучше. Кстати, когда порой довольно часто спрашивали у него, почему он, уже будучи в зрелом возрасте, не поменяет такую нелепую, абсолютно не соответствующую его характеру фамилию, он отвечал традиционной фразой:

– Не фамилия красит человека…

Сам же, если честно, никогда не думал об этом, не это было для него главным в жизни: люди с прекрасными звучными фамилиями много раз доказывали ему свое ничтожество и неумение жить.

Это я вам так коротко рассказываю, чтобы не утомлять, будто я не знаю, какое у вас отношение к литературе – романы Толстого и Достоевского в коротком пересказе содержания читаете, болваны… ладно, ладно… Не надо возражать, кому-нибудь другому вешайте эту хрень…

Деятельность… Черт возьми, называть его по двойной фамилии каждый раз, это слишком длинно… Да у него же есть имя! Вспомнил: Эльнур! Так вот, деятель-

ность бизнесмена Эльнура Маймакова-Зильберштейна (каково?!) охватывала многие отрасли торговли, приносящие явную и неоспоримую прибыль, талант у него прорезался, как зуб мудрости у детей, вот не было, а теперь есть… Но не все, конечно, так просто. Отметив свое тридцатилетие, юбилей, проведенный в домашних условиях и прошедший достаточно тоскливо и убого как по содержанию, так и по исполнению, Эльнур, проводив гостей, присел у окна и тяжело задумался. Он видел из окна своей квартирки на первом этаже, как его хмельные гости, очень довольные тем, что наелись, напились и наговорились, шли по улице, шатаясь и громко споря о чем-то, видел своего друга, засыпающего на ходу Башира, как он еле волочил ноги, будто весь вечер камни таскал, смотрел, смотрел… и ему сделалось тошно. Он понял, что дальше так жить невозможно. Страна, в которой он сейчас пребывал, отринула прежнюю свою сущность и постепенно переходила на новый строй, и этот новый строй, к которому стремилось (пока не очень-то спеша) общество, был не нов, а таким же, как во всем мире, и так же, как во всем мире, в этом, родном ему, но кардинально изменившемся обществе признавали только деньги, силу, власть. И Эльнур вдруг ясно и ярко – как вспышка в мозгу – осознал, что если он не хочет застрять и потеряться в прошлом среди Баширов и ему подобных, он должен действовать. Должен трудиться и добиваться, теперь уже на более высоком уровне, должен приложить и направить свою энергию в нужное – приносящее прибыль и известность – русло. Бойкость и деловые качества Эльнура до сих пор работали как-то не рационально, не эффективно, не целенаправленно, эти качества не давали главного результата – прибыли; он мог достать что-то редкое, дефицитное, мог устроить вечер памяти, непрофессионально, но достаточно умело отрежиссировать презентацию песни, книги, достать билеты на гастролирующую оперную диву, но все это и многое другое обычно – за спасибо. Теперь надо было в корне менять умение приспосабливаться, доставать, пробивать, нравиться, менять и выходить на более деловой и более высокий уровень, и энергию следовало направить на умение добиваться прибыли во всем и всегда, потому как это – веление времени, изменившегося времени, диктующего свою волю времени. Ушли безвозвратно те дни, когда можно было бить баклуши на работе, получая соответственную – за эти самые баклуши – зарплату… Все изменилось, и требуется измениться и мне, – думал Эльнур. Он всю ночь не спал, сидел у окна, выходящего на кривую заброшенную улочку с кучей вонючего мусора у забора напротив, на котором огромная надпись мелом умоляла не бросать сюда мусор, и все ему казалось, что видит он расплывающуюся в предрассветном тумане шатающуюся фигуру своего незадачливого друга, а рядом с ним – себя, чему-то улыбающегося расслабленной улыбкой идиота… Он вздрогнул, встал и отошел от окна.

Ну, конечно, не все было просто, напротив – все было непросто, пришлось поучиться у более опытных деловых людей, дельцов, бизнесменов, войти к ним в доверие, постепенно стать для них необходимым человеком, приходить в бизнес с новыми яркими идеями, даже если их у него воровали и присваивали более сильные партнеры; и постепенно Эльнур приобрел влиятельных, богатых компаньонов, вместе с которыми стал рваться все выше и выше и хватать все больше и больше. Однако, не забывал при этом и старого друга, хотя опять же, повторюсь, в последние месяцы они пересекались все реже, порой изредка перезванивались… Но детские и юношеские годы оставляют неизгладимый след в нашей жизни, и чем натура человека тоньше и чувствительнее, тем след более неизгладимей. Эльнур был натурой творческой, отсюда и рождение новых, иногда просто блестящих идей, продвигавших бизнес, что многие миллионеры с заскорузлыми, давно не вентилируемыми мозгами (потому как большие деньги в основном прибежали к ним по старым, хорошо знакомым извилистым тропинкам взяток, порой вымогательств) очень ценили чужие идеи и свои денежки, так как и то, и другое вместе приносило большие барыши; так что Эльнур с самого начала своей деятельности в среде воротил-миллионеров пришелся

ко двору. Как говорили классики: деньги ваши, идеи наши. Хотя так они говорили, кажется, про бензин, а не про деньги… Ну, неважно.

Несмотря на то, что жизнь постепенно разводила друзей в разные стороны, Эльнур все же пытался заботиться о друге, который к тому времени уже похоронил вечно тревожившуюся о его будущем мать и уже был обременен семьей в лице жены и получал хорошую, но маленькую зарплату. Для начала, он устроил его в один из своих бутиков старшим менеджером. Но диковатый, оторванный от деловой жизни и приличного общества Башир не прижился на хлебном месте, смотрел почему-то волком на потенциальных покупателей, пахнущих дорогими духами, его неоправданно хмурый взгляд, разговор с посетителями сквозь зубы, отталкивали клиентов. Нет, не прижился. Следующий добрый жест со стороны Эльнура был несколько непродуманным, импульсивным, продиктованным эмоциями, а не умом: он взял Башира к себе в офис секретарем. После двух дней работы, стало ясно, что этот приятель может доставить кучу проблем, которые впоследствии придется исправлять, разгребать, расхлебывать самому шефу, то есть Эльнуру. Снизили Башира до должности шофера успешного бизнесмена и друга, с хорошим, кстати, далеко не шоферским окладом. Через неделю разбил машину – опаздывая, превысил скорость, потому что подбросил свою жену до работы и торопился заехать за шефом домой, чтобы отвезти его в офис на важное совещание, в результате – проскочил на красный свет и врезался в дорогой «Хаммер», что сулило дополнительные неприятности и лишние хлопоты и так сверх головы занятому боссу.

– Не везет мне, Эльнур… – вяло мямлил Башир. – Видно не судьба мне у тебя работать.

Кончилось тем, что друг устроил его обратно, туда же, откуда взял – в музей литературы, где Баширу было комфортно, но голодно. Однако Эльнур и тут не забывал друга юности (он убедил себя, что успех его каким-то образом связан с Баширом, это был его живой талисман, и может быть, судьба одарила его всяческими материальными благами, отняв их у его друга, может, отчасти за счет Башира он и взлетел так высоко; везде в жизни наблюдалось равновесие, и он верил этому) подкидывал ему время от времени денежку, и чтобы щепетильный и церемонный Башир не обиделся, подарки свои Эльнур пристегивал к датам: день рождения, новый год, день рождения жены, день конституции, день учителя, день ученика, международный день музеев, день шахтера и так далее…

И вот этот непостижимый сон… Причем, обоим сразу. Как вам это нравится? Поистине, есть многое на свете, друг Гораций…

«Что же теперь будет? – тревожно думал суеверный Башир после телефонного разговора с Маймаковым-Зильберштейном. – Это неспроста…»

Эльнур же, привычно заваленный срочными делами, которые следовало оперативно решать, сразу забыл и свой странный троекратный сон и разговор с Баширом, махнул рукой, как делал со всем, что выходило за рамки его бизнеса и деловых связей, хотя время от времени в коротких паузах его пощипывало, покусывало, покалывало в сердце тревожное ощущение.

Но судьба не зря посылает свои уведомления, а тем более – трижды, а тем более – в двух экземплярах…

Однако пора нам поближе познакомиться с этим шустриком и везунком – Баширом.

Когда Башир родился, все ожидали, что он тут же закричит, как нормальный новорожденный, вынужденный покинуть привычную теплую и влажную среду и выйти в этот холодный незнакомый страшный мир, однако малыш не торопился подавать признаки жизни и все морщился, кривился, всячески показывая свое недовольство тем, что его заставили покинуть привычное место обитания. Прошло пять минут… потом десять… Малыш упорно молчал, строго поглядывая на побеспокоив-

ших… Все ждали. Медперсонал родильного дома, собравшись вокруг роженицы, недоумевал. Пошлепали по попке… Презрительное молчание. Молодая мать в тревоге, забрасывает вопросами растерянного врача. Молодой врач, страдающий неуместным остроумием, очень хотел пошутить расхожей фразой из американских боевиков, когда главного героя пытают, а он молчит: «Он ничего не скажет», и фраза уже была на кончике языка, когда, наконец, этот заторможенный младенец исторгнул крик, довольно, между прочим, вялый, как бы выполняя свой не очень приятный долг, от которого никуда не деться: вы этого ждали? Нате, подавитесь…

Заторможенность осталась с ним надолго – Башир всегда опаздывал, шнурки ботинок завязывал по полчаса, потом медленно, по-стариковски распрямлялся; если посылали его в булочную за хлебом, он пропадал так надолго, что за это время можно было испечь этот самый хлеб в пекарне, отправить его в магазин, и уже из магазина вручить Баширу. Где бы он ни появлялся, слетались и кружили над ним вороны, громко, сердито каркая, будто стараясь загнать его обратно домой, чтобы не мозолил их вороньи глаза тут…

Они жили в маленьком старом дворике вместе с восемью семьями и одним туалетом во дворе с дощатой ненадежной дверью, и когда Башир по утрам до школы входил в этот туалет, соседи скрипели зубами и заранее занимали очередь, крича из окон: «Я – за Баширом!». Если кто-то из соседей отправлялся в булочную за хлебом, он брал хлеба на всех, кто просил, не доверяли только Баширу. Ну и так далее. Отец его развелся с матерью после долгих, частых, все возраставших семейных скандалов, когда Баширу было шесть лет, и одной из причин развода был заторможенный сын, которого в последнее время он видеть не мог. Так и жили. Первое время мать водила сына в школу, хотя школа находилась через улицу от дома, тянула сонного Башира за руку, вталкивала в школу, потом, как мы знаем, шефство над ним взял соседский мальчик-одноклассник Маймаков Эльнур.

Вот такое у него, Башира было детство; подзатыльники сыпались на него со всех сторон, и со стороны сверстников, порой даже мальчишек младше него (что само по себе редкость среди детей и подростков) и со стороны взрослых, не сыпались только со стороны Маймакова. Башир терпеливо сносил все обиды и рукоприкладства и, казалось, чем больше его обижали и тузили, тем больше его клонило в сон. Он ни с кем из детей не сходился близко, и как только взрослые начинали с ним говорить о чем-то, (особенно на воспитательные темы) на лице его появлялось скучающее выражение, он отворачивался и, казалось, еле сдерживал зевоту. Вот таким он рос, и юность его ненамного отличалась от детства, и, попав в Университет на специальность, где не было никакого конкурса (а напротив, предполагался недобор абитуриентов, что и случилось), Башир, благодаря предэкзаменационной зубрежке, стал в один ряд с остальными студентами, но с первого же взгляда очень отличался в этом ряду, выделялся не в лучшую сторону. Но и тут рядом оказался шустрый друг Маймаков Эльнур, подставлявший свое плечо в ситуациях, когда заторможенному приятелю приходилось туго. Для Эльнура шефство над Баширом и постоянная защита его были продиктованы в какой-то мере, как говорится, спортивным интересом – он любил преодолевать трудности, испытывать себя на прочность на каждом шагу в жизни, и преодолевая чувствовать глубокое удовлетворение, ощущать внутреннюю силу, а с таким приятелем, как Башир, трудности возникали постоянно. Так, засыпая и просыпаясь на ходу, Башир все-таки окончил Университет, получил диплом и стал стараться (старался он тоже вяло, опустив руки) устроиться на работу, жалуясь встречным и поперечным, что хорошую работу найти сейчас нелегко. В те годы, когда два приятеля получили дипломы, на работу посылали по распределению, и «везунку» Баширу попался такой дальний район и в этом районе такая дальняя деревня, о которой он никогда и не слышал, впрочем, он мало о чем слышал. Но тут его мама, всю жизнь проработавшая медсестрой в больнице и нажившая много влиятельных женщин-дру-

зей (жен влиятельных мужей), которым делала уколы, массажи, ставила капельницы и прочее, задействовала свои связи, и сына оставили в городе, в Баку и даже устроили на не пыльную работу, а именно – в музей литературы, где он засыпал теперь над манускриптами, вяло, лениво, будто из него клещами тянули, цитировал великих азербайджанских поэтов, мало что запоминая. Нет, с такой работой и с такой зарплатой жениться категорически не рекомендовалось. Но Башир не слушал никаких рекомендаций и женился: опять же мама подсуетилась, боясь, что оставит своего недоумка одного после того, как покинет сей мир и некому будет о чаде побеспокоиться… Девушка Нигяр работала медсестрой вместе с матерью Башира в хирургическом отделении центральной городской больницы; присмотревшись к ней повнимательнее, мать решила, что – подойдет: скромная девушка из приличной, но небогатой семьи, возраст на выданье, ровесница сыну... Башир познакомился, преодолевая косноязычие, с милой девушкой, стал встречаться с ней, походил в кино, погулял по бульвару, посидел с ней в кафе, и пришел к вполне логическому финалу – женился. Мама Башира, которая все еще неплохо зарабатывала на своих левых пациентках, помогала единственному чаду и его жене, помогала, пока была жива и здорова.

Надо сказать, что Эльнур Маймаков, лишний раз подтверждая свою абсолютную непохожесть на друга, в отличие от Башира, … и так и не женился никогда, а вел разгульную жизнь, любил гульнуть, переспать с чужими женами, пировать с друзьями, но и разум, как говорится, не терял, всегда с царем в голове, всегда готовый остановиться, если этого требует важное дело, твердо усвоив мудрую поговорку: делу время, потехе час.

Вернемся, однако, к троекратному знаку судьбы, то бишь сну в двух экземплярах: экземпляр для Маймакова, экземпляр для Башира. Вернемся… если, конечно, вы не устали… а то знаю я вас, любителей кратких аннотаций из классики… Ладно, ладно, нечего…

Существует такая расхожая истина: у любого миллионера первый миллион нажит нечестным трудом. Маймаков был не совсем миллионером, ну, может, скажем так – начинающим миллионером, и бутиками он владел не единолично, а на паях с бывшим министром (не скажу чего), который привлек его в компаньоны именно благодаря находчивости Эльнура, благодаря тому, что он мог выдавать интересные, прибыльные идеи, мог успешно контролировать и продвигать бизнес. И благодарный Эльнур Маймаков-Зильберштейн постепенно обогащался, зарабатывал, хапал с нарастающим аппетитом, порой чуть-чуть, на шажок-другой преступал законы, зная, что его прикроет влиятельная «крыша» в лице министра, одним словом – жил и давал жить другим. В этом высказывании, кстати, кроется истина: Эльнур в их совместном бизнесе открыл около сорока рабочих мест, преимущественно женских рабочих мест, и одновременно не забывал попользоваться некоторыми из этих девушек, что покрасивее и посговорчивее. Одним словом, жил-поживал, грех жаловаться, ездил на новеньком «Лексусе», жил в престижном районе в шикарной квартире. Нет, все было законно, легально, с небольшими зигзагами в сторону нелегальности и незаконности, которые пока что успешно прикрывал господин министр (не скажу чего). Но вот господин министр (не скажу чего) пошатнулся, проштрафился, прокололся. А все, благодаря своему доброму отношению к друзьям. Нет, Маймаков тут ни при чем. А был у господина министра друг детства (тоже детства, такой, видите ли, сентиментальный, верный дружбе человек) которого он взял к себе в министерство на ключевую позицию, и вот тот друг, тот мальчиш-плохиш постепенно вышел из-под контроля доверчивого министра, распоясался, обнаглел, охамел, стал, как говорил классик – «не по чину брать», вытворял бог знает что, хапал направо-налево, точнее – и справа и слева,как перед страшным судом, и дохапался до того, что был уличен и привлечен, вышел из кабинета в наручниках в сопровождении двоих в штатском (один – с конвертом в руках, где имелись помеченные купюры и на них – отпечатки пальцев

прожорливого друга министра)… И потянулась ниточка, потяну-у-у-ла-а-ась и дотянулась до господина министра (не скажу чего), а тут еще и бутики его в центре города, мозолящие глаза завистникам, и виллы на берегу моря, и еще – на берегу другого, не нашего моря, и ряд известных крупных маркетов, и много еще чего всплыло со дна мутной водицы… Пошатнулся компаньон, ох, пошатнулся…

И, естественно, стали копать и около стоящих, рядом имеющихся, докопались до подозрительного индивида со странной двойной фамилией Маймаков-Зильберштейн, и в результате этих копаний и расследований и дорогие бутики, имеющиеся в наличии, и некоторые другие более мелкие объекты в виде кафе и маленьких минимаркетов исчезли, будто и не существовали никогда, как корова языком слизала. Исчезли они для Маймакова и его босса, но в природе как известно ничего не исчезает бесследно, а только из одного состояния переходит в другое, вот и все прибыли от этих объектов и сами объекты и перешли в другие руки… Остался наш Маймаков у разбитого корыта, но кое-что удалось сохранить на черный день. Временно он опустил руки, возникла даже неизвестная доселе депрессия в легкой форме, когда не хотелось ничего делать, а только лежать и смотреть в потолок. Он теперь подумывал, не сменить ли фамилию обратно, как она была в первозданном виде, потому как, – горько размышлял Эльнур, – сейчас старая вполне соответствует его теперешнему бедственному, несчастному положению… Друзья и приятели, с которыми часто прожигал жизнь потерпевший, посочувствовали и отошли подальше. Остался один Башир. Эльнур продал свою шикарную пятикомнатную квартиру (куда теперь мне одному в пяти комнатах, – горько сетовал он), продал «Лексус», купил маленькую квартирку уже не в центре города и маленький «Фольксваген», сэкономив на этом весьма ощутимые для его теперешнего состояния деньги. Но вот Башир… Странное что-то произошло с ним, непонятное, уму непостижимое…

И вновь наступила весна, тревожа и беспокоя, отнимая сон. Полопались почки на деревьях, запахло плотью от проходивших мимо молодых девственниц, подул теплый, беременный от солнца ветер… Башира охватило необъяснимое, смутное состояние, беспричинная тревога и дрожь охватили его, он временами весь трясся и снаружи и изнутри, и телом и душой,… и не понимал, что с ним такое происходит, но когда это состояние проходило, он ощущал в себе что-то новое, рождение чего-то еще не названного, непонятного… и что-то чудесное, непостижимое произошло с ним (и нечего вам удивляться: много ли постижимого, объяснимого в нашей жизни? Жизнь и состоит из непостижимого, только мы не придаем значения, стараемся не видеть, не замечать, испуганно прячем голову в песок, привычные к своим будням. Непостижимое пугает нас. А ведь жизнь сама и есть непостижимое чудо).

На кое-какие деньжонки, оставшиеся в загашнике про черный день, Эльнур приобрел небольшой продуктовый магазин и, угнетаемый апатией ко всему окружающему, поручил его Баширу, потому что ему вдруг стало совершенно безразлично, что сделает с его новым объектом друг детства. А у Башира, как видно, открылось второе дыхание, чего не наблюдалось за всю его жизнь. Его потрясла печальная метоморфоза, происшедшая с другом, он вдруг, в одночасье почувствовал в себе небывалую энергию, которая спала, спала и выспалась наконец-то, почувствовал энергию и ответственность. Немало способствовала этому и супруга его Нигяр, которой надоело, наконец, жить в подвешенном состоянии, не то нормально живут, не то не очень, не то имеют все необходимое, не то не очень имеют, и она постоянно в последнее время толкала, тянула, пинала мужа, указывая пути приобретения.

– У нас теперь есть только мы, – говорил Башир, сверкая глазами на сонно посматривавшего на него Эльнура. – Надеяться надо только на самих себя…

– Да? – спрашивал Эльнур. – Это фраза, кажется, из какого-то фильма… Ну и что дальше?

– Увидишь, – загадочно отвечал Башир.

Он преобразился, ощущал себя другим человеком, словно энергия, таившаяся в нем долгие годы и не нашедшая применения, именно сейчас, скопившись до своей критической массы, взорвалась, наполнив его иным содержанием, сделав из него, Башира, совершенно другого человека, и именно сейчас, когда его другу потребовалась помощь, которую никто, кроме него, Башира, оказать ему не мог, потому что у него, Маймакова, и не было никого настоящего рядом, а были только приятели, умевшие разделять только приятное, весело проводившие время в кутежах за его счет, но не желавшие разделять с ним его проблемы. Башир помнил и никогда не забывал, как много в свое время сделал для него друг.

И теперь он горячо взялся за дело, стал изучать тонкости торговли, привлек к бизнесу жену, которая порой давала весьма неглупые советы, так как дружила с деловыми дамами, так называемыми бизнес-леди, и от них нахваталась; продумывал возможности получения крупной прибыли и расширения их совместного маленького бизнеса. Жена не только подавала советы, но и активно участвовала. Через непродолжительное время он увеличил дворовый магазинчик, услугами которого пользовались преимущественно жильцы двух новостроек, и довел его возможности до такого магазина, который стал постепенно необходим всему кварталу, нашел более удобное и выгодное место для еще одного, нового магазина, еще больше заинтересовал своих работников, продавцов, прибавив им зарплату, и вскоре маркеты заработали в полную силу, а чистая прибыль, что они приносили, увеличилась почти втрое.

Маймаков пока равнодушно наблюдал, как его друг день и ночь трудится (как муравей), чтобы вернуть ему утерянное финансовое благополучие и независимость, а заодно и самому восстать из пепла. Давно была заброшена тихая работа в музее литературы, Башир весь отдался бизнесу и родившемуся в нем новому деловому человеку, бизнесмену. Он уже подумывал об открытии еще одного, нового мини-маркета на соседней оживленной улице, и поделился далеко идущими планами со своим равнодушным другом, всячески стараясь расшевелить его, вернуть прежнего энергичного, трудолюбивого, щедрого на новшества и интересные идеи Маймакова, но тот пока помалкивал, лежа на диване и отворачиваясь от Башира, когда он слишком уж настойчиво домогался.

Новый Башир пришелся очень по вкусу семье, состоявшей по-прежнему из одной жены, не привыкшей к хорошим заработкам. Семья, состоявшая из одной жены и одного Башира, воспряла. Жена стала требовать то, о чем раньше и мечтать не смела с их с мужем скудным жалованьем. Но Башир понимал, что еще не время сорить деньгами, и вообще был категорически против подобных вредных чудачеств; новоявленный бизнесмен в нем говорил, что деньги должны работать и приносить еще большую прибыль, пока они не достигли своей критической вершины, на которой можно было бы расслабиться и когда можно было позволить себе многое.

Маймаков наконец вышел из своей легкой депрессии и подключился к их общей с Баширом работе. Деятельная в прежние дни до разразившейся катастрофы его натура, все это время прикрывавшаяся безразличием к происходящему вокруг него, все-таки грызла его изнутри и догрызла до того, что он взял себя в руки, причем в обе сразу, окрепшие, соскучившиеся по работе руки, и окунулся, куда надо. А куда надо, направлял его Башир. Опыт и бойкий характер Эльнура, которые постепенно после того, как временно опустились руки, вернулись к нему, очень пригодились Баширу, ему нужен был близкий человек рядом, добрый советчик, на которого можно было бы опереться и положиться. Но порой, с тревогой приглядываясь к другу, Башир, тем не менее, замечал небольшие странности в поведение Эльнура, резко менявшееся настроение, окунавшее его из бурной деятельности в резко противоположное апатичное состояние, когда он все сваливал на друга, временно отстраняясь от дел, мотивируя это состояние чем-то до смешного непонятным, абсурдным. Однако Баширу от этих метаний друга не было смешно, а было напротив – тревожно.

Торговля, надо сказать, была нелегким занятием для Башира, в этом бизнесе обнаружилось множество тонкостей, о которых он, погрузившись в спокойную и беспечную работу в музее, и не подозревал, а теперь приходилось соответствовать, приходилось многому учиться. Кроме того, у малых магазинчиков, у мини-маркетов оказалось немало проверяющих инспекторов – от пожарной бригады, участкового полицейского до санэпидемнадзора, и всех их надо было не обидеть, не отпускать с пустыми руками, встречать с подарками и провожать с улыбкой, если хочешь выжить в этом мире искривленного, перевернутого с ног на голову бизнеса.

Как-то сидели они вдвоем в небольшом опрятном кафе, куда повадилась ходить молодежь, сидели, пили пиво, хрустели чипсами. Маймаков сказал:

– Мне нравится это кафе. Чувствуешь себя молодым.

– А мы еще не старики, – сказал Башир. – И не нужно сидеть среди молодежи для того, чтобы чувствовать себя молодым. Правда? Мы еще покажем себя, дружище. Правда?

Маймаков посмотрел на друга и улыбнулся своей мягкой, располагающей улыбкой, помолчал, потом проговорил:

– Я в последнее время жалею, что не научился играть на скрипке. Из меня вышел бы неплохой скрипач. А на что я потратил свою жизнь?

Башир, не понимая, взглянул на него.

– Ты очень правильно потратил свою жизнь. Многого добился. Не твоя вина, что не повезло, сорвалось… Со всяким бывает… И ты еще не закончил тратить свою жизнь. Многое еще впереди, дружище…

– Как ты думаешь, я могу научиться играть на скрипке?

Башир, скрывая беспокойство, вгляделся в лицо друга, задержал взгляд.

– Нет, не думай, – сказал Маймаков. – Со мной все в порядке. – Он помолчал и после паузы продолжил. – Мне кажется, я все эти годы занимался не своим делом. Это меня беспокоит, даже гложет, мне кажется, я потерял свое время, не правильно его потратил, растратил…

– Потому, что не научился играть на скрипке?

– Не смейся.

– И не думал. Просто спросил.

– Человек должен посвятить какому-то делу… любимому делу – свою душу… а не умение обманывать, приспосабливаться, наживать, кормить этих паразитов, насекомых, живущих на чужой счет… Я свою душу не посвящал ничему, не радовал… Она спала. А ведь она есть, и она требует, чтобы ты обращал на нее внимание, не то захиреет, пропадет, покинет тебя… Ты меня понимаешь?

– Да, – не сразу ответил Башир. – Но ведь так, как мы с тобой, живут миллионы и миллионы людей, думаешь, они все живут неправильно?

– Конечно, неправильно. Чтобы жить правильно,… нужна смелость… прежде всего. И многое другое.

– Ну, я не знаю… К чему нам такие разговоры? Мы простые люди, которые стараются наладить свою жизнь…

– Да, ты прав, – несколько осуждающе покачав головой, проговорил Эльнур. – Думать об этом не рекомендуется. Нельзя копаться в себе, а вдруг, не дай Бог, обнаружится совесть. И как тогда с ней поладить, как дальше жить? Нет, нет, лучше помалкивать…

– Не понимаю тебя, честное слово… Чем ты недоволен? Хорошее пиво, приятное кафе, погожий денек… Живи этим днем, дружище, не ломай голову…

– Ладно. Я тебе просто так сказал про скрипку, смешно. Недавно смотрел по телевизору концерт знаменитого скрипача Ицхака Перлмана, и вдруг мне стало просто жутко, будто я потратил зря свою жизнь, будто это была моя настоящая профессия, настоящее призвание – играть на скрипке, и я это настоящее профукал… А что? Все-

таки, что ни говори, я ведь наполовину еврей, на лучшую половину, ты не забыл?… Ладно, не смотри так… Как говорится, кто в шестьдесят учится играть, сыграет в гробу. Нет, не в скрипке дело. Я стал оглядываться назад и ужаснулся своей жизни…

– Что же ты в ней нашел ужасного? – стараясь понять друга, спросил Башир. – Что помогал другу, делал добро – и это, по-твоему, ужасно?..

– Нет, не в том дело…

– А в чем? – вглядываясь в лицо друга, спросил Башир, которому на самом деле хотелось узнать, что происходит с Маймаковым. – Нет, дорогой мой, нельзя так падать духом после первой же неудачи…

– После первой? – Эльнур усмехнулся. – Если б ты знал, через сколько неудач мне пришлось пройти, прежде чем ты подключился к нашему общему делу… Нет, – он покачал головой, лицо его сделалось утомленным, набухли круги под глазами, он словно враз постарел. – Зря я затеял этот разговор. Я сам еще в себе не разобрался. Давай поменяем тему…

– Я как начал продолжать твое дело, так сразу столько трудностей навалилось, ну, ты знаешь, говорил тебе… – тем не менее, несмотря на просьбу друга, не меняя тему, продолжал Башир, – И жулье всякое, и чиновники, кто имеет право вмешиваться в частный бизнес, кто не имеет права, и полиция, и всякие надзоры, и конкуренты, готовые разорвать, но постепенно всему научился, и с твоей помощью тоже, кстати, вытягивал из тебя нужную информацию. Я понял: самое главное – не надо падать духом, надо идти вперед…

– В том-то и дело, когда стремительно шагая вперед и все вперед, ничего не замечаешь по дороге, и когда, наконец, дойдешь, упрешься в стенку лбом, начинаешь размышлять о никчемности всего, что сделано, о пустячности дороги, по которой шел… Я ведь однажды – и совсем недавно – прошел этот путь. Все это не настоящее.

– А что же настоящее? – машинально спросил Башир, вконец запутавшись и перестав понимать друга.

Эльнур посмотрел на него долгим взглядом и хорошо светло улыбнулся.

– Ты – настоящий, – сказал он. – Ты. Из всех людей ты самый настоящий. Как сказал Шекспир.

– Мне не нравится твое настроение, – посмотрев другу в глаза, произнес Башир.

– Мне самому не нравится. Но, должен сказать, ничто так не разочаровывает в жизни, как то дело, которым мы занимаемся – торговля, бизнес.

– Почему?

– Ты становишься каким-то… – он помолчал, ища точные слова, и после паузы продолжил, – каким-то… неправильным, что ли... Ущербным. Ведь в человеке, помимо стремления постоянно улучшать свою жизнь, поднимать её на более высокий материальный уровень, уровень комфорта… помимо этого должны быть другие потребности, потребности души.

Маймаков задумался, будто впервые услышал,… как звучат эти его слова, Башир внимательно, молча слушал, не перебивая.

– Вот живет человек, – помолчав, проговорил Маймаков, – живет себе, стремится все выше и выше, преодолевает все трудности, зарабатывает, обеспечивает семью, любовниц, посылает детей в самые престижные, дорогие университеты, покупает апартаменты, «роллс-ройсы» и «лексусы», яхты, дома на Багамах и прочее, прочее, фантазия богатых беспредельна… Живет себе, а рядом кто-то живет лучше, потому что богаче… И вот он старается перегнать. Почему у него пятьдесят миллионов, а у меня всего пять? И впрягается в бесконечную гонку, жилы из себя тянет, чтобы стать богаче всех. Живет в роскоши, все проблемы, что можно устранить деньгами, устраняет, живет в холе и неге, и единственное, что непрестанно делает – это

то, что привык делать с самых молодых лет: зарабатывает всеми правдами и неправдами. Неправдами чаще. Зарабатывает, зарабатывает, зарабатывает! Хапает, хапает!

– Не кричи, – проговорил Башир, дотронувшись до руки друга на столешнице. – На нас смотрят.

– Да, хрен с ними, пусть смотрят! – в сердцах произнес Эльнур. – Да… Живет человек … Живет, как сыр в масле катается, забыв о душе, что она у него есть, то есть – была когда-то чистая, прозрачная, ждущая, что её хозяин заполнит, напитает её всем тем хорошим духовным, что есть на земле, и теперь, не дождавшись этого, вся заплесневела, вся скукожилась его чистая душа, о которой он позабыл в погоне за прибылью, за усладами жизни… Но вот приходит пора умирать, ведь это так естественно, все умирают, даже Рокфеллеры, короли и президенты, но как же отказаться от такой сладкой жизни, как же ему плохо умирать, как ему не хочется… Нет, все-таки, чтобы жить хорошо, нормально хорошо, надо жить немножко плохо, чтобы не обидно было покидать эту жизнь.

– К чему вся эта лекция? Считаешь, нам тоже угрожает стать миллиардерами?

– Неважно. Считаю, что сам путь обманчивый, ложный, ступив на этот путь, предаешь себя, свою душу, а это ничем потом не окупается.

– Ты слишком драматизируешь. Можно быть богатым и заниматься благотворительностью, вот тебе и пища для души. Да и потом, вряд ли мы сможем подняться до таких материальных высот, когда наши капиталы будут командовать нами.

– Скорее всего, ты прав… Но дорога к этим высотам, по которой мы идем, этот путь ведет нас не туда, заводит в тупик.

Башир посмотрел на друга и шутливо произнес:

– Ладно, я куплю тебе скрипку.

– Я не о скрипке говорю… Но в общем-то, я здоров, чего ты и добивался узнать, постоянно присматриваясь ко мне, здоров и буду помогать тебе, но не жди от меня, что я вторично полезу под этот груз, теперь это твой бизнес. А я так… погулять вышел…

На том и порешили. Башир с удвоенной энергией впрягся в ярмо, ибо торговля, этот бизнес ему и представлялся ярмом, но, твердо усвоив, что теперь для него назад дороги нет и надо идти только вперед, а если понадобится, и напролом, он понимал, что позади оставлена оскорбительная, унизительная для мужчины работа в сонной атмосфере музея и что туда, или же – в нечто подобное он уже не вернется никогда, потому что – смерти подобно. В магазинах, которыми он руководил и где поначалу приходилось бывать безвылазно, на первых порах ему с его мрачным, замкнутым характером труднее всего было беспричинно улыбаться посетителям, это было не в его характере: улыбаться незнакомым людям…

– Посмотри на японцев, – наставляла его жена, – поучись у них. Они вечно улыбаются. Просто надо настроить себя, не видеть в чужих людях исключительно недоброжелателей, врагов…

Он намотал на ус слова жены. Попытки постепенно увенчались успехом, и теперь лучезарная улыбка Башира, как будто он провожал тещу из своего дома после длительного пребывания, встречала всех, кто переступал порог его магазинов. Все-таки надо было соответствовать конкуренции, чтобы более общительные соперники не перешагнули через него, не перебили бы у него клиентуру. Это было главное правило, которое усвоил Башир, потом пошло легче. Постоянные покупатели хвалили друг другу хозяина магазина за его добрый нрав, за приветливость, за терпение, с которым Башир, не торопясь, ожидал, когда должники, бравшие продукты в долг, расплатятся с ним, а порой он даже, ласково осведомившись о семейном положение на данный момент, не брал возвращаемые деньги, оставляя до следующего более благоприятного для постоянного покупателя времени. Не оставались в накладе и представитель правоохранительных органов, яростно охранявший права граждан,

представитель инспекционного надзора, пожарная охрана и прочая мелюзга, привыкшая жить за счет других. Всех их Башир встречал и провожал с улыбкой, и постепенно эта волшебная улыбка принесла ему широкую популярность среди покупающей публики, да так, что многие теперь, минуя ближайшие к дому магазины, шли отовариваться именно к нему, Баширу. Конечно, были небольшие стычки и конфликты с конкурентами, которые испытывали ощутимую утечку клиентуры, но тут уж подключалась крыша в лице правоохранительных органов, и конкуренты вынуждены были оставить Башира в покое, даже не начав серьезных разборок с ним. Во многих случаях также подключались и помогали и американские президенты, особенно один из них, а именно – Франклин. Ну, уж без этого никуда, так уж повелось в среде бизнесменов…

Прошло немного времени, и Башир, взнуздав удачу и попав в жилу, став профессионалом в своем бизнесе, замахнулся на более масштабные дела: открыл ряд магазинов и кафе, став напарником некоторых влиятельных лиц, которым самим нельзя было светиться и неловко было всплывать на поверхность подобного бизнеса; то есть шел по той же дорожке, на которой споткнулся его друг Эльнур, потерпевший фиаско, и в результате чего охладевший к своему детищу, развернутому по всем направлениям бизнесу. Но Башир оказался, как ни странно, если вспомнить его детство и юность, более твердым орешком и прочно и надежно застраховал себя от неприятных инцидентов в высших сферах, а именно – имел не одного босса и крышу, а нескольких (не скажу, которых), таким образом – если рухнет один столб, столп, гигант, то останется другой, под крышу которого можно было бы перетащить все хозяйство. Дела, одним словом, процветали, тьфу, тьфу! – дай Бог и нам с вами, и Башир недавно открыл салон красоты в центре города для супруги, которая давно хотела, как и он, заняться чем-нибудь стоящим, а не просто кататься с подругами по благодатным районам республики на своем «Рендровере»??? или («Рендж Ровере»). Одним словом, дела шли, дела поглощали все время Башира и самого его поглощали, так что по ночам жена была не очень довольна тем, что он спит как колода, временами заливисто храпит, временами дергается, когда снится ему налоговый инспектор. Она изучила все оттенки и тонкости его сна, но от этого ей было не легче, хотелось еще время от времени близких отношений, ночных соитий… Но… разве его добудишься, спит без задних ног. Супружница, надо сказать, была порядочная дама и о замене мужа, забывшего свои супружеские обязанности, и не помышляла, ни-ни, ни боже мой, даже несмотря на заманчивые предложения бойких подруг; ели, пили, путешествовали, веселились, в сауне парились, но… без мужского вторжения.

А по утрам она жаловалась на головную боль, садилась за стол с туго затянутой платком головой, отказывалась есть, ссылаясь на отсутствие аппетита. Башир искоса поглядывал на неё и жаловался на бессонницу, поедая кашкалдака в ореховом соусе.

– Я этой ночью ни минутки не спал, не мог заснуть, – урчал он с набитым ртом. – Опять забыл принять снотворное.

– Ты храпел, как рота солдат, – говорила Нигяр, жена. – Как это у тебя получается: храпеть бодрствуя?

– Ничего не помню, всю ночь снилась всякая хрень, как будто мы поехали в Лас-Вегас и я там проиграл все свои деньги, все магазины, кафе, машины, квартиры, твой салон и твои шубы. Кошмар. А потом пришли насекомые, – сказав это, Башир удрученно замолчал, продолжая, однако, активно пережевывать пищу.

– Пришли насекомые? – не поняла Нигяр.

– Я же говорю тебе, мне каждую ночь снятся кошмары, сам не пойму, что это такое… – проговорил Башир и подозвал собаку (порода – кавалер кинг чарльз спаниель), – Тс-тс-тс, – и сунул ей косточку.

– Не корми Мордашку, сколько я тебе говорила, у неё специальная еда, – устало произнесла Нигяр.

– Ну, еще бы, – проговорил с напускной обидой в голосе Башир. – За собакой уход лучше, чем за мной, мне никто еще не предлагал специальную еду…

– Старый ворчун, повариха только на тебя и работает, – проговорила Нигяр и на этом поставила точку в их утреннем разговоре, потому что поднялась из-за стола, вспомнив массу дел, предстоявших на сегодня.

Получив столь щедрый подарок от мужа (салон красоты, даже не просто салон, а с ценным, скорее – бесценным приложением: очень опытной пожилой и бойкой женщиной-косметологом, которая отлично справлялась и с должностью менеджера и нелегкой работой хозяйственника, и к тому же обладала великолепным шармом и обаянием, привлекавших к ней, как мух на мед, богатеньких дамочек, обожавших выглядеть не по возрасту сексуально, так что хозяйке, а именно Нигяр оставалось только считать прибыль и пребывать в приятельских отношениях с Бэлой, своей незаменимой помощницей), Нигяр бросила основную копеечную работу в больнице, где после процветания мужа оставалась по привычке, только чтобы не бездельничать одной дома, и откуда изначально была взята и засватана за сына матерью вялого, бесхарактерного тогдашнего недотепы Башира, с далеко идущей целью – чтобы было на кого оставить отпрыска после того, как она покинет сей мир… И Нигяр полностью и с великой охотой отдалась интересной и прибыльной профессии, стараясь с помощью бойкого менеджера изучить все тонкости новой работы. Одно только беспокоило старуху – мать Башира: у молодых (а потом уже не очень молодых) не было детей, и, как говорится, по ходу жизни даже коварно помышляла – не найти ли сыну замену, не женить ли по второму разу, разведя с нерожавшей невесткой, но тут как раз (очень некстати для старухи) они полюбили друг друга. Жили-жили нормально и вдруг такое, через годы взяли и влюбились и горячо, страстно полюбили друг друга, чего не наблюдалось в начале их брака, и даже не совсем в начале брака… Одним словом, старуха-мать не дождалась внуков. А так хотелось, ну, ясное дело… А Башир с Нигяр жили в любви и согласии, и когда волей Божьей муж преобразился, проснулся, ожил, расцвел, любовь их тоже еще больше ожила и расцвела…

Ну, тут вроде все в порядке, хотя какой порядок может быть в нашем беспорядочном мире, полном неожиданностей, полном горя, забот, неотвязных болезней, сменяющих друг друга волн пандемии, войн, растущих цен, но в то же время – в мире, полном радости, улыбок, доброжелательства, счастья, что всё еще живы, что живем и любим жизнь. И мысль о ребенке, которая время от времени возникала то у ней, то у него, о ребенке, которого можно было бы взять из приюта совсем маленьким, почти грудным, навязчиво возникала и тут же отодвигалась надеждой на то, что Бог даст им своего, так как не сидели в этом отношении сложа руки, старались, ибо сказано Всевышним: от тебя действие, и Я дарую… Старались, оба охотно и еженощно, когда оставались еще силы у него после напряженного трудового дня, а то и средь бела дня старались, ходили по врачам, выходили на светила медицинской науки, которые не одну бездетную пару осчастливили, находили известных ворожей, принимали разные снадобья, ходили на паломничество в святые места, вроде перепробовали все…

– Ну, что же Ты, – богохульствуя, сетовала Нигяр. – Ты же говорил: «и Я воздам, дарую», – твердила она про себя, ломая руки, неверно понимая цитату из Библии. – Что же ты забыл про нас?! Забыл, забыл, забыл, обманул!!!

И она заливалась беспомощными слезами.

Но с годами страстное, жгучее желание, преследовавшее её в снах, когда она видела себя, держащую живой розовый комочек, вышедший из её чрева, когда она целовала ножки и попку ребенка, когда тихо и ласково прижимала к своей груди, налитой животворными соками, эту теплую жизнь, это чудо, этот дар небес, что произвела на свет она… это желание постепенно гасло, угасало, теряло жар, теряло тепло… И тем сильнее привязывалась она к мужу, тем крепче, тем больше любила его

теперь уже спокойной, умиротворенной любовью… Но страсть, как в былые годы, порой охватывала её…

– Что с тобой? – спросонок спрашивал Башир, когда она среди ночи будила его страстными поцелуями, прижималась к нему, осыпая поцелуями лицо и плечи, и руки, и волосатую грудь. – Что ты, милая? – кажется, вполне понимая, ласково спрашивал он. – А, Нигушка?..

– Ничего, – говорила она, пряча слезы и отворачиваясь. – Спи…

И работа, напряженная, интересная, порой тяжелая, заставлявшая думать, размышлять, искать пути улучшения бизнеса, занимала почти все их время и у него, и у неё. И она боялась изнуряющих, медленно убивающих мыслей, не связанных с работой…

А как же поживает наш приятель Эльнур Маймаков-Зильберштейн? Мы, кажется, забыли о нем…

Странные вещи стали происходить с Эльнуром (всегда хочется назвать странным то, с чем не сталкивался, что непривычно, столкнувшись с чем невольно хочется воскликнуть: «Не может быть!», но это есть и вполне может быть, независимо от того, хотим мы этого или нет), он отошел от всех дел, был по-прежнему одинок, женщины и приятели, которые не отходили от него ни на шаг, когда он швырял деньгами направо-налево, теперь отошли, и отошли очень далеко и не хотели приближаться, но все же какие-то деньги у него оставались, да и Башир аккуратно посылал толстенькие конверты, но теперь, в отличие от прошлых лет, когда он знал цену презренному металлу, несмотря даже на мотовство и безалаберное расшвыривание, и мог зарабатывать, теперь его будто подменили, он разучился разумно нормально тратить деньги на необходимое и близок был тот день, когда он мог бы остаться без гроша, он терял приносимые и присылаемые Баширом деньги, как ребенок, дарил прохожим, и тратил как сумасшедший, покупая ненужные вещи, а безделье, одиночество, появившиеся в последнее время мнительность и подозрительность, направленная против всех знакомых и незнакомых, постепенно разрушали его нормальную в прошлом жизнь, и легкие приступы депрессии, изредка навещавшие его, сделались чаще и тяжелее. Он был предоставлен самому себе, и близкие соседи, с которыми он прекратил без всякого основания общение, наблюдали у него весьма странные действия: на входной двери своей квартиры он нарисовал масляными красками огромную задницу на потеху детям и, не довольствовавшись этим, приписал неутешительную по своей нескромности надпись: «Пошли в жопу!», а внизу более традиционную: «Прошу не беспокоить», и взрослые соседи были очень недовольны. Его, кстати, никто и не беспокоил, кроме нового участкового полицейского, которому еще не довелось есть из его руки, когда он был на вершине достатка, и потому побеспокоил с удовольствием, пригрозив неприятными последствиями. Но постоянно вторгался в проблемы друга Башир, и все становилось на свои прежние места, все, кроме разительно изменившегося характера Маймакова. Надпись на двери, однако, пришлось закрасить. Слонялся по улицам, как сомнамбула, и стоило ему издали увидеть знакомого, или бывшего приятеля, он, тут же прибавив шаг, уклонялся от возможной встречи, хотя мало кто был ему рад, и тоже старались не встречаться с ним. Но происходило и обратное, и это тоже было очень странно и необъяснимо, когда он сам подходил к шапочно знакомому человеку или вовсе незнакомому прохожему, которого впервые видел, и начинал жаловаться ему, что близкий друг обманул, облапошил его, отнял бизнес и теперь процветает за его счет, а он все потерял… Но, поговорив так несколько минут с изумленным прохожим, он внезапно прерывал себя и, резко повернувшись, быстрым шагом удалялся. По целым дням он лежал на диване и непонятно, о чем думал, но вид у него был думающий. Давно отключили в его квартире неоплаченный интернет, не работал телевизор, за свет приходили квитанции за квитанциями и наконец предупреждение, что тоже отключат, но ничто его не трогало, он не чувствовал необходимости шагать в ногу с со-

временным миром, и постепенно легкая депрессия, изредка навещавшая его, перешла в свою тяжелую форму, когда нельзя было оставлять больного без присмотра, и появилась необходимость госпитализации, чем и занялись близкие сердобольные соседи, вошедшие в его положение.

Башир, заваленный делами, узнал об этом от жены, когда друг оказался уже в психиатрической лечебнице, но и тогда он не сразу среагировал.

– На следующей неделе я проведаю его, – обещал он жене.

– Какая следующая неделя! – возмутилась Нигяр. – У него, кроме тебя, никого нет, ни одного близкого человека. Вспомни, как много он сделал для тебя, фактически это он сделал тебя таким крутым бизнесменом, какой ты сейчас… Мы должны немедленно…

– Но ведь я сегодня должен увидеться с министром, он ждет меня через час, – раздраженно, поглядывая на часы, стал оправдываться Башир. – Я же твоим делом и занимаюсь, не забыла? В ста метрах от твоего салона еще один такой же салон красоты, и они недовольны, что ты перебиваешь их клиентуру, и я сегодня с министром должен устранить эту твою – твою! – проблему, потому что этот самый министр и есть крыша твоих конкурентов, или как там их назвать…

– Не надо, – перебила его Нигяр. – Я сама этим займусь…

– Сама?! – искренне удивился Башир. – Каким образом, позволь узнать? Только говори побыстрей, я уже опаздываю…

– Бэла, мой менеджер и твоя бывшая любовница…

– Хватит болтать, говори по делу, – резко перебил он жену.

– Хорошо, по делу… Бэла переманила к нам классного стилиста, уже месяц работает в моем салоне, а вместе с ним перешла к нам и супруга господина Н. … Ну, знаешь его?

– Еще бы! – Башир был поражен. – Неужели? Я думал, она летает в Париж, когда нужно делать прическу…

– Нет, приходит к нам, в наш салон. И я с ней подружилась. Так что я немного разгрузила тебя, дорогой, – сказала она с довольным видом, будто решила сложную задачу, с которой не справлялся муж, – одной проблемой меньше, занимайся своими делами…

– Хорошо, ты умница, – сказал довольный Башир и поцеловал жену в лоб. – Голова не болит? Ну, мне все равно надо встретиться с министром… А поедем мы к Эльнуру сегодня или завтра, небольшая разница. Кстати, узнай, в какой он больнице…

– В Маштаги… – притихнув, ответила Нигяр. – Но обещай мне…

– Да, да, конечно, – перебил он её, стремительно вышел из дому, и через минуту она увидела в окно, как шофер распахнул перед ним дверцу «Бентли», а помощник, ожидавший возле машины, стал активно отстранять какую-то старую женщину от босса, но, тем не менее, Башир полез в карман и подал купюру ожидавшей его выхода женщине, правда, перед тем он поднял голову и посмотрел в окно своей квартиры, к которому прильнула жена.

Вернулись они из психиатрической больницы в подавленном настроении, несмотря на то, что Эльнур вполне нормально поговорил с ними, поинтересовался делами, и никак нельзя было принять его за душевнобольного, он задавал разумные вопросы, а о себе сообщал кратко, неохотно. Сказал только, что здоров, нормально себя чувствует, и скоро его выпишут, потому что здесь долго не держат…

– Потому что, – прибавил он, как-то хитро ухмыляясь, и Башир вздрогнул, увидев на лице друга незнакомую, никогда за всю их жизнь невиданную злобную и коварную ухмылку. – Потому что, – повторил Эльнур, понизив голос и оглянувшись. – Сумасшедших нельзя вылечить… – и неожиданно, так что Нигяр вздрогнула, захихикал, и хихиканье его перешло в неудержимый, беспричинный громкий хохот, так что санитар, стоявший неподалеку, стал медленно идти в их сторону.

Они покинули Эльнура, но предварительно Башир зашел к главному врачу, весьма тактично передал ему от себя пухлый конверт, раздал деньги обслуживающему персоналу, поручив им позаботиться о друге, чтобы он ни в чем не нуждался. И они уехали по своим делам, в свои жизни. По дороге Нигяр расплакалась. Башир смотрел в окно «Бентли», в пробегающие мимо машины по краям дороги… и ничего не замечал. Он не стал утешать жену, пусть поплачет.

* * *

Прошло два года. Так получилось, что за эти два года ни Башир, ни Нигяр ни разу не виделись с Эльнуром. Первое время после выхода друга из больницы, Башир все-таки при всей своей занятости выкраивал часок и навещал его, и даже раза два заходил с женой без предварительного звонка, потому что у Эльнура не было телефона ни квартирного, ни мобильного, но неизменно встречая холодный прием и не зная, о чем с ним говорить, он постепенно прекратил свои утомительные, бесполезные визиты, и уже почти забывал старого друга…

Но однажды, спускаясь в подземный переход на центральной улице, Нигяр еще издали услышала вырывавшуюся снизу из перехода чудовищную какофонию звуков, режущих слух. Она поморщилась и решила подняться обратно, перейти улицу в неположенном месте, но что-то смутное её остановило, она спустилась до конца ступеней и увидела Эльнура…

Мир тесен, – скажете вы и не ошибетесь, потому что любите прописные истины, болваны.

Не имея ни слуха, ни мало-мальски умения играть на скрипке, ни музыкального образования, Эльнур, стоя у стены, выпиливал свою ненормальную житуху, как бы поливая грязью прохожих, удивленно оглядывавшихся на него. Чудовищные звуки исторгались словно из нутра неумелого скрипача и терзали слух. Тем не менее, в скрипичном футляре у его ног были видны несколько мелких купюр и монеты. Видимо, прохожие, обладавшие тонким слухом, кидали ему деньги, чтобы он перестал насиловать их тонкий слух.

Нигяр подошла к нему. Он сразу узнал её, на что она не надеялась, и, перестав играть, опустил скрипку. Не дав ей раскрыть рта, он сообщил таинственно:

– Я специально так безобразно играю скрипичный концерт Брамса, чтобы не догадались, – доверительно поделился он с ней своим секретом. – Посмотри, что у меня, – и он взглядом показал на скрипку в опущенной руке, заговорщицким жестом подозвал её поближе и зашептал. – Ведь у меня в руке настоящий Страдивари. Тсс! – тут же предупредительно зашипел он, пугливо оглядываясь. – Никому ни слова. Даже мужу. Особенно мужу. Мужики не могут хранить тайны. Он мне на прошлой неделе приснился, ну, ты поняла… – и так как он замолчал, Нигяр тихо спросила:

– Кто?

– Как кто? – вдруг возмутился Эльнур. – Сам. Страдивари. Он мне и передал скрипку. Вот она. Но никому ни слова. Иди. И молчи. Теперь мне надо играть.

Она хотела вложить ему в карман деньги, все, что было при ней, но он грубо оттолкнул её руку.

Нигяр отошла от него в полном смятении и ночью, рассказывая мужу, горько плакала… поплакала, послушала, как Башир храпит, причмокивая во сне; и тут вспомнила о своем ценном приобретении – супруге высокопоставленного чиновника, с которой подружилась, и сердце её облилось горячей радостью; и еще подумала, что конец апреля, опять весна, и эта весна все еще будоражит ей кровь, хоть и не молода уже, что она любит мужа, и у них все хорошо, и можно поехать на новую дачу, лечь в шезлонг у бассейна и лежать, лежа-а-ать… – подумала обо всем этом, улыбнулась … и уснула, утомленная за день.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

АТИКА АЛИЕВА

Атика АЛИЕВА – выпускница Музыкального колледжа при Бакинской Консерватории по классу хорового дирижирования. После выпуска из колледжа она поступила в местный филиал МГУ им.М.В.Ломоносова на факультет русской филологии, который успешно закончила в нынешнем году. Стихи пишет с подросткового возраста, тогда же вышел ее первый сборничек, ставший наглядным подтверждением как очевидных достоинств, так и несовершенств юного автора. …Что поставить в плюс молодой поэтессе? Выраженную авторскую интонацию (хотя временами не свободную от определенной стилизации), культуру поэтической речи, которую обеспечивает эрудиция профессионального филолога и подлинного любителя поэзии. Безусловно, стоит отметить и очень искреннюю лирическую интонацию, транслирующую мысли и чувства юного существа в пору взросления и становления в этом мире… Сегодня в жизни Атики гармонично присутствуют две творческие стихии: музыка и литература, хотя музыка, возможно, перевешивает – за ее плечами уже имеется опыт работы по специальности, в качестве хорового дирижера и участника различных капелл и музыкальных проектов. Останется ли она привержена стихосложению, покажет время, но мы надеемся, что эта публикация в том числе посодействует тому, что в команде авторов журнала появится еще одно интересное имя.

Зимние стихи

У меня за окном февраль
И знакомые с детства ели.
А за ними чужая даль –
Неизбежность новой потери.

Но еще до потерь – твой дом.
Он стоит у дороги старой,
У которой во сне моем
Я искала тебя, чужая.

Я, твоя, никакого дня
В феврале никакого года...
Ты, оставивший мне меня,
Не заметил меня у входа.

Как во сне я хожу вокруг
Этих стен –
как вокруг святыни,
И прошу излечить недуг,
Призывая святое имя.

Я забыла, что ты не свят,
Что не свято мое желанье
Твой любимый носить аят
В сердцевине священной раны.

Я забылась –
горячка, бред!..
И о том я забыла даже,
Что тебя в этом доме нет...
– Боже!..
Дай, чтоб и в сердце –
так же.

Души

Пробудились в бессонные ночи
Нездоровые души усталые.
И, желая в жизни упрочиться,
Сотворили с собой небывалое.

Разлетелись на малые части.
И теперь мы –
совсем непохожие...
Заколочено летнее счастье
В суете нелюбви и безбожия.

Закатилось на севере солнце,
Под ногою мосты стали зыбкими...
Сняли с пальцев заветные кольца
И весенней землей засыпали...

*** * ***

Когда мне снится ил в чужой реке
И тихий ветер над вечерней гладью,
Ты с мертвыми на мертвом языке
Поешь и плачешь над моей кроватью.

Но этот плач, тоскливый и знакомый,
Давно уже не будит по ночам.
Ты для меня, зависший над проемом,
Теперь сродни церковным образам.

Я не склонялась так ни перед кем,
Но что несет мне это поклоненье?..
Мне, мертвой, и на мертвом языке
Ни с кем живым не петь о воскресеньи.

Песня

Не спою тебе песню старую
Убаюкать тебя усталого,
Моего чтоб не слышал голоса,
Не касался русого волоса,
Чтобы душу мою не выпрашивал,
Чтоб желаний в себе не вынашивал,
Не входил по ночам да во сны мои,
Чтоб руки моей ты не вымолил,
Не выманивал на просторные,
Да на улицы на крестовые,
Чтоб не бился в окно черным вороном –
С миром шел на четыре стороны.

Свет

Я по крышам любила прогулки
И рассветы в кругу друзей,
Тень инжира в родном переулке,
Суету до прихода гостей.
Мне дарили ансамбли, дуэты –
Музыканты, актеры, поэты,
Много книг и живых цветов,
И спектакли из летних снов.

Мне дарили улыбки, объятия,
Свет закатный медовых глаз,
И любовь без тяжелой стати,
Без наигранности и прикрас.
И казалось, что все постоянно
И незыблемо –
искренне, прямо.
И не нужно пространных фраз:
Нет яснее медовых глаз.

Но забыты прогулки, рассветы,
И гостей в моем доме нет,
В предпочтенье иные дуэты,
И в друзьях лишь старый поэт.
А душа, что без теплых объятий,
На пороге тяжелых приятий.
Безупречности в мире нет,
Но опять за порогом – свет.

Будут снова друзья и улыбки,
Будут встречи из летних снов,
Станут легче сноситься убытки,
Удаленность родных голосов.
Будут снова объятья, тревоги,
Глаз тепло, и любовь, и дороги...
И за каждым порогом –
свет.
Неизменнее света – нет.

В старом доме

На запястьях моих обожженных
Этим солнцем язычески-желтым
Жемчуг –
Индии дальней дань.
На твоих же, недавно милых –
Серебро потемневшее...
Ты ли
Мне навстречу вышел тогда?..

Иль в удачно подобранной маске

Мне явился из старой сказки
Лживый черт по душу мою?
Пожелтела листва, прозвенела.
Я как раньше уже не пела,
И, казалось, –
не запою.

В старом доме осыпались стены
От заезженной мизансцены,
От бездарной актерской игры.
А теперь в нем до ужаса тихо:
Не живут ни добро, ни лихо...
(Даже ты не живешь. Увы.)

Но сегодняшним утром в восемь
Мне в глаза заглянула осень,
Подлетев к моему окну.
В лоб меня, словно дочь, целуя,
Навсегда, золотясь и ликуя,
Забрала по тебе тоску.

И пробили часы ровно девять.
Десять!.. Одиннадцать!..
В двери
К нам неспешно остуда войдет...
И – еще раз!..
Двенадцать ровно!
Глаз твоих я уже не помню –
Завтра имя забуду твое...

Пожелание себе

Закрывая глаза под утро,
Не шепчи его имя впредь.
Не ищи у него приюта –
Он не станет тебя жалеть.

Ты в холодный, туманный полдень
Не ищи силуэт чужой:
Он не там и не с теми бродит,
Изнуренный дотла собой.

Не желай его тайных жестов,
Не ищи задушевных слов,
И под вечер не жди известий,
Закрываясь на семь замков.

Ты не пой о чужих ресницах,
Не рисуй от тоски бровей...
И тогда перестанет виться
Тень его у твоих дверей.

АБУЗАР БАГИРОВ

МУХАММЕД ФИЗУЛИ И КАНОНИЧЕСКИЙ ЖАНР ГАЗЕЛИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Актуальность темы исследования обусловлена огромной ролью Мухаммеда Физули (1494-1556) в развитии в тюркоязычной лирической поэзии Ближнего и Среднего Востока любовно-лирического жанра «газель», определением его заслуг в расцвете этого восточного канонического жанра в азербайджанской литературе, а также неоспоримого и недосягаемого авторитета, заслуженного великим поэтом своим творчеством, вознесшим его на поэтический олимп. Прослеживается тесная взаимосвязь его лирических газелей с поэзией предшественников и несомненное влияние на творчество поэтов, живших и творивших после него.

Основные причины популярности газели в азербайджанской поэзии связаны с этногенезом этого лирического жанра. Известно, что классическая азербайджанская любовная лирика уходит корнями в арабскую и персидскую поэзию. Газель первоначально – до VII века – являлась составной частью большеформатных касыд и, как писал И.Ю. Крачковский, со временем отделившись, сформировалась как самостоятельный поэтический жанр. Этот процесс завершился в IX-X вв. в арабской литературе, затем в X–XII вв. – в персидской и уже в XIII-XVI вв. в азербайджанской поэзии. Газель, как лирический поэтический жанр, исследовалась такими известными востоковедами, как российские академики И.Ю.Крачковский (1883-1951), Е.Э.Бертельс (1890-1957), А.Б.Куделин (1944); азербайджанские академики Г.М.Араслы (1902-1983), А.Дж.Рустамова (1932-2006); таджикские академики А.М.Мирзоев (1908-1976), И.С.Брагинский (1905-1989); турецкий литературовед А.О.Кабаклы (1924-2001); российский профессор М.Л. Рейснер (1954) и др.

Мы проанализируем вкратце творчество поэтов-предшественников Физули, создававших лирические газели на азербайджанско-тюркском[1] языке тюрков-азери: Изаддин Гасаноглу (1272-1348), Гази Ахмед Бурханеддин (1344-1398), Имадеддин Насими (1369-1417), Мирза Джаханшах Хагиги (1405-1467), Нематулла Дилмагани Кишвери (1445-1525), Хабиби (1470-1545) и Шах Исмаил Хатаи (1487-1524); рассмотрим роль Мухаммеда Физули в создании поэтической школы и его влияние на последующих поэтов, в первую очередь на поэтов, создавших высокие образцы газелей в азербайджанской литературе; выявим основные причины популярности газели в ближневосточной, в частности, в азербайджанской поэзии; укажем оригинальные литературные приёмы непревзойдённого мастера лирических газелей; уделим пристальное внимание художественно-литературному языку его произведений.

Для осмысления поэтической вершины, достигнутой Мухаммедом Физули в своих лирических газелях, в статье приняты разные методы исследования: герменевтический, теоретико-литературный и сравнительно-аналитический.

Газель является одной из самых распространённых малых лирических жанров Ближней и Средневосточной классической поэзии. Слово «газель»(غزل) в переводе с арабского означает «лирическое стихотворение, ухаживание за женщиной, любезное обхождение с женщиной, флирт».

[1] В 1936 году советским правительством по политическим мотивам тюрки Азербайджана были переименованы в «азербайджанцев», (по стране проживания) а тюркский язык – в «азербайджанский». Далее мы будем использовать термин «азербайджанский» – **Ред**.)

Турецкий литературовед, Ахмет Кабаклы, автор фундаментального пятитомного труда «Турецкая литература» даёт чёткие параметры, использованных форм газелей в тюркских литературах: «Газели состоят из 5-12, а иногда из 15 бейтов (*двустишие* – **А.Б.**). Рифмуются: аа, ба, ва, га и т.д. В этой форме больше всего разработаны любовные, природные и общечеловеческие тематики. Первый бейт газели называется «матла» («рождение, введение»), последний – «макта» («заключение, конец»), основной бейт – «бейтуль-газель» («дом газели, главный бейт»). В последнем двустишии обычно упоминается имя автора – «тахаллус». Газели исполняются чаще всего под аккомпанемент струнного музыкального инструмента: уда (лютня), тамбура, гопуза, саза, тара, кяманчи и др., или в сопровождении нескольких одновременно».

Поэты – создатели газелей в предфизулийский период сыграли важную роль в формировании этого жанра на азербайджанском языке. Первые образцы газелей в азербайджанской поэзии на родном языке относятся к XIII веку: три газели на азербайджанском языке поэта ***Иззаддина Гасаноглу*** и одна газель в повествовательном тексте анонимной поэмы «Дастани-Ахмед харами» («Поэма Ахмеда-разбойника») XIII века.

К сожалению, из богатого поэтического наследия суфия и мыслителя Иззаддина Гасаноглу до нас дошли только две газели на персидском и три на азербайджанском языках, которые и считаются первыми образцами газелей в истории азербайджанской литературы и отражают высокое художественное мастерство автора.

Наряду с использованием традиционных образов и фигур арабско-персидской лирической поэзии, многие выразительные средства, используемые им, свежи и новы, именно они придают его газелям особую прелесть, изящную интонационно-словесную гармонию. Эти газели, украшенные завуалированными символами, являются одними из блестящих образцов классической азербайджанской лирической поэзии. Приведём одну из газелей поэта в художественном переводе Павла Антокольского (1896-1978):

Ты душу выпила мою, животворящая луна.
Луна? – Краса земных невест! Красавица – вот кто она!
Мой идол! Если я умру, пускай не пенится графин.
Какая пена в нём? – Огонь. Он слаще красного вина.
От чаши, выпитой с тобой, шумит у друга в голове.
Какая чаша? – Страсть моя. Любовь – вот чем она пьяна.
Царица! Сладкой речью ты Египту бедами грозишь:
Всё обесценится, падёт на сахарный тростник цена.
Покуда амбра не сгорит, её не слышен аромат.
Какая амбра? – Горсть золы. Какой? – Что в жертву предана.
С младенчества в душе моей начертан смысл и образ твой.
Чей смысл? – Всей жизни прожитой. Чей образ? – Снившегося сна.
Гасаноглу тебе служил с той верностью, с какой умел.
Чья верность? – Бедного раба. Вот почему любовь верна!

Гази Ахмед Бурханеддин – правитель провинции Кайсери, что ныне находится на территории Турецкой Республики, был и талантливым поэтом, который впервые в истории азербайджанской литературы создал свой «Диван» (сборник поэтических произведений). Этот «Диван», состоящий из 608 страниц, был составлен и переписан при жизни самого поэта в 1393 году, дошел до наших дней и хранится в Британском музее под номером 4126. Основную часть данного сборника занимают газели – 1500, 20 рубаи, 119 туюги, 7 муфреды – всего 17000 строк.

По определению арабиста И.Ю.Крачковского воспевание любви в газелях происходит в двух направлениях: «1. Любовь – удовольствие, счастье. 2. Любовь – горе, беда». В «Диване» Г.А.Бурханеддина соблюдено это каноническое правило составления поэтического сборника. Начальная и заключительная – газели, именно так и называются – «Любовь». Оба произведения перекликаются со стихами Низами Гянджеви, что говорит о влиянии великого автора «Пятерицы» на творчество Г.А.Бурханеддина.

Поэт-гуманист ***Имадеддин Насими***, живший в конце XIV-начале XV веков, привнёс в азербайджанскую газель новое дыхание, отличающее этот жанр от подобных персидских образцов по форме, по поэтическому содержанию и стилю, по идейной направленности и отражению многослойной, глубинной философской мысли. Свой творческий путь Насими начинал как приверженец суфийских идей, позднее, с принятием хуруфизма, в его поэзии отразился синтез этих двух философских течений Насими использует мистическую символику букв для художественного раскрытия философской проблемы совершенного человека; поэт выдвигает суждения о пределах и уровнях интеллектуальных возможностей человека, о роли разума и познания божественного света, явленного в самом человеке, познания Вселенной и Создателя. Познание и самопознание – непроходящие мотивы поэзии Насими. Насими впервые в поэзии не только возвысил Человека до уровня Бога, но высказал мысль, что Бог и Человек – это единая Сущность: «Ан аль-хагг!» – «Бог – это я!», «Бог – во мне!».

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.
...Я – атом всех вещей, я – солнце, я – шесть сторон твоей земли,
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.
...Хотя сегодня Насими я, я хашимит и корейшит,
Я меньше, чем моя же слава, но я и в славу не вмещусь.

Перевод Константина Симонова

Среди мастеров газели предфизулийского периода творческое наследие известного общественно-политического и государственного деятеля Азербайджана ***Мирзы Джаханшаха Хагиги*** (отец Джаханшаха Гара Юсиф (1359-1420) был основоположником государства Гарагоюнлу) занимает особое место, он оставил богатейшее творческое наследие. До нас дошёл его большой «Диван» на двух языках: азербайджанском и персидском. В его творчестве прослеживается влияние двух корифеев азербайджанской поэзии Хагани Ширвани (1126-1199) и Низами Гянджеви, однако Хагиги является ярким продолжателем суфийско-хуруфитских взглядов Фазлуллаха Наими (1339-1399) и Имадеддина Насими. В поэзии Хагиги часто встречаются суфийско-хуруфитские мотивы и символика, но в его интерпретации все это приобретает реалистическое наполнение и служит средством выражения восхищения и поклонения земной любви и красоте. Хагиги обращается к суфийско-хуруфитской символике не в идеологических целях, а скорее всего, как художественным фигурам и образным средствам.

В газелях Мирза Джаханшаха Хагиги тюркский язык удивляет своей простотой, точностью и лаконичностью. Незаурядный художественный дар поэта-правителя на родном языке раскрывается с особой мощью и красотой. Ёмкая, искромётная игра смысловых оттенков, блестящая огранка слов в поэтическом звучании Хагиги стала магически притягательным, доминирующим, даже эталонным образцом не только азербайджанской, но и всей тюркоязычной поэзии того времени. Газель «Шлю привет» – яркое иллюстрационное подтверждение этому:

С кровоточащею душой, изнемогая, шлю привет.
Тебе, единственный кумир, мой ангел рая, шлю привет.
Все испытанья пережив, в разлуке стал я терпелив,
Не в силах сдерживать порыв тебе, вздыхая, шлю привет.
Той, что назвал я госпожой, с неумирающей душой,
Источник жизни прожитой, тебе, святая, шлю привет.
Весна идёт вселенной всей, не умолкает соловей.
Той, чьи ланиты розовей, чем розы мая, шлю привет.
Я – ринд, свой кубок пью до дна, я не один – пьяна она.
Дай, виночерпий, мне вина, бокал, вздымая, шлю привет.
В огне пылает Хагиги, дни нашей встречи далеки,
В мечтах, к порогу твоему он, припадая, шлёт привет.

Художественный перевод Татьяны Стрешневой

Ещё одним мастером азербайджанской газели является ***Нематулла Дилмагани Кишвери***, чей «Диван» дошёл до наших дней в сохранности. Кишвери родился в Тебризе, получил хорошее образование, наряду со светскими знаниями знал теологию, в совершенстве владел арабским, персидским языками, писал в основном на родном языке. Недолго служил при дворе правителя династии Аггоюнлу Султана Ягуба (1464-1490).

Кишвери дружил с видным поэтом и государственным деятелем Алишером Навои (1441-1501) и после ухода из султанского двора, воспользовавшись покровительством своего друга, переехал в Самарканд. Однако жил он там недолго и в 1490 году после смерти Султана Ягуба вернулся в Тебриз, где и жил до конца жизни.

Кишвери использовал основные жанры классической лирики, и в каждом случае ему удавалось проявить свои индивидуальную манеру и почерк.

Газели в его творческом наследии занимают значимое место, они наполнены душевным теплом, волнуют искренностью чувств. Поэт писал и о земной красоте, любви, и о любви божественной, духовной. Эта двойственность – двуединство реального земного чувства и мистической любви – находит отражение в содержательной ткани его стиха. В его произведениях отчётливо прослеживаются следы общественных социальных событий и личной судьбы, видны вехи и моменты его биографии, душевных привязанностей и взаимоотношений.

Одной из заслуг Кишвери как выдающегося поэта является творческое преломление художественного опыта и новаторского духа узбекского классика Алишера Навои в азербайджанской поэзии XV века. Он часто вносил в лексическую ткань чагатайско-тюркскую струю, часто обращался к тахмисам – формам своеобразно рифмованных пятистиший, которыми пользовался Навои.

Творчество выдающегося азербайджанского поэта ***Хабиби*** так вдохновило Мухаммеда Физули, что он написал несколько «назире» («посвящение», «подражание») на его стихи.

Хабиби происходил из бедной семьи, по счастливому случаю в молодости его заметили и пригласили служить при дворе Султана Ягуба. Он был обласкан правителем, при дворе заблистал его поэтический талант. После падения династии Аггоюнлу фортуна вновь улыбнулась ему– он удостоился милости и при дворе Сефевидов. Хатаи устами самого венценосного Шаха Исмаила был провозглашён «мелик-уш-шуарой» – «глава поэтов». Последние годы жизни провёл в Турции.

Творчество Хабиби сформировалось и развивалось в русле традиций Иззаддина Гасаноглу, Гази Бурханеддина, Имадеддина Насими. В его стихах рельефно отражено суфийское миропонимание, с чертами хуруфизма. Восхваление человека и красоты, его преклонение перед этими понятиями связаны с пафосом и сутью су-

фийского мировоззрения. По существу, Хабиби, как и многие его современники, возвышает любящего и любимого человека до высот идеала, придаёт земной любви божественный ореол. В его газелях, воспевающих любовь, ощущается биение трепетного сердца, переживания чуткой и ранимой души; здесь ярко раскрывается во всём блеске божественный стиль и поэтический дар Хабиби. Образы, сравнения, параллели органичны, изящны; мысль выражается чётко, это поэт-живописец, создающий словесными красками живые картины. Не случайно позднейшие поэты написали на стихи Хабиби множество назире.

В газелях Хабиби живо ощущается душевное волнение лирического героя, восхищённого красотой, дарованной творцом человеку; в них предстаёт искусно воссозданная колоритная, многоцветная, завораживающая картина.

Утренний зефир мечтает о твоих кудрях.
Я, как пыль, лежу покорно у тебя в ногах.
О, красавица, страдаю, стеснена душа
С той поры, как я мечтаю о твоих губах.
С той поры, как я увидел кудри и глаза,
Сердце плачет и вздыхает, в нём печаль и страх.
Кудри, брови и ресницы, родинки твои
Со стихами их Корана я сравнил в мечтах.
Стрелы всех твоих насмешек мне вонзились в грудь,
И любовью опозорен буду я в веках.
Страшный суд, землетрясенье, – вот какая ты.
Увидав твой стан прекрасный, я живу в слезах.
Хабиби пленён тобою, пусть горька любовь,
Вместо слёз, алмазы блещут у него в глазах.

Перевод Константина Симонова

Предфизулийский период газели в азербайджанской литературе завершается творчеством выдающегося полководца, государственного деятеля и талантливого поэта ***Шаха Исмаила Хатаи***, который творил в разных поэтических жанрах, в том числе и фольклорных. Он – автор «Диванов» на тюркском и персидском языках, дидактико-философских произведений, нравственно-поэтического трактата «Книга наставлений», различных образцов силлабического стихосложения: гошма, варсагы, герайлы, баяты. Помимо самостоятельного «Дивана», газели поэта входят также в повествовательную структуру его эпистолярной поэмы «Дехнаме» («Десять писем») – блистательный образец лирико-эпической поэзии на тюркском языке, написанной в поэтической форме месневи (от арабского языка مثنوي – «сдвоенный», рифмующийся парами: аа, бб) в 1506 году.

Шах Исмаил Хатаи наряду с государственными заботами находил достаточно времени для серьёзных занятий поэзией: политическая и литературная деятельность органически дополняли друг друга. Писал стихи под поэтическим псевдонимом «Хатаи» – по-персидски «грешник». Известно, что его перу принадлежат и талантливые стихотворения на арабском языке. Но подлинную ценность поэзии Хатаи определяют, прежде всего, произведения, созданные на родном языке. Его стихи, близкие народному духу, питающиеся народным складом мышления, ещё при жизни переходили из уст в уста. Ашуги исполняли стихи Хатаи, сочиняя на них музыку, создавали поэтические сказания о достославном шахе-поэте. Популярность поэзии Исмаила Хатаи на родном языке не ограничилась только Азербайджаном, она распространилась далеко за его пределами и оказала огромное влияние на дальнейшее развитие поэзии всех тюркских народов.

Газели Хатаи на азербайджанском языке отличаются своей тонкой лиричностью, свежестью и оригинальностью эпитетов, неординарностью сюжетных повествований и неожиданностью любовных развязок. Его известная пятибейтная газель «Называю» в художественном переводе Татьяны Стрешневой – характерный образец великого поэта:

Лик твой юною луною в восхищенье называю,
Тонкий стан твой кипарисом я в волненье называю.
Брови сравниваю с луком и со стрелами – ресницы,
Лоб – светильник, кудри – полночь, в дерзновенье называю.
По тебе я изнываю, но печаль меня врачует,
Ведь тебя своей душою в ослепленье называю.
О стройнейшая из стройных, соловей мой сладкогласый!
Цветником твои ланиты предвесенним называю.
Хатаи, ты страсть к любимой поместил в руинах сердца.
«Кто она?» – «Всего на свете драгоценней!» – называю».

Надо особо подчеркнуть, что все азербайджанские мастера газели предфизулийского периода, писавшие на родном языке – И.Гасаноглу, Г.А.Бурханеддин, И.Насими, М.Д.Хагиги, Н.Д.Кишвери, Хабиби, Ш.И.Хатаи и другие, однозначно находились под сильным влиянием гения азербайджанской поэзии, персоязычного азербайджанского корифея Низами Гянджеви. И сам великий Мухаммед Физули по собственному признанию, являлся «учеником Низами – самой яркой звезды азербайджанской поэзии».

Эпоха Физули в лирических газелях и причины популярности этого жанра

Как известно, средневековый литературный канон является неизменно традиционно-консервативным понятием, не подлежащим пересмотру совокупности законов, норм и правил в классических произведениях.

Многие средневековые азербайджанские поэты, смогли силой своего таланта разорвать существующие цепи незыблемых законов и создать не только свои совершенно оригинальные произведения, свободные от всяких обязательных канонических догм, но и новые поэтические школы, процветающие по сей день. Одним из таких поэтов и является Мухаммед Физули создавший свою оригинальную поэтическую школу.

В чём же причина того, что этот гениальный поэт в отличие от своих предшественников и многих последователей смог создать собственную поэтическую школу?

Конечно, в первую очередь в неповторимости поэтического таланта и широте философского мышления. Бесспорно, эти качества очень важны, но как говорится, каждый творец – сын своего времени. И в этом смысле надо рассмотреть творчество Физули в контексте с его эпохой, тех историко-философских условий, которые способствовали развитию и процветанию его поэтического таланта.

Именно эпоха диктует свои условия на характер и качество творчества великих личностей. А эпоха Физули – это один из узловых моментов Восточного, и наряду с тем азербайджанского Ренессанса, спор о наличии или отсутствии которого и по сей день продолжает оставаться камнем преткновения среди исследователей-медиевистов. Другими словами, тут важно не столько формальные особенности Ренессанса, сколько само ренессансное мышление.

В азербайджанском литературоведении много написано о Ренессансе. По этому поводу лишь выскажу своего рода полемическую мысль о том, что Ренессанс по су-

ществу измеряется не только наличием античности и развитием городов, а именно так утверждают многие западные, а также наши «советские» исследователи. Вероятно, подобное суждение является влиянием известной марксистской теории, которая утверждает, что бытие определяет сознание. Именно эти качества являются формальными сторонами Ренессанса, и они никак не должны рассматриваться доминантными атрибутами этого всемирного явления.

Средневековые талантливые мастера поэтического слова старались не повторять предшественников, а создавать свои оригинальные, совершенные произведения. Они находили новые формы и образы, жанры и размеры, поэтические фигуры и разнообразные художественные средства, неповторимые музыкальность и ритмику. Эти настоящие художники, нарушая каноны, смогли подняться к вершинам художественного слова и создать свои поэтические школы. Значит, нарушение канона являлось источником создания новых поэтических школ. Тем не менее, такие поэты никак не нарушали закон эстетического воздействия художественного слова на умы и чувства людей.

Мухаммед Физули считал, что «поэзия без науки – стена без фундамента». Ещё в эпоху Физули арабский и персидский языки доминировали в поэзии. Азербайджанские поэты, писавшие на этих языках, использовали давно утвердившиеся каноны, образы и метафоры, не утруждая себя поисками новых художественных средств выражения. Тем самым они признавали, что писать газели на азербайджанском языке весьма трудно. Но Физули смело заявлял: «Если у меня хватит сил, я облегчу эту трудность». И он стал писать больше на родном языке, блестяще справился с поставленной задачей и создал объёмный лирический «Диван» и другие совершенные поэтические произведения, которые по сей день пользуются большим успехом у многих тюркских народов. Кстати, в своём богатом творческом арсенале поэт оставил и на арабском, и на персидском языке солидные «Диваны».

Чтобы аргументировать вышесказанную мысль, обратимся непосредственно к творчеству гениального азербайджанского поэта Мухаммеда Физули, который в своём творчестве разрушая окаменевшие каноны восточной литературы, создавал свои поэтические школы и устанавливал свои правила. Но, что интересно, «каноны», которые устанавливал Физули, не являлись «каменными», и они оставляли свободу действия следующим поколениям творцов, среди которых самые талантливые тоже смогли создавать свои школы, или же «подшколы», если этот термин может считаться допустимым.

Лирику Физули характеризует, прежде всего, глубокий психологизм. В его газелях отражены душевные переживания влюблённых во всех ее проявлениях: радость, счастье, горе, нежность, упоение женской красотой, ревность, вера, надежда, отчаянье, тоска, гнев и т.д. Кажется, нет такого оттенка любовных отношений, которые не нашли бы в газелях поэта своей тончайшей, проницательной и вдохновенной художественной разработки.

Главный герой Мухаммеда Физули – «ашиг» – влюблённый, преодолевающий многочисленные препятствия на своём жизненном пути ради соединения с «машугой» – возлюбленной. По этому поводу точное высказывание академика Мамеда Арифа Дадашзаде (1904–1975) раскрывает суть любовной лирики поэта во всей красе: «Образ этот (*«ашиг»* – **А.Б.**) часто гиперболизирован: страсть влюблённого непомерна; его самоотверженность безгранична; его преданность возлюбленной непоколебима; его страдания сходны с пыткой. Образы любовного недуга: лихорадка, безумие, бессонница, слёзы, душевный надрыв и гибель – характерны для лирики Физули. Но во всех этих образах столько искренности, непосредственности и психологической правды, что гиперболизм нигде не кажется ходульным, риторическим. В отношении Физули к человеку и его чувству столько благородства и гуманности, что трагический колорит лирики никогда не оставляет гнетущего, безнадёжного на-

строения. Напротив, читатель облагорожен сопереживанием с поэтом, с его героем, способным так сильно любить, страдать, радоваться».

Певец любви и красоты Мухаммед Сулейман оглу Физули родился в 1494 году в городе Кербела, близ Багдада. Отец его происходил из древнего рода Баят и переселился из азербайджанского Ширвана в Ирак с большой частью своих родственников во второй половине XV века. «Мухаммед получил образование вначале в Кербеле, а затем в Багдаде. Изучил древнегреческую и восточную философские системы, прекрасно знал астрономию, логику, математику и медицину. В совершенстве владел персидским и арабским языками. Прекрасно разбирался в тюркской, османской и чагатайской литературных традициях».

Мухаммед Физули является в азербайджанской литературе мастером лирической поэзии, он прошёл долгий творческий путь, насыщенный и богатый художественными свершениями. Его перу принадлежит наряду с «Диванами» на трёх языках и большая лирико-эпическая поэма «Лейли и Меджнун», написанная на родном языке. Его аллегорические поэмы «Опиум и вино», «Спор плодов», «Семь чашек», «Тело и болезнь», «Друг сердечный», сатирическое послание «Книга жалоб», философско-дидактические трактаты «Восхождение убеждений», «Сад блаженных», «Сорок хадисов» («Сорок притч») являются совершенными образцами самых разных жанров. Он писал во всех поэтических формах своего времени: газели, касыды, кыты, мустазады, теркиббенды, терджибенды, мураббе, мухаммасы, мусаддасы и рубаи. Мухаммед Физули жил при трёх правителях: государство Аггоюнлу – до 1503 года, государство Сефевидов – до 1534 года, Османская Империя – до конца своей жизни – до 1556 года.

Основное произведение – собрание (куллийат – کلیات) Физули, составленное ещё при его жизни и завершённое через несколько лет после его кончины и датируемое 1572 годом, в целости дошедшее до нас, хранится в Баку. По утверждению известного российского востоковеда Евгения Эдуардовича Бертельса «в Европе хранилась 41 рукопись произведений поэта. Но большинство этих рукописей были неполными, с дефектами и не датированными, и только девять из них были датированы и составляли научную ценность. Три из них относятся к XVI , три к XVII, одна к XVIII и две к XIX веку. Большую ценность представлял полученный в 1928 году Азиатским музеем АН СССР в Ленинграде экземпляр куллийата Физули, содержащий ряд его произведений, датированный 1589 годом, подаренный М.С.Верещагиным (инв. 1928, №1561)».

Е.Э.Бертельс дал полное описание этой рукописи и детально проанализировал обнаруженные в ней новые материалы. В начале статьи «Новая рукопись куллийата Физули» учёный особо подчеркнул изучение поэтических произведений Физули европейскими ориенталистами: «Ни один из тюркских поэтов не удостоился столь высокой оценки и европейских ориенталистов, и своих соотечественников, как Физули. Начиная от И.Хаммера-Пургшталля (*австрийский историк-востоковед Йозеф барон фон Хаммер-Пургшталь (1774-1856)* – **А.Б.**) и кончая М.Хартманом (*немецкий востоковед Мартин Хартманн (1851-1918)* – **А.Б.**) и Э.Г.Гиббом (*шотландский востоковед, автор фундаментального труда шеститомного произведения «История Османской поэзии» Элиас Джон Вилкинсон Гибб (1857-1901)* – **А.Б.**), все превозносили оригинальность и искренность этого великого поэта и старались как можно более образно выразить своё преклонение перед его творчеством...»

Газели Физули – жемчужины его лирики. Лирика поэта воспринимается как многоцветная художественная панорама, в которой явно выражены чувства и раздумья художника, его поиски идеальной красоты человека, совершенной и божественной гармонии души. Он видит в красоте и любви проявление высшей предвечной воли, одушевляющей всё сущее во Вселенной. Любовь и красота в их объёмном, сакральном, суфийском понимании возвышаются как первооснова жизни. Поэт верует в

бессмертие души и как бы подготавливает человека к тайне мира вечности, тайне возвращения к Богу...

Газели Физули на азербайджанском языке очень музыкальны и мелодичны. Они насыщены образностью, каждая мысль выражается через образное восприятие и раскрывает психическое и физическое состояние лирического героя, способствует тематическому единству и цельности произведения.

Чем же объясняется такая популярность газели среди творцов любовной, порой и философской лирики азербайджанской классической поэзии?

Скорее всего, лаконичностью, эмоциональностью и образностью. Как правило, газели состоят из пяти-восьми бейтов, то есть, из десяти-шестнадцати строк, и исполняются в сопровождении струнных народных инструментов. Поэтому газели легко запоминались простым народом. Газели отличаются высоким накалом эмоциональности, изобилием поэтических фигур, а также неординарными художественными приёмами, которые воссоздают неповторимую образность поэтического текста. В газелях воспевалась реально-земная любовь.

Автор фундаментального труда по истории тюркской литературы, известный турецкий исследователь Васфи Махир Коджатюрк (1907–1961) чётко сконструировал формулу любви Мухаммеда Физули, отражающуюся в его газелях: «Любовь – высший смысл человеческой жизни! Любовь – не счастливая случайность и не дар судьбы, а высшее божье послание, требующее от человека постоянного самосовершенствования и внутренней свободы. Истинная любовь, пронизанная высокими духовными ценностями, требует от любящего «живой души», готовности к поступку, тревоге и заботе о другом человеке, самоотверженности и даже самоотречения…»

В эпоху, когда распространение литературных произведений происходило исключительно путём переписывания и изучения наизусть, величина объёма таких произведений играла большую роль. Именно подразумевая эту особенность, Физули отдаёт предпочтение газели перед другими поэтическими жанрами. По собственному утверждению самого поэта «…настоящая ценность газелей заключается в их содержании, ясности и чёткости, выражаемых в них мыслей; в понимании и восприятии их всеми; чтобы все смогли их легко запоминать и воспроизводить в торжествах, меджлисах, в обыденной жизни, и они доставляли слушателям высшее наслаждение».

В XII веке такие малые поэтические жанры, как газель, начали активно распространяться среди простого народа. В научном труде «Газель в классической азербайджанской поэзии» академик Национальной Академии наук Азербайджана Азада Рустамова (1932–2006) дала исчерпывающее определение причин столь широкого распространения жанра (газели) в средневековой азербайджанской поэзии: «...Литература рвалась войти в широкую читательскую и слушательскую аудиторию. Устойчивый интерес к газели являлся одним из отголосков такой тенденции. Лаконическая форма, конкретный сюжет, тональность и ритмика, содержание общечеловеческих ценностей превращали газель в доминирующий жанр городской литературы. Газель привлекала к себе внимание разных слоёв народных масс, легко воспринималась и запоминалась наизусть; на базарах и площадях с интонацией декламировалась, на праздниках и торжествах пелась под аккомпанемент лютни, танбура, гопуза и других музыкальных инструментов. Во время пышных приёмов в особняках высокой знати также звучали газели в исполнении известных певцов своего времени».

В популярности газелей, несомненно, сыграла немаловажную роль их тематическая линия.

В своей ценной монографии «Эволюция классической газели на фарси (X-XIV вв.)» профессор Марина Львовна Рейснер дала точное определение по поводу тематики персидских газелей, которое в полной мере можно отнести и к газелям на азербайджанском языке: «Любовная лирика на фарси, продолжая традиции арабской газели, представлена в двух тематических линиях, одна из которых – описание не-

счастной любви, другая – счастливой... Мотивы несчастной и счастливой любви нередко переплетаются в стихотворениях, выражая внутренние перипетии любовного чувства».

Действительно, тематика несчастной и счастливой любви создавала у слушателей яркое впечатление, сентиментальную ауру, запоминающуюся коллизию и способствовала популяризации таких поэтических текстов среди народа. Продолжая мысль о любовной лирике древних времён уместно вспомнить высказывание академика Е.Э.Бертельса о жанре газели: «Думается, что особенно задушевные, интимные интонации ранней суфийской лирики восходят не к сухим схоластическим трактатам суфиев, а к народной любовной песне, только в форме этой лирики и донёсшей до нас некоторые образцы древнейшей поэзии...»

Жизнеспособность и популярность газели не ограничиваются лишь вышесказанными причинами. Необходимо отметить мастерство и высокий поэтический талант авторов, колоссальный словарный запас, и тончайший эстетический вкус, глубокие знания в области классической поэзии, фольклора и фразеологии, а также других научных знаний, распространённых среди знатоков поэтического слова своего времени. Недосягаемость творчества Мухаммеда Физули обуславливается тем, что при их создании газелей, помимо поэтики, он руководствовался ещё и законами математической логики, что способствовало созданию своего рода бейтов-силлогизмов, или даже математических уравнений. Для наглядности приведём лишь один пример:

Hüsnün olduqca füzun, eşq əhli artıq zar olur –
Hüsn nə miqdar olursa, eşq ol miqdar olur!

Насколько твоя красота умножается, настолько же влюблённый плачет по тебе –
Сколь много будет твоя красота, столько же будет любовь к тебе!

Подстрочный перевод автора статьи

Поэт здесь использует математическое уравнение как художественный приём и усиливает эмоциональное восприятие взаимосвязи, взаимодополняемости между красотой и любовью.

Часто Физули ставит риторический вопрос и отвечает на него путём сравнения несравнимых на первый взгляд природных или общественных предметов и событий. Вот как он объясняет возвышенное состояние лирического героя с помощью яркой, запоминающейся гиперболы:

Kuhkən künd eyləmiş min tişəni bir dağilən,
Mən qoparıb salmışam min dağı bir dırnağilən.

Разрушитель гор притупил тысячу кирок с одной горы,
Я разрыв, свалил тысячу гор лишь одним ногтём.

Подстрочный перевод автора статьи

В целом всё поэтическое творчество Физули изобилует сравнениями, гиперболами, поэтическими изысками, художественными фигурами, а также неожиданными «решениями» психологических проблем лирического героя.

С помощью арабского стихотворного размера аруза (аруд) Физули раскрывает во всей красе просодические свойства родного языка.

Влияние Мухаммеда Физули на последователей своей поэтической школы

В своей фундаментальной работе «Лирика Физули», обстоятельно анализируя особенности поэтической школы Мухаммеда Физули, профессор Мир Джалал (1908-1978) писал: «… как Хафиз в персидской и Навои в узбекской, также Физули в азербайджанской литературе является непревзойдённым, гениальным мастером поэзии. Ни до него, ни после него творившие азербайджанские поэты не смогли создать такие тонкие, нежные, совершенные газели как Физули».

Какова же роль Физули в дальнейшем развитии канонического жанра газели в азербайджанской литературе в течение пяти столетий? Физули признан во всём тюркском мире мастером, широко использовавшим неисчерпаемый кладезь родного языка. Он довел до совершенства поэтический язык своих произведений. В произведениях поэта азербайджанский язык вызывает восхищение своей прозрачной чистотой, чеканностью и смысловой ёмкостью. Этот поэтический уровень языка стал неизменным эталоном в тюркской поэзии XVI века, предопределив направление его развития.

В XVII веке центр поэзии переместился в древнюю столицу Азербайджана – город Тебриз. Два уроженца этого города ***Саиб Тебризи*** (1601-1676) и ***Говси Тебризи*** (1680-1745) стали достойными представителями поэтической школы Физули.

Саиб Тебризи был не только выдающимся поэтом, но и тонким знатоком поэзии. Составленный им хрестоматийный том под названием «Бейаз» («Белый»), включающий в себя избранные образцы творчества 800 поэтов, состоящий из 25 тысяч бейтов, до сих пор является одним из лучших средневековых первоисточников. Он писал на тюркско-азербайджанском и персидском языках, блестяще владел арабским. Дошедший до нас его «Диван» написан на персидском языке и состоит, в основном, из лирических стихов; также сюда включена историко-поэтическая хроника месневи «Гандахарнаме». В «Диване», где имеются касыды, месневи, рубаи, основное место занимают газели – ведущая форма, несущая в себе идейно-эстетический заряд его творчества. В газелях Саиб Тебризи выступает с известной суфийской философской позиции – о единой субстанции, трактует мир и человека как зеркальное отражение «Божественного экстракта». Ключевую роль в поэтике Саиба Тебризи занимает моделирование образов на основе ассоциативных восприятий с реальными событиями и объектами. Сравнения и метафоры охватывают весь поэтический сказ; определённые мысли, высказанные в первых строках бейта, иллюстрируются и раскрываются конкретными образами, примерами, ассоциирующимися с жизненными реалиями. Газель «Не осталось» построена именно по таким принципам:

На свете от добрых деяний следов не осталось.
В осеннем саду никаких уж цветов не осталось.
В ком ясная мысль – словно молния, мир озарили
И тотчас исчезли. Уж светлых умов не осталось.
Я, словно Якуб, что вестей ожидал из Египта.
Но нету вестей, – утешения слов не осталось.
Запела бы птица, но песня горька на чужбине,
Разбито у птицы гнездо, и птенцов не осталось.
Из чёрного глаза пера слёзы чёрные льются:
Мне в жизни ничто, кроме тяжких оков, не осталось.
Был розами алыми райский цветник мой украшен,
Но ветер подул, и у роз лепестков не осталось.
Саиб, пусть утонет перо твоё в море чернильном, –
Нужна ль твоя песня, когда знатоков не осталось?

Перевод Чингиза Гусейнова

Яркий представитель тебризской поэтической школы, последователь традиции Физули, тонкий лирик ***Алиджан Говси Тебризи*** был автором гражданской и любовной лирики. Его стихи отличаются проникновенностью, искренностью и минорным ладом; мотивы печали, связанные с неприятием негативных социальных противоречий времени, являются сквозной линией его поэтических исповедей и раздумий о жизни. Говси Тебризи снискал признание как мастер лирической поэзии на тюркском языке. Поэт писал в различных жанрах лирической поэзии, но предпочтение отдавал газели. Его любовная лирика не могла обойтись без влияния суфийских идей, в той или иной мере определяющих основное направление средневековой Восточной поэзии. В его трактовке высокое чувство – любовь, предстаёт и в земных ликах, и в сакрально-мистическом ореоле, сильно напоминающих бессмертные газели Мухаммеда Физули. Говси Тебризи виртуозно пользовался сочными красками, идиомами из народной речи; простота и живость языка его газелей – знаковая веха в истории развития азербайджанского литературного языка. Наглядным примером является газель «Слово» Говси Тебризи в переводе Павла Антокольского:

Где друг, чтобы сказать ему слово.
Как флейта – выдох, я приму слово.
Оно звучит, правдивое, живое,
В любви пьянит, влечёт к уму слово.
Как трата драгоценных безделушек,
Бывает миг, что ни к чему слово.
Учись быть мудрым и не верь легендам,
Откроешь и во сне тюрьму слова.

Классический период азербайджанской газели завершается творчеством Моллы Вели Видади (1709-1809) и Моллы Панаха Вагифа (1717-1797) в XVIII веке, и Хуршидбану Натаван (1832-1897) и Сеида Абульгасыма Набати (1812-1873) в XIX веке.

Также существует солидный «Диван» выдающегося представителя лирической школы Физули, талантливого поэта и педагога Сеид Азим Ширвани (1835-1888), который и в наши дни очень популярен среди исполнителей азербайджанских мугамов. Впрочем, и в творчестве его ученика, великого азербайджанского поэта-сатирика Мирзы Алекбера Сабира (1862-1911) также имеется около двадцати прекрасных газелей.

Помимо отдельных поэтов, в XIX веке в Азербайджане действовали ещё поэтические меджлисы (собрания), где в основном обсуждались газели, создаваемые в духе Физули.

Один из блестящих представителей азербайджанской классической поэзии, ***Молла Вели Видади***, родившийся в 1709 году в Шамкирском уезде Азербайджана, прожил сто лет, наполненных и радостными, и горестными событиями. В совершенстве знал арабский, персидский и грузинский языки, оставил богатое поэтическое наследие: газели, касыды, мусаддасы, мухаммасы, мустазады, гошма, герайлы, баяты.

Молла Вели Видади – тонкий, проникновенный лирик, и его поэтические исповеди окрашены и лёгкой, и скорбной грустью. Такая минорная тональность сопутствует всем стихам, будь то традиционные мотивы любви, социальная тема или же поэтические сентенции. В его газелях, проникнутых печальными интонациями, заключены трогательные волнующие чувства искренности, доверительности и исповедальность. Лирические герои поэта – стойкие мученики, они с радостью приемлют мучительные испытания любви, пронизанные непреходящей грустью и реальными душевными переживаниями.

В азербайджанской поэзии М.В.Видади является ярким выразителем всей гаммы грустных и печальных мотивов в своих газелях, перенятых из канонических об-

разцов газельного жанра, созданных Мухаммедом Физули. Суть известного поэтического изречения, существующего в литературном обиходе, приписываемого Физули, в полной мере характеризует главное содержание всех газелей Видади:

Fizuli dərd əlindən dağə çıxdı,
Dedilər: bəxtəvər yaylağə çıxdı.

Физули из-за горя поднялся на гору,
Сказали: счастливец на эйлаг поднялся.

Подстрочный перевод автора статьи

Выраженные грустные чувства в газели «Я» Видади в переводе Константина Симонова созвучны с минорными нотами любовной лирики Мухаммеда Физули:

Всевышний, взор не отвращай, пускай безумен я,
Я узник сердца, от любви теперь безумен я.
Нелепы все мои дела, утратил разум я,
Но я не трус, за честь любви восстану разом я.
От жизни милой жизнь свою не отрываю я,
Я жертва глаз её и губ, и к ней взываю я.
Хоть не поклонник винных чаш и пылких сборищ я,
Зато властитель той страны, где грусть и горечь, я.
Я славу мимо пропустил, её не жажду я,
Своей печалью утолить сумею жажду я.

Социальное содержание его лирических стихотворений, выражает неприятие несправедливости, произвола и насилия, ибо на своём долгом веку ему пришлось быть свидетелем множества кровавых распрей, трагических социальных потрясений и личных утрат.

Мотив одиночества и отчуждённости красной нитью проходит через всё творчество поэта; речь идёт о душевном одиночестве, об ощущении родины как духовной «чужбины». Смутные времена для родного Азербайджана, раздробление страны на множество ханств, которые вели междоусобные войны, глубоко печалили старого поэта.

Мудрая печаль – так лаконично можно охарактеризовать лирику Видади. Бесспорно, не вся его поэзия создана в минорных нотах; поэт, переживал и светлые минуты радости, поэтому иногда и его лире не чужды мажорные тона. Подтверждением этому может служить немало превосходных поэтических строк в форме «мустазад».

Последние годы жизни поэт в стихах больше выражал свои философские размышления и суждения о мире, бытии, жизни и смерти, пришёл к окончательной мысли о несовершенстве мира, о невечности всего сущего – красоты, славы, радости, печали… Иногда Видади впадал в отчаяние, стремясь отвратиться от суетного бренного мира, где самый драгоценный жемчуг не стоит ломаного гроша. Тем не менее, духовные искания поэта никогда не прекращались, всю жизнь его занимали проблемы назначения человека на земле, бытия и небытия, жизни и смерти… Творческое наследие мастера грустной лирики, достойного последователя гениального Мухаммеда Физули и через столетия побуждает потомков искать и находить свои ответы на эти извечные вопросы.

Поэзия Видади, несомненно, вошла в ряд художественно совершенных и значимых образцов азербайджанской классической литературы. Его бессмертная блистательная поэзия, написанная на прекрасном азербайджанском языке, в

сакрально-поэтической ауре гениальных предтечей Низами и Физули, будет доставлять неповторимое наслаждение грядущим поколениям ещё не одно столетие.

Выдающийся классик, основоположник азербайджанской реалистической поэзии Нового периода ***Молла Панах Мехтиага оглу Вагиф***, вошедший в историю классической литературы как один из ярких лириков, принадлежащий к поэтической школе Физули, занимает достойное место на поэтическом небосклоне.

Долгие годы Молла Панах Вагиф с преданностью служил Карабахскому ханскому двору в качестве визиря и всячески способствовал налаживанию добрососедских отношений не только с азербайджанскими ханствами и Грузией, но и с Россией.

Молла Панах Вагиф снискал известность и славу в азербайджанской поэзии, прежде всего как певец земной любви, красоты и родной природы. Тема любви в восточной поэзии на протяжении долгих веков разрабатывалась исходя из принципов «идеальной эстетики» и она чутко реагировала на религиозно-философские течения. Поэты придавали понятию любви сакраментальный смысл и представляли её в абстрактно-мистических тонах. Любовь носила философское содержание и даже в образцах литературы, повествующих о реальной земной любви, движение авторской мысли непременно приводило к традиционному обожествлению этого чувства. Но Вагиф, как художник-мыслитель, отделил любовь от реквизита философских приложений, сверхъестественных атрибутов, подошёл к этому явлению как к живому движению и состоянию человеческой души. Образно говоря, Вагиф в своих гошма и газелях спустил любовь с небесных высот на землю и материализовал её:

Если будет живописец рисовать её портрет, –
Я хочу стать тонкой кистью, чтоб коснуться нежных щёк.
Будто облако восхода на челе её горит –
Лебедь белая, не бойся, насмерть ранен злой стрелок.
Ты меня околдовала – стал я пленником твоим,
Без тебя, как месяц в небе, я блуждаю одинок.
Я Вагиф, мне нет спасенья, гибель родинки сулят…
Ради ямочки на щёчке мукам я себя обрёк.

Перевод Татьяны Стрешневой

Его лирика, посвящённая земной любви, отличается от классических любовных медитаций, как по осмыслению, так и по образному ряду и средствам изображения. В его гимнах любви отчётливо предстают реальные, естественные краски и детали, большое место уделяется живописанию образа возлюбленной, воспеванию её красоты. Его поэтические портреты зримы, конкретны, наглядны; красавицы, вдохновлявшие его лиру – это дочери родной земли, повседневно окружающие его женщины:

Подобна луку бровь твоя, щека смугла.
Сияют дивной глубиной твои глаза.
Мне стрелы загнутых ресниц терзают грудь…
Слегка подведены сурьмой твои глаза.

Перевод Татьяны Стрешневой

В своих стихах Вагиф не жалеет ярких поэтических красок, описывая красоту родной карабахской земли и свою безмерную любовь к ней. Поэтическая ткань стихотворений, воспевающих родную природу, поражает своими богатыми, выразительными художественными средствами. Внутренние рифмы, усиливающие повторы,

смелые метафоры, создают впечатление музыкально-словесного фейерверка самыми многогранными, отточенными, разнообразными природными красками и оттенками.

Одна из основных заслуг Вагифа в истории азербайджанской литературы состоит не в проблесках реалистического художественного зрения, а именно в коренном и принципиальном обновлении художественно-языкового мышления. Несомненно, он поднял азербайджанский литературный язык на новую недосягаемую высоту, обогатив его прекрасными искромётными красками народной разговорной речи. Его открытиями в области поэтического языка по сей день пользуются все азербайджанские поэты.

Большинство стихов Вагифа отличаются простотой изложения, но сколь завораживающая, сколь магически притягательная «непростая простота». В этом таинство таланта, мощь искусства поэта, чутко улавливающего всю музыку, гармонию и смысловые оттенки родной речи. Справедливо мнение академика И.Габиббейли «…М.П.Вагиф является основоположником нового этапа в развитии азербайджанской поэзии – окончательного перехода от романтического стиха к реалистической поэзии».

Иногда самые обычные обиходные слова и изречения в стихах Вагифа обретают особую эмоциональную энергию, выстраиваясь в художественный образ, изумляя чарами волшебной, прозрачной простоты. Такая кристальная ясность отличает и стихи поэта, написанные в классическом жанре: газели, мустазады, мухаммасы, мушаире и др. В этих произведениях явно прослеживается непосредственное влияние великого устада Мухаммеда Физули.

Тем не менее, Вагиф именно в силлабическом стихосложении достиг непревзойдённой поэтической высоты, связанной с языковым мышлением, ибо силлабика («хеджа») предоставляла более широкие возможности для создания новых поэтических образов, питающихся стихией народной разговорной речи.

В азербайджанской классической поэзии Вагиф является одним из бесспорных могучих художников, который открыл и использовал всю многоцветную палитру народного языка. Мастер придал поэтическому слову живую свежесть и прелесть, тем самым обогатив азербайджанский поэтический словарь новыми, невиданными изречениями и образными словами.

Если в XVI веке Физули, по мере возможности той эпохи, азербайджанский литературный язык очистил от сложных персидских и арабских поэтических силлогизмов, помпезных, надуманных художественных средств и воображаемых поэтических фигур, то поэзия Вагифа в конце XVIII столетия ознаменовала начало совершенно нового этапа в азербайджанской литературе. В его творчестве азербайджанский литературный язык приобрёл свою новую реально-земную изобразительную форму, полностью освободился от многовековых поэтических догм, заменив веками истёртые шаблонные фигуры и метафоры на эквивалентные краски и образы, проистекающие из родникового кладезя народной лексики, отражающие реальную картину повседневной жизни. И тем самым, зародилась новая поэтическая школа или подшкола Вагифа в азербайджанской литературе, отвечающая всем каноническим требованиям и сыграла в дальнейшем неоценимую роль в развитии национального поэтического языка в произведениях поэтов последующих поколений, вплоть до наших дней.

Талантливый автор синтеза глубинно-лирических и мудрых религиозно-философских стихов в азербайджанской поэзии XIX столетия ***Сеид Абульгасым Мохтарам оглу Набати***, родившийся в Ушдибине Гараджадагской области Южного Азербайджана, в семье религиозного деятеля, также является ярким представителем поэтической школы Мухаммеда Физули. Он получил всестороннее духовное образование, освоил арабский и персидский языки, писал стихи на тюркском и персидском. К сожалению, из его богатого творческого наследия дошёл до нас единственный сборник стихов, состоявший из 7500 строк на тюркском и персидском язы-

ках. Ещё известны его два сказания: «Набати» и «Ханчобан», в которых отражается его жизненный путь и философско-эстетические взгляды. Он был прекрасным оратором, считался искусным чтецом классической восточной поэзии. Его лирические и религиозно-философские стихи являются синтезом письменной классической поэзии и устно-поэтического творчества – ашугской поэзии. В стихах поэта сочетаются многообразные литературные, религиозные, географические реалии, приметы Востока и Запада, Ирана и Турана, арабского, персидского и тюркского миров. Именно Набати в XIX веке взял на себя миссию наследника религиозно-этических ценностей, которую выполняли на Востоке его гениальные предшественники в средние века: Ахмед Ясеви (1093-1166), Шамси Тебризи (1185-1248), Джалаладдин Руми (1207-1273), Юнис Эмре (1240-1321), Имадеддин Насими, Шах Исмаил Хатаи.

Его стихи написаны в различных жанрах: газель, касыда, сагинаме, тахмис, рубаи, мустазад, чарпаре, теджнис, гошма. Основные просодии – силлабика и аруз; темы и мотивы – любовь, герои – влюблённый и возлюбленная; заветное чаяние и цель лирического героя – достижение божественных высот в любви, познание абсолютной красоты. Естественная, земная красавица – первая веха в этом движении, «абсолютная красота» – вершинная точка. И первый шаг, первооткрытие – всегда живая, реальная избранница сердца. Но вместе с тем Набати не удовлетворяют ни один из существующих культов, ни одна вера и тарикат, и поэтому философия его поэзии выражает не гармонию, а кризис, диссонанс, дух отрицания. Обратимся к художественному переводу газели Набати «Ты мой ангел»:

Утром, пьяный и беспечный, я бродил у кабака,
И нежданно я заметил дивный лик издалека.
Вились кудри повителью, бусы солнечно алели,
И глаза её блестели из-под красного платка.
Ты мой ангел безобманный, я тебе не знаю равной,
Мой цветок благоуханный, словно сахар, ты сладка.
Не встречал такой ни разу, ты стройна и кареглаза,
Вся исполнена соблазна, ты и радость, и тоска.
И упал я опьянённый, светлым жаром опалённый.
Понял, разума лишённый, – жизнь мне стала не легка.

Перевод Татьяны Стрешневой

Яркая звезда азербайджанской поэзии XIX века ***Хуршидбану Натаван*** родилась в легендарном городе Шуше, в семье последнего Карабахского правителя, генерал-майора Мехтигулу-хана. Получила домашнее образование, в совершенстве знала тюркский, арабский, персидский языки, была знакома и с французским. Она глубоко и основательно изучала восточную литературу, играла на народных музыкальных инструментах, увлекалась рисованием, рукоделием, писала стихи в жанре газели. Вышла замуж за генерал-майора Хасай-хана Уцмиева. В 1858 году в Баку при встрече с Александром Дюма-отцом она подарила ему одну из изящных своих ручных работ – вышивку. Они «сразились» за шахматной доской, великий французский писатель проиграл поединок. Восторженный Александр Дюма подарил ей шахматную доску с фигурами из слоновой кости – одну из самых своих любимых вещей, с которой раньше никогда не расставался.

Поэтический псевдоним «Натаван», на фарси означает «слабый», «бессильный», «беспомощный». На протяжении всей жизни судьба подвергала поэтессу суровым испытаниям, в 1885 году внезапная болезнь и уход из жизни горячо любимого сына Мир-Аббаса стал для нее тяжёлым ударом. Материнской печалью и чувством безысходности перед смертью пронизана ткань газели поэтессы «Не уходи»:

Превратив в руины сердце, так не в срок, не уходи.
Тяжела с тобой разлука, путь далёк, не уходи!
Не могу с тобой расстаться, жертвой стать твоей вели.
Стан мой сгорбила разлука, видит бог, не уходи!

Перевод Татьяны Стрешневой

Потеряв любимого сына, Натаван оплакивает в стихах всю боль материнского сердца, сетует на судьбу, на немилосердное время, на роковые невзгоды. Она вознесла священную материнскую любовь до уровня поэтических преданий о любви, при этом вовлекала в свои печальные исповеди образы, метафоры, символику классической любовной лирики.

Но сколь бы глубока ни была эта печаль она не могла взять верх над жизнелюбием, стихией живого бытия, ощущением величия и красоты природы, самого человека. В её лирике, несущей отпечаток материнской грусти, слышны и социальные мотивы, и любовь к жизни, и мечты о счастье.

Тонкость чувств в сочетании с благородным аристократизмом присущи поэзии Хуршидбану Натаван. Оригинальная образная палитра и многообразная ритмическая аранжировка, прозрачно чистый поэтический язык, искусный художественный арсенал – все эти достоинства обусловили то, что её творчество и в поэтическом отношении стало знаменательным явлением в истории азербайджанской классической литературы и обогатило сокровищницу газельного жанра поэтической школы Мухаммеда Физули.

Творческий путь уроженца древнего азербайджанского города Шамахы, выдающегося сатирика и мастера лирических газелей ***Сеида Азима Ширвани*** начался с 1850-х годов и привлекает внимание своей удивительной полифонией: он писал стихи и в традиционном романтическо-лирическом ключе, и в стиле реалистической сатиры и юмора, и во многих формах и жанрах классической поэзии – газели, рубаи, месневи, кыты, теркиббенды, мухаммасы, мусаддасы, мустазады. Его перу также принадлежат учебники, литературоведческие работы, огромный составительский труд «Тезкире» – сборник с биографическими справками авторов и поэтическими образцами из творческого наследия азербайджанских классиков. Характерный мотив его просветительских стихотворений – призыв к обновлению жизни, освоению достижений мировой цивилизации и скорейшему избавлению от суеверия, предрассудков, обветшалых канонов в общественной жизни. Он был против схоластики и косности в науке и образовании. Идеи гуманизма и интернационализма, восприятие общечеловеческих ценностей приобретали в его поэзии более современное, более масштабное звучание.

Сеид Азим владел в совершенстве арабским и персидским языками, несколькими наречиями языков дагестанских народов, знал наизусть Коран. Для завершения духовного образования он отправился на Ближний Восток, учился в Багдаде, Каире, Дамаске, посетил святыни мусульманского мира Мекки и Медины, побывал в Алеппо, Исфахане, Тебризе, Ардебиле, ближе познакомился с духовно-культурной жизнью и видными учёными и поэтами крупных центров Ближнего и Среднего Востока. В Дамаске (1860) получил высокий духовный сан ахунда. Однако, когда он вернулся на родину, со временем интерес к общественным проблемам, тяга к научным знаниям остудили его тягу к служению религии, он всё больше и больше проникался желанием посвятить себя творчеству и просвещению народа, пропаганде науки и знаний. Он решает отказаться от духовного звания, чем вызывал особое недовольство и ярое враждебное отношение со стороны местного духовенства.

Сеид Азим Ширвани долгие годы возглавлял в Шамахе поэтическое собрание «Бейтус-Сафа» («Дом чистых»), сгруппировав вокруг себя прогрессивную интелли-

генцию города. Он поддерживал связи и с аналогичными поэтическими «меджлисами», функционирующими в Баку, Шуше, Губе, Ордубаде, в которые входили видные поэты Азербайджана второй половины XIX века. Они участвовали в традиционных поэтических состязаниях, вели переписку между собой на разные литературные темы, наставляли, советовали друг другу, обменивались поэтическими опытами и т.д. Эти поэтические «меджлисы» в Азербайджане играли роль, сходную с литературно-философскими салонами, во Франции в конце XVIII века или в России в начале XIX века В Шуше подобным собранием, носившем название «Меджлисиунс» («Собрание друзей»), руководила знаменитая поэтесса Хуршидбану Натаван.

В 1869 году Сеид Азим открыл в родном городе Шамаха школу нового типа, и до конца жизни руководил ею, где преподавали азербайджанский, персидский и русский языки, историю, географию, математику. Здесь подготавливали детей к дальнейшему начальному образованию в городской школе.

В любовно-лирических газелях С.А.Ширвани продолжил, несомненно, традиции Мухаммеда Физули. Но, его лирический герой отличается от своего предтечи – он реалистичнее и является живым носителем земной любви. Любовная формула поэта звучит чётче, воспринимается как каноническое кредо: любовь очищает человека, делает его краше, направляет на путь доброты, благородства и поднимает его на новый уровень духовного роста. Человеческая жизнь без любви не отличается от жизни камня. Такие сравнения придают газелям Ширвани особую грациозность и лиричность. Во всех лирических стихах поэта внешняя и внутренняя красота героев преподносится в тесном, неразрывном единстве. Истинная любовь – беспощадный враг печали, она оберегает человека от уныния, дает силы перебороть все трудности и совершать подвиги во имя любви. Любовь окрыляет, жизнь становится ярче, духовно насыщенней и богатой, «если рядом есть верная, цветущая любимая, то влюблённого не потянет в рай».

Наряду со знанием знанием персидского и арабского языков, творчества восточных поэтов, С.А.Ширвани живо интересовался европейской и русской литературой, знакомился с произведениями А.С.Пушкина (1799-1837), Н.А.Некрасова (1821-1878) и других известных русских авторов. Поэт усердно изучал русский язык, стал свободно читать, писать, достаточно хорошо говорил на этом языке.

При жизни Сеид Азим Ширвани так и не удалось увидеть ни одну свою изданную книгу. Первая книга поэта, подготовленная его сыном Мирджафаром Сеидзаде под названием «Сборник» увидела свет лишь в 1895 году в Тбилиси на деньги бакинского нефтяного миллионера-мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева (25.01.1823-01.09.1924). Затем были и другие издания в Тебризе (1895, 1897, 1912), Баку (1902, 1930, 1937, 1950-1953, 1960-1963), но самым фундаментальным, полным и с точки зрения текстологии, выверенным изданием является трёхтомник, выпущенный издательством Академии наук Азербайджанской ССР в Баку.

Вся поэзия Сеид Азима Ширвани, одухотворённая и проникнутая высокими помыслами, в целом посвящена служению демократическим, просветительским идеалам общества и, не теряя своей актуальности, новизны, современности, и по сей день любима читателями.

В XX веке самыми яркими представителями жанра газель в азербайджанской поэзии являлись Алиага Вахид (1895-1965), Мухаммедгусейн Шахрияр (1905-1988) и Сулейман Рустам (1906-1989). По количеству написанных газелей, и по художественной ценности среди них, безусловно, лидирует ***Алиага Вахид***, чьи газели отличаются глубинным философским содержанием, простотой и народностью поэтического языка и лирических образов. В его газелях употребление арабских и персидских слов сведено до минимума.

Как известно, в начале XX века в Баку произошёл нефтяной бум, и начали бурно развиваться многие отрасли промышленности. Не только общая экономиче-

ская картина города, но и общественно-политическая жизнь горожан стремительно подверглись коренным изменениям. В этот период в городе появилось множество образовательных учреждений, издавались новые газеты и журналы, организовывались разные литературные меджлисы и кружки. Литературный кружок бакинских поэтов «Маджмуею-уш-шуара» («Собрание поэтов») объединил вокруг себя немало талантливых творцов поэзии той эпохи: Мирза Абдулхалыг Юсиф (1851-1924), Абдулхалыг Джаннати (1855-1931), Машади Азер Бузовналы (1870-1951), Самед Мансур (1879-1927) и др. Молодой Алиага с 1911 года стал регулярно посещать поэтический меджлис «Маджмуею-уш-шуара» («Собрание поэтов») и прилежно осваивать секреты классической поэзии. Его первые поэтические опыты начали появляться в периодической печати с 1914 года под творческим влиянием опытных членов кружка Машади Азера Бузовналы и Мирзы Абдулхалыга Юсифа, который и нарёк молодого Алиагу «Вахидом», закрепив этот псевдоним за молодым поэтом, хотя тот не раз по тем или иным причинам использовал и к другие вымышленные псевдонимы. Но, в азербайджанской поэзии за ним закрепился именно этот псевдоним Вахид («один, единственный, цельный»). Первое стихотворение Алиаги Вахида вышло в газете «Игбал» («Судьба») 4 мая 1914 года. Затем его сатирические произведения – стихи, стихотворные фельетоны появлялись на страницах разных газет и журналов: «Дирилик»(«Оживление»), «Бабайи-Эмир», «Тути» («Попугай»), «Басират» («Прозорливость»), «Мезели» («Забавный») и др.

В раннем периоде своего творчества Алиага Вахид создал немало сатирических произведений, в которых критиковал социальные недостатки в обществе, суеверия и предрассудки, тиранию и несправедливость. В 1916 году эти стихи и три стихотворных рассказа для детей – «Рассказ о молле и быке», «Назидание», «Адам и Ева» вошли в его первую книгу «Результат алчности», вышедшую в «Издательство Гуламовых» в Баку.

В сатирических произведениях Алиага Вахид с первых поэтических опытов и до конца жизни придерживался традиций великого сатирика Мирзы Алекбера Сабира (1862-1911) и был его неизменным, верным последователем.

С 1920-х годов поэт активно сотрудничал с редакцией газеты «Коммунист», сатирическим журналом «Молла Насреддин» и служил в театре «Критика-пропаганда» в качестве экспромт-куплетиста. Он работал в издательстве «Азернешр» корректором, в газете «Коммунист» литературным сотрудником.

Многочисленные экспромты-куплеты и «мейханы» (в стиле народного стиха, созданные экспромтом, на разных торжествах или в кабаках; иначе, стихи для «питейного дома») были изданы в 1925 году отдельной книгой под названием «Мейханы Вахида».

Вахид является основоположником нового жанра в азербайджанской поэзии – газель-мейхана. До него в этом жанре так не писал никто.

Многие современники поэта вспоминали, что Вахид был очень остёр на язык, молниеносно реагировал на поэтические реплики поэтов-участников стихотворных состязаний-экспромтов и, подхватывая рифмы коллег, в считанные минуты сочинял совершенно оригинальные газели-мейханы под ритмы определённых мелодий.

Позднее, под влиянием произведений великих азербайджанских поэтов – мастеров жанра газели Мухаммеда Физули и Сеида Азима Ширвани, Алиага Вахид начал писать полноценные, любовно-лирические газели, которые приобрели в народе такую популярность, что его прозвали «Газельханом» («мастером, ханом газели»). В одной газели сам поэт с лёгкой иронией, но вполне уверенно объявляет себя продолжателем, «памятью великого Физули».

В газелях Алиаги Вахида вдохновенно воспевается реально-земная человеческая любовь. В популярности его газелей, безусловно играет немаловажную роль их тематическая линия: описание несчастной и счастливой любви. Эти мотивы нередко

переплетаются в газелях поэта, выражая внутренние перипетии любовного чувства, создаёт яркое впечатление, сентиментальную ауру, запоминающуюся коллизию и способствуют популяризации его поэтических текстов среди народа.

Тут уместно вспомнить одну достоверную историю, связанную с народной популярностью и славой Вахида. Как известно, в 1924-1925 годы великий русский лирик Сергей Есенин (1895-1925) с небольшими перерывами бывал в Баку и в 1924 году в одном из бакинских кабаков случайно познакомился с Алиагой Вахидом. Знакомство двух больших поэтов в дальнейшем перешло в крепкую дружбу.

Этот факт получил отражение в документальной повести «Балаханский май» фронтовика, писателя-публициста Гусейна Наджафова (1921-1989):

«– Я не знаю вашего языка, – торопливо заговорил Есенин, – но я тоже поэт, я понимаю, чувствую ритмику стиха. Вот слушал ваши газели, – они прекрасны своей напевностью, их можно петь, да, да, петь без музыки, без оркестра. О чём они?

– Ай, дорогой! Поэт о чём должен писать? О жизни, о любви, о смерти.

– Да, да, о жизни, о любви, о смерти, – закивал Есенин».

Алиага Вахид при жизни достаточно часто публиковался. Периодические издания его произведений печатали охотно, издательства выпускали книги большими тиражами: «Моллахана» (1938), «Газели» (1939), «Боевые газели» (1942), «Газели» (1944), «Газели» (1954; 1956; 1961; 1964). Большинство сочинений поэта были включены в объёмный двухтомник, выпущенный в 1975 году издательством «Азернешр». Данное издание было подготовлено ближе к академическим требованиям и по сей день считается самым полным и филологически выверенным собранием поэтического наследия великого мастера современного азербайджанского жанра газели Алиаги Вахида. На базе этих изданий в период независимости было выпущено полное собрание сочинений поэта на латинском алфавите в двух томах. Кабинет Министров Азербайджанской Республики 7 мая 2019 года своим Решением № 211 Алиагу Вахида включил в список авторов произведений, объявленных государственным достоянием в Азербайджанской Республике.

Как отмечалось, наряду с Алиагой Вахидом в жанре газель плодотворно творили такие азербайджанские поэты, как ***Сулейман Рустам*** в Северном Азербайджане и ***Мухаммедгусейн Шахрияр*** в Южном Азербайджане. В 1828 году по договорённости между двумя империями – России и Персии – Азербайджан был разделён на две части. Границей стала река Аракс (Араз). Несомненно, оторванность друг от друга северной и южной азербайджанской литературной среды отрицательно влияла на общий ход развития в целом азербайджанской литературы.

В лирике и Сулеймана Рустама, и Мухаммедгусейна Шахрияра, наряду с любовно-лирической тематикой, в достаточно широком спектре разработана тема разделённости Азербайджана. Во многих поэтических строках С.Рустама отражена народная боль, но поэт на будущее смотрит с уверенностью и оптимизмом:

У каждого сердце одно, а мне подарено вдвое:
Два сердца стучат в груди, и каждое сердце – живое!
Я знаю: настанет срок – и дружно они забьются,
Два сердца моих в одно на веки веков сольются.

Перевод Павла Антокольского

Тема разделённой Родины в произведениях Сулеймана Рустама не проходящая, не случайная, она присутствует и вперемежку, и по отдельности во многих его газелях:

Любовью к Родине полна, огнём горит моя душа,
Я жизнь за Родину отдам! – так говорит моя душа.
Ничто из памяти моей любимый образ не сотрёт,
Уйди, разлука, с глаз долой, уйди! – твердит моя душа.
И ты, любимая моя, не забывай о светлых днях, –
Пусть их душа твоя хранит, как их хранит моя душа…

Перевод Бронислава Кежуна

Мухаммедгусейн Шахрияр оставил два поэтических сборника газелей – на персидском и азербайджанском языках. В эти «Диваны» вошли любовно-лирические и общественно-политические газели поэта. Тема патриотизма и разделённости Азербайджана в газелях М.Шахрияра окрашена политической палитрой и часто доходит до отчаянного призыва к свободе, к объединению разделенного народа:

... Övladların nə vaxtadək tərki-vətən olacaqdır?
Əl-ələ ver, üsyan elə, oyan, oyan, Azərbaycan!
Bəsdir fəraq odlarından kül ələndi başımıza,
Dur ayağa! Ya azad ol, ya tamam yan, Azərbaycan!
Şəhriyarın ürəyi də sənincitək yaralıdır,
Azadlıqdır mənə məlhəm, sənə dərman, Azərbaycan!

…До каких пор сыны твои по чужбинам разбросаны будут?
Держись рука за руку, сражайся, проснись, проснись, Азербайджан!
Хватит, от костров разлуки на наши головы пепел сыпется,
Вставай! Или освободись, или сгори дотла, Азербайджан!
И сердце Шахрияра раненое, как у тебя,
Свобода для меня бальзам, для тебя – лекарство, Азербайджан!

Подстрочный перевод автора статьи

Надо отметить, что газели, окрашенные общественно политическими мотивами, являлись в азербайджанской поэзии XX века новой формой этого классического жанра. Именно Мухаммедгусейн Шахрияр и Сулейман Рустам являются создателями этой поэтической новизны.

Мы вкратце изложили, какую идейно-поэтическую цель ставили перед собой азербайджанские поэты – последователи Физули, и как они шли к ней. Как в последующие века после Физули развивалась любовная лирика в азербайджанской литературе.

Научная новизна исследования заключается в выявлении особенности применения художественных приёмов Мухаммеда Физули. Наглядно показано, как газели Физули влияли на дальнейшее развитие этого жанра в азербайджанской поэзии.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении богатого творчества великого Мухаммеда Физули в контексте ближневосточной поэзии и его влияние на своих многочисленных последователей.

ГОСТЬ

АЛЕКСАНДР ДИМИДОВ

Димидов Александр Владимирович (1972 г.р., г.Черновцы, Украина) – магистр филологии (специализация «Русский язык и литература»), дипломированный переводчик с английского языка. Писатель, публицист. Автор романов «Четыре унции кофе», «Маджента» (диплом «Международное признание» литературного конкурса «Коронация слова-2019»), «Жонглер», «Грошери», книги-эссе «Поправка 3:17». В 2021 году были опубликованы рассказы «Отруби» (журнал «Новый берег», №74, Дания), «Стервы» (журнал «Дружба народов», № 12, Россия), «Портрет мужчины с диском» (журнал «Иные берега», Финляндия. Диплом золотой ступени Международного конкурса короткой прозы «Чемодан Довлатова», аудиоверсия рассказа подготовлена редакцией «Радио Гомель» (Беларусь). Рассказ «Чудиновский пастырь» вошел в лонглист и был отмечен дипломом Международного конкурса современной духовной художественной литературы «Молитва» (2022).

С 2010 года проживает в г.Эймс, штат Айова, США.

Р А С С К А З Ы

Пицца с привкусом солнца

Тело шестидесятивосьмилетнего Франсуа Виллена было найдено в доме его покойной жены на Рут де Грюисанн. Полицию вызвал Ламар Сарду, хозяин ресторана, после того, как не смог доставить заказанный ужин. Парадная дверь оказалась не заперта. Сержант трижды окликнул, но так и не получив ответа, шагнул в темноту вестибюля. Его фонарь скользил по затоптанному персидскому ковру, беспорядочно оставленной утвари, стопкам книг, коробкам от пиццы и одежде, сброшенной где попало. Было грязно и пыльно.

Сквозняк, проникающий из неплотно закрытых окон второго этажа, разносил по дому сладковато-приторный запах разлагающейся плоти. Пока еще слабый, хотя вполне различимый. Сержант прошел четыре комнаты, одну за другой, и обнаружил труп сидящим в кресле у окна, в домашнем халате, с ногами закинутыми на шелковую банкетку. Голова его была запрокинута назад. Рот полуоткрыт. Левая рука, безвольно свесившись, касалась паркета. Правая все еще держала лежавшую в паху недопитую бутылку «Джонни Уокера». На полу, рядом с креслом, стоял пустой фужер и открытый фирменный ящик с тем же напитком, все картонные секции которого были заняты пустой посудой.

При беглом осмотре явных признаков насилия обнаружить не удалось. Комиссар Рамо, прибывший в скором времени, подтвердил выводы сержанта. Смерть наступила несколько дней назад. Рамо навскидку предположил сердечный приступ. Покойный, очевидно, жил один. Страдал алкоголизмом. Пил не закусывая, судя по пустому холодильнику с одиноко стоявшей на нижней полке початой банкой оливок. Типичный случай бытовой смерти. После того, как он умер, в дом никто не заходил. Картины – видимо, подлинники, резная мебель, домашняя техника: японский телевизор и дорогая стереосистема, – все на месте. На груди у трупа золотая цепочка с медальоном. Палец левой руки унизан золотым перстнем. Здесь никого не было. Жуткий бардак, среди которого приходилось маневрировать экспертам, был создан при жизни покойника и не свидетельствовал о грабеже. Рамо положил под язык антиникотиновую карамель. Перед тем, как покинуть дом, он напомнил сержанту, что ждет его рапорт к завтрашнему утру.

На следующий день судебный патологоанатом, окруженный группой студентов медицинского колледжа, произвел вскрытие. Вопреки ожиданиям Рамо, сердце покойника оказалось почти в полном порядке. Причиной смерти была не летальная аритмия сама по себе, а паралич дыхательного центра головного мозга. Паралич, вызванный, по-видимому, повышенной дозой этанола. Судмедэксперт отобрал образцы крови и мочи, а уже к вечеру из лаборатории поступили результаты анализов. Содержание алкоголя в крови Виллена превышало 4 г/л. Смертельная концентрация, даже без учета его возраста и букета хронических заболеваний. Официальной причиной смерти, указанной в свидетельстве, стала алкогольная интоксикация. Ни у экспертов, ни у полиции не было причин говорить о чем-то другом.

Примерно через месяц после указанных событий Амбруаз Тафанель, бывший судебный секретарь и «величайшая из заноз в заднице города», как его за глаза окрестил Рамо, обнаружил на лавке в городском парке забытую кем-то книгу. То был французский перевод романа Ирвина Шоу «Богач, бедняк», опубликованный парижским издательством «France loisirs» в 1977 году. Весьма пристойного вида. По штампу на форзаце и инвентарному номеру Тафанель установил, что книга принадлежала фондам городской публичной библиотеки. В противном случае, он отдал бы ее в бюро находок и на том посчитал свою миссию выполненной. Но наличие казенного клейма налагало особые обязательства. Поэтому он прихватил ее с собой и на следующее же утро собирался отнести в библиотеку. Когда – привычно для человека с богатым конторским опытом – чисто механически прогулявшись большим пальцем по книжному блоку, увидел закладку среди страниц. Обычного размера бизнес-визитка. Прямоугольник белой бумаги, строгого стиля с адресом похоронного дома «Терминаль».

Тафанель обладал злым даром внимания к мелочам. Исходя из того, в каком положении находилась картонка, он сделал вывод, что ее оставили не случайно. Любой листок, попавший под руку, может служить закладкой. Обычно он просто лежит между страниц, в произвольном положении, и готов тотчас выпасть, стоит только, придав книге горизонтальное положение обложками вверх, слегка потрясти ее. Так вот, с карточкой похоронного дома такой трюк не прошел бы. Ее загнали глубоко, под самый переплет. Туго зажав, почти симметрично по центру страницы. Бывший секретарь аккуратно изъял визитку и повертел в пальцах. Никаких пометок, выглядит почти новой. Хотя по едва скошенным углам и отпечатке ногтя под вторым телефоном видно, что ею пользовались. Он не заметил подчеркиваний или надписей на полях книги. Текст романа оставался чист. Тогда ему пришло на ум поинтересоваться, какой именно отрывок решил отметить читатель. Тафанель снял пиджак, вернулся в гостиную, снова напялил на нос очки и принялся читать.

Последняя глава первой части романа, как раз уместившаяся в книжный разворот, повествовала о некоем Акселе, пекаре или хозяине пекарни. Глубокой ночью он спускается в подвал, мурлыча под нос детскую колыбельную на немецком. Аксель прикладывается к бутылке, борясь со сном. На столе перед ним еще одна, последняя порция булок, приготовленных к выпечке. Сейчас он сунет их в печь.

«*Оставив противень на столе*, – писал Шоу, – *он подошел к полке, снял с нее жестянку с угрожающим предупреждением на этикетке – нарисованным черепом и костями крест-накрест. Аксель высыпал из банки немного порошка – с чайную ложку. Подойдя к столу, он из одного рядка сырых булочек наугад поднял одну. Старательно вложил в булочку яд, потом, повертев ее между ладонями, положил на место, на противень. Вот мое последнее послание этому миру, подумал он.*

Кошка внимательно наблюдала за ним. Сунув противень в духовку, он подошел к раковине, сняв с себя рубашку, вымыл руки, лицо, тело. Вытерся мешковиной, оделся. Снова сел на свое место перед печью, поднес пустую бутылку к губам.

Он все мурлыкал под нос эту песенку, которую пела мать ему, маленькому мальчику.

Когда булочки испеклись, Аксель вытащил противень из печи. Все булочки были абсолютно одинаковыми. Выключив газ в печи, он надел картуз и пестрое драповое пальто. Поднялся по лестнице, вышел на улицу из пекарни. Кошка пошла за ним следом. Он не стал ее прогонять. На улице было темно, дождь все еще шел. Ветер посвежел, стал холоднее. Он пнул кошку ногой, и она убежала.

Прихрамывая, Аксель отправился к реке. Сел в свою легкую, гоночную лодку, стал грести подальше от берега. Мощным течением его вынесло из нью-йоркской гавани в океан, под высокую волну, где утлый ялик вскорости затонул. Некоторое время спустя лодку увидели плавающей вверх днищем. Труп Акселя так и не нашли».[1]

Питавший скрытую страсть к детективным сюжетам Тафанель проглотил наживку и в тот день отправился по своим делам без книги. За неделю, читая по вечерам, он одолел все семьсот страниц. Роман разочаровал его. Он не любил откровенной «американщины», где бы она ни попадалась, – в книгах, в фильмах, в еде, в жизни. Тафанелю давно перевалило за семьдесят, и его плечи помнили снисходительные похлопывания союзников-янки под Лионом. Написанная легким языком книга, взамен потраченного на нее времени, принесла единственный плюс.

Буквально на первых ее страницах он выяснил, что немецкий иммигрант Аксель Джордах, хозяин пекарни, уже давно мучился навязчивой идеей отравить ядом одно из своих изделий. Просто «ради смеха... чтобы проучить их». Себя, перепачканного мукой, обреченного каждое утро растапливать «адскую печь», он в душе называл клоуном-неудачником, «у которого нет своего цирка».

Тафанель отнес роман в библиотеку и, пользуясь радушием сотрудницы, растекавшейся в благодарностях, установил, кто мог забыть его в парке. Читателей у книги было всего двое. Первый – студент факультета изящных искусств Рене Богюс, двадцатитрехлетний юноша, записавшийся в библиотеку сразу после поступления. Вторая – известная секретарю Жульен Сарду, жена Ламара Сарду и совладелица местного ресторана-пиццерии «Парадизо». Книга все еще числилась за Богюсом. Утаив найденную визитку, Тафанель настоятельно порекомендовал библиотекарю призвать виновника к самому решительному ответу. Ибо не дело, если к общественной собственности станут относиться с подобным разгильдяйством. Так никаких фондов не напасешься.

За тридцать девять лет работы секретарем городского суда Амбруаз Тафанель повидал немало. Все и любые юридические склоки, возникавшие как у государства с гражданами, так и между самими горожанами, более трети века протекали у него на глазах. Многие судебные заседания проводились в закрытом режиме, где, помимо представителей сторон, присутствовали только пристав, судья и секретарь. Поэтому Тафанель по долгу службы знал о подлинных делах и нравах в городе гораздо больше, чем кто-либо иной. От соседских дрязг и бракоразводных процессов до самых тяжелых уголовных преступлений, память его содержала полное собрание судебных историй в разнообразии всех подробностей. Будь у него литературная жилка, к концу своей карьеры он мог бы разразиться чередой историй, быть может, не менее грандиозной, чем «Человеческая комедия».

Однажды, весьма давно, соседи подали иск на Сарду из-за того, что лабрадор последних, совершив подкоп, пробрался в сад и испугал игравшего там ребенка. Репутация у рестораторов была самая положительная. Оба – и Ламар, и его жена – до суда, на суде и после – утопали в сожалении и извинениях. Они предложили оплатить психологическую помощь ребенку, если таковая понадобится. Ключом к мировому соглашению стало взятое ими обязательство установить новый забор, препятствующий подкопам, купить вольер для собаки и добровольно выплатить компенсацию морального ущерба.

[1] Цит. по Шоу И. Богач, бедняк. Т.1, М: Аст, 2005. Перевод Каневского Л.Д.

О ресторане «Парадизо» снова заговорили несколько месяцев назад, когда Сарду впервые в жизни удалось завоевать кубок «Турнира Десяти». Самого престижного состязания пиццерий южной Франции. Пицца, приготовленная шеф-поваром «Парадизо», была признана самой лучшей. К кубку прилагалось включение в ежегодный список ста ресторанов Франции, промоции в туристических каталогах, брошюрах, широкая поддержка медиаресурсов. А самое главное – денежный приз в размере пятидесяти тысячи франков.

Первое, что сделали супруги Сарду после победы, – наняли дизайнера, который путем хитроумных бюджетных преобразований позволил подтянуть интерьер «Парадизо» до легкой претензии класса «гранд». Больше света и зелени. Безупречный потолок с искусственной лепниной. Новая мебель в зале. На кухне поменяли вытяжку и отреставрировали старую дровяную печь, с которой все начиналось почти век назад. Тогда повар по фамилии Буаселье, выкупив здание галантерейного магазина с тем же названием, решил открыть в нем собственную забегаловку. Витрина, выходящая на городскую площадь, посчитал он, – залог успеха в любые времена.

Разумеется, сообщение о смерти Франсуа Виллена не могло ускользнуть от всевидящего ока бывшего секретаря. Привыкший читать местные криминальные хроники он также обратил внимание на то, что в полицию обратился именно Ламар Сарду. Гениальная мысль внезапно пронзила мозг Тафанеля, словно молния. Образ старого Акселя, напевающего немецкую колыбельную, стоя у адской печи с банкой крысиного яда в руках, вдруг получил лицо трудолюбивого и простодушного добряка Ламара.

Нет, его им не провести.

Почему Тафанель не допустил, что визитка похоронного агентства вполне могла принадлежать рассеянному студенту Рене Богюсу, недавно, к примеру, утратившему кого-то из пожилых родственников – не известно. Вместо этого он продолжил убеждать в себя в том, что медицине давно известны яды, которые крайне тяжело обнаружить в теле жертвы, и что некоторые из них – растительного происхождения. Взять хотя бы пресловутые вишневые косточки. Содержимого пятидесяти из них достаточно, чтобы убить взрослого человека, отравив его желудок синильной кислотой.

Если секретарь прав, могла потребоваться эксгумация. Поэтому Тафанель, прекрасно знавший последовательность полицейских процедур, в первую очередь расшевелил старые знакомства в судебной медицине. Подняв записи, ему сообщили, что тело из городского морга забрали не родственники Виллена, а представители похоронного дома, предъявив оригинал нотариально заверенного договора, заключенного Вилленом еще при жизни. Секретарь спросил, какое именно похоронное агентство увезло труп после вскрытия.

Ответ его не разочаровал.

Затем Тафанель позвонил по одному из номеров на визитке. Тому самому, который был отмечен полукругом, вдавленным ногтевой пластиной. Обычно так делают, когда под рукой не оказалось ручки или карандаша. Он представился дальним родственником, разыскивающим место захоронения Франсуа Виллена. Учтивый голос на другом конце попросил его подождать или перезвонить чуть позже. Тафанель выбрал первое. Похоронный клерк задал ему несколько наводящих вопросов и в конце концов огорошил новостью: тело Виллена было кремировано согласно его последней воле. В связи с отсутствием родственников прах покойного отдали другу, господину Ламару Сарду. Где именно произошло дальнейшее захоронение и произошло ли вообще, сотрудник не знал.

Понимая, что, с одной стороны, кремация почти наверняка уничтожила следы преступления, а с другой, лелея надежду, что урна с прахом подскажет дальнейший путь к истине, Тафанель попросил описать, какую именно из урн выбрал покойный.

Ему ответили даже быстрее, чем он ожидал. Оказалось, в смете услуг, выбранных усопшим, посмертная урна отсутствовала. В подобных случаях прах передается родственникам или их представителям в типовом, герметичном, проклеенном изнутри картонном цилиндре с цветным декором. Хотя друг покойного настоял, чтобы прах господина Виллена пересыпали в привезенный им фарфоровый сосуд.

– Сосуд? – переспросил Тафанель.

– Да, мсье. Белый круглый бочонок. С такой же фарфоровой крышкой и объемным изображением пеликана.

Он поблагодарил и дал отбой.

Что-то во всей этой истории не складывалось. Каким образом залетная столичная птица, внезапно появившаяся в Грюисанне несколько лет назад, по слухам, бывший профессор, смог сойтись с местным поваром, годившимся ему в сыновья, причем подружиться до такой степени, чтобы доверить ему свой прах? В городе нет крематория. Поэтому Сарду пришлось забирать прах из ближайшего муниципалитета, где он есть – из Безье. Конечно, было бы гораздо проще и увлекательнее, если бы деньги у Ламара завелись вследствие смерти Виллена, а не из-за выигрыша в конкурсе пиццерий, причем в то время, пока Виллен был еще жив. Но уж тут – что есть, то есть.

Подвешенная в воздухе интрига несколько недель томилась на медленном огне в голове секретаря. Пока однажды, после выпуска новостей, он не переключился на другой канал. Программа была посвящена бизнесу. После очерка о перспективной строительной компании из Марселя начался репортаж о ресторанах. Шикарная брюнетка брала интервью у Ламара Сарду, шеф-повара и совладельца «Парадизо», где готовят лучшую во всей южной Франции пиццу. Ламар в парадном поварском сюртуке и шапочке шефа вкратце рассказал о своем заведении. Показал обновленные интерьеры главного зала. А затем пригласил съемочную группу на кухню. Широким жестом хозяина Сарду указал на свой алтарь – главный стол, где обычно происходит священнодействие. Рецепта приготовления он, конечно же, не открыл. Но среди посуды для специй, выстроенной по периметру стола, Тафанель внезапно заметил массивный белый, судя по всему, фарфоровый бочонок с барельефом.

Он просто ошалел. Идея о том, что повар может подмешивать в пищу человеческие останки, показалась ему сюрреалистичной и одновременно до рвоты противной. А главное – зачем? Неужели пеплу присущ некий особый вкус? Ведь ели же когда-то перетертые в порошок египетские мумии. Как бы то ни было, теперь со всем этим пусть разбирается полиция. Скоротав ночь под лампой за письменным столом, бывший секретарь на рассвете собрал свой восьмистраничный опус, выскоблил подбородок до синевы, одел чистую рубаху и к девяти часам отправился на прием к комиссару Рамо, «человеку кристальной честности и моему старинному другу».

Порой заслуженная пенсия – страшное испытание для деятельного человека. Так подумал Рамо в который раз, выслушав Тафанеля. Впрочем, с избытком свободного времени каждый справляется как может. Одни путешествуют. Другие рыбачат или возделывают сад. Третьи, свихнувшиеся на почве общественного служения, продолжают портить жизнь окружающим. Комиссар не был другом Тафанелю. Иногда, изнемогая от настойчивости и принципиальности бывшего секретаря, ему хотелось вывезти его за город и там по тихому послать пулю в затылок из табельного оружия, оставив труп в первой же канаве. Но Рамо был католиком. И не желал неприятностей по службе.

Время и так значительно утихомирило Тафанеля. Раньше, сразу по завершении карьеры, он еще долго был полон энергии Савонаролы. Неустанно выискивал людские грехи. Совал свой нос в каждую городскую щель. Его пять раз избивали исподтишка, затолкнув поздним вечером в ближайшую подворотню. Виной тому были анонимки, которые кто-то рассылал в промышленных масштабах. Мужьям сообщали

о неверных женах. Епархии – о священнике-содомите. Финансовой инспекции – о налоговых мошенничествах. Владельцам бизнеса – о недобросовестных работниках и нечистоплотных компаньонах. Тафанель знал все обо всех и, ковыляя после очередной расправы, униженный, но не посрамленный, снова возвращался на пост по защите интересов государства и общественной морали.

– То есть вы полагаете, Сарду отравил Виллена, а теперь скармливает нам его прах?

Тафанель преданно, с искринкой настоящего патриота, посмотрел в глаза Рамо:

– Я рад, господин комиссар, что вы сами сказали это.

У Рамо было не менее десяти вежливых способов отправить бывшего секретаря ко всем чертям. Но он не сделал этого по двум основным соображениям. Во-первых, уже случались истории, когда благодаря избыточной бдительности Тафанеля властям удавалось предупредить серьезное правонарушение, одернуть или задержать преступника. В связи с чем у городского начальства он был на хорошем счету. Во-вторых, Тафанель, как никто другой, знал толк в документообороте, и все его контакты с представителями правоохранительных, как, впрочем, и любых других государственных или муниципальных органов, были обставлены с профессиональной безупречностью. На любой визит у него имелась бумага. Он всегда обращался в письменной форме, сохраняя копии заявлений с канцелярским штампом «Принято», датой и подписью. Тем самым оставляя за собой право заявить потом во всеуслышание: «А я же вам говорил». И Рамо помнил людей, которые поплатились своей должностью за игнорирование «сигналов» от Тафанеля.

Возможно, бывший секретарь городского суда уже рисовал в своем воображении караван полицейских машин с мигалками, мчащихся к пиццерии. Однако Рамо, даже не потрудившись перечитать его писанину, сгреб листы в папку и похоронил в нижнем ящике стола. Он не верил Тафанелю. Пожалуй, тот был прав лишь в одном. История и вправду выглядела слишком запутанной. Но это еще не значило, что полиции стоит ею заниматься. В жизни полно нестыковок любого толка. Если бы по каждой из них открывали расследование, штаты пришлось бы увеличить тысячекратно. Домыслы ненормального старика к делу не пришьешь. Да и дела-то не существует. Естественная смерть доказана. Мотивов у Сарду нет. Будь у Тафанеля хоть капелька ума, он бы понял, что температура кремации не оставляет бактериям шансов. Отравить прахом нельзя. Можно испортить аппетит и эстетику блюда. Но в тюрьму за такое не сажают. Тем не менее, увиденное в доме на Рут де Грюисанн было все еще свежо в памяти Рамо. И он решил приглядеться к фигуре его бывшего владельца, пусть и с опозданием.

Франсуа Виллен когда-то преподавал в Сорбонне и прославился благодаря скандалу.

В апреле семьдесят первого журнал «Le Nouvel Observateur» опубликовал составленное Симоной де Бовуар письмо, подписанное тремя сотнями женщин, впоследствии названное «Манифест трехсот сорока трех». Эти француженки требовали декриминализации абортов и одновременно признавались в том, что им приходилось избавляться от зародышей в частном порядке. Реакция французского общества оказалась неоднозначной. «Charlie Hebdo», к примеру, разразился серией едких карикатур, в которых подписанток открыто называли шлюхами.

В ответ Симона де Бовуар, подруга Сартра, предложила провести открытые телевизионные дебаты. Ее оппонентом стал коллега Виллена, Клод Жирак, доктор философии, чьей специализацией была гендерная политика. Он вполне удачно парировал выпады феминистки. Но перед вторыми дебатами Жирак слег с острой пневмонией. Администрация канала попросила Виллена подменить его, и тот нехотя согласился. Прирожденного остряка, призванного смеяться над женской блажью, сме-

нил вдумчивый, ироничный Виллен, который женщинам принципиально симпатизировал.

Франсуа относил себя к ученым, для которых так называемая «биологическая трагедия женщины», обреченность жертвовать своим личностным ростом во имя репродукции, не была пустым звуком. И он смотрел гораздо дальше, чем Бовуар. Он хотел, чтобы мужчины наконец взяли на себя часть ответственности за нежелательную беременность. Чтобы они попытались понять сакральность неповторимой женской природы. Отмена наказания за аборты, по Виллену, должна была бы стать лишь первым шагом на пути к переосмыслению роли женщины во французском обществе.

– Вы пытаетесь играть в навязанные вам мужские игры вместо того, чтобы осознать свою феноменальность и тем самым обрести собственный путь. Вы копируете паттерны там, где следует полагаться на вашу природную интуицию и стремление к справедливости.

Бовуар, истолковав его позицию как слабину, взвинтила тон. Посыпалась очередная порция банальностей, рассчитанных на женскую аудиторию. Об ущемленных правах, общественной несправедливости, рабском положении женщин. Ведь даже в исторической галерее образов бунтарей женщины могут полагаться разве что на сгоревшую еретичку Жанну д'Арк.

Виллен, глядя, как попирают копытами протянутый им бисер, невозмутимо возразил:

– Отнюдь, Симона. Вы в любой момент можете снискать славу Робин Гуда. Просто берите у богатых. И давайте бедным.

Зал взорвался оглушительным хохотом. Бовуар покраснела и демонстративно покинула студию.

Виллен, сам того не желая, на следующее же утро проснулся знаменитым, но у этой известности была своя цена. Через неделю после эфира какая-то пьяная феминистка подкараулила его на выходе из университета и, бросившись наперерез, расцарапала ему лицо. Виллен чудом спас глаза. Защищаясь, он инстинктивно оттолкнул ее. Она ударилась затылком о каменную изгородь и потеряла сознание. Сам в крови, он опустился на колени рядом с ней. Попытался нащупать пульс. Это фото – мужчина с залитой кровью щекой, который держит за горло распростертую на земле девушку, – обошло все французские таблоиды.

Многие считали, что Виллена попросту подставили. Девица вскоре пришла в себя и с больничной койки Сальпетриера, куда ее госпитализировали с легким сотрясением, раздала дюжину интервью. Ученый совет, спасая репутацию факультета, порекомендовал Виллену годовой академический отпуск. Виллен посчитал себя оскорбленным. И хлопнул дверью. Он выбрал пенсию. Той весной у Рени, его супруги, умерла престарелая тетка, оставив ей особняк в Лангедоке. Они почти не колебались. Рени повесила свой косметический салон в девятом округе на старшую сотрудницу. Собрала только необходимое, но при этом нафаршировала багажник стопками научных монографий (Франсуа пообещал ей закончить книгу), которые, как она считала, могут понадобиться. Раздала цветочные вазоны друзьям. И на ее стареньком «Пежо» они отправились через всю страну, из Парижа – в самую задницу мира.

Вопреки ожиданиям Виллена, дом в Грюисанне ничем не напоминал обычные старые шато под терракотовой черепицей с высокими потолками и мезонином. Это было приземистое строение в мавританском стиле. Растрескавшиеся от времени глухие деревянные ставни на окнах. Толстые каменные стены, призванные защищать от жары. Полы первого этажа, выстланные огромными серыми плитами, намекали на замок или собор, так что у Виллена иногда возникало желание поискать крипту. Стены комнат были выкрашены в аляповатые цвета, выцветшие со временем. Имелись натуральные ковры в довольно приличном состоянии и старая резная мебель.

Половину второго этажа занимал огромный балкон, с которого можно было любоваться окрестностями и в тени полосатого навеса разглядывать море, плескавшееся в нескольких километрах на востоке. Очевидно, именно здесь, сидя в старом шезлонге, тетушка Клотильда сочиняла свои нудные дидактические послания не умеющим жить родственникам, полные желчи и упреков, после которых с ней прекратили общаться все, кроме племянницы, а дом в Лангедоке получил негласное прозвище «осиное гнездо».

Ее покойный супруг-фабрикант, умерший слишком рано, оставил по себе солидное состояние. Клотильде еще не было и сорока, когда она – богатая и бездетная – купила дом подальше от городской суеты, дабы ни от кого не зависеть, а жить так, как ей заблагорассудится. Она много путешествовала. Успела объехать весь Ближний Восток и много раз бывала в Африке, о чем свидетельствовали тотемные маски, густо развешанные на стене столовой. Когда Виллены решили вынести старую кровать, они обнаружили спрятанную под матрасом на широких деревянных поперечинах массивную картонную коробку, битком набитую фаллоиммитаторами всех материалов, цветов и размеров.

– Обкладывалась она ими, что ли? – растерянно произнесла Рени.

Франсуа пожал плечами:

– У каждого свои обереги.

Несколько месяцев у них ушло на то, чтобы избавиться от ненужного хлама и привести дом в порядок. Они побелили стены, заменили водопровод, обновили двери и окна. Дом прекрасно сохранял ночную прохладу, что позволяло им работать во время сиесты. Они никуда не торопились и все делали в свое удовольствие. По вечерам, когда спадала жара, после заката, садились в бордовый «404» и по серпантину, среди зеленых холмов, спускались к морю. Там, на песчаной косе, между пляжем Маэль и рестораном «Берег москитов», у них было любимое место, скрытое от чужих глаз барханами и зарослями барбариса. Они подолгу купались в ласковой воде. Франсуа разводил костер из прибрежного валежника, иногда они запекали мясо. Если веток не хватало, в растопку шли научные тома, часть которых он оставил в багажнике на всякий случай.

Грюисанн после Сорбонны – жуткое захолустье. Бывший рыбацкий городишко, кладбище прогоревших устричных ферм,он разросся до полутора тысяч жителей только благодаря туризму. Здесь имелось несколько кафе, где путем проб и ошибок чете Виллен удалось отыскать пару недурственных блюд. Одним из таких мест стал «Парадизо», понравившийся Рени своей кухней. Они наслаждались долгими прогулками в старом центре и по набережной, понимая, что рано или поздно вновь затоскуют по тем местам, где прошла их прежняя жизнь. По машинному запаху метро и корице кондитерских, улыбкам друзей, городским пейзажам и ритму столичной жизни.

Повод вернуться в Париж возник даже быстрее, но оказался гораздо менее приятным. У Рени появились странные уплотнения в левой груди. Местный маммолог посоветовал ей, не откладывая, пройти комплексное обследование. Вместе они прилетели в «Шарль де Голль» в конце сентября, а уже в первых числах октября Рени прооперировали. Потом последовали долгих полтора года бесконечных скитаний между ремиссиями и стационаром. Ей назначили химиотерапию, удалили вторую грудь. Вместо светлой косынки, в которой большинство обреченных женщин похожи на изнуренных ткачих, или дурацких чепчиков Рени предпочла носить парик, подобранный под цвет ее натуральных волос. Она старалась держаться молодцом. Попыталась познакомить Франсуа с одной из своих младших подруг, женщиной «надежной и очень хозяйственной». Он смог отшутиться. И стал проводить долгие часы в палате, пока она спала под действием седативных и обезболивающих, надеясь, что, проснувшись, она снова сможет хоть немного с ним поговорить.

Все это время Клод Дюжарден, почтальон, проезжая по казенной надобности мимо особняка, нарочно останавливался и совершал обход, убеждаясь, что дверь заперта, ставни не тронуты, а внутри или на подворье не обосновалась компания заезжих хиппи. Раз в месяц он отзванивался Виллену. Голос парижанина казался ему настолько далеким и отстраненным, что с подачи Дюжардена в городе поползли слухи о скорой продаже дома. Такая новость мало кого удивила. Переехать из Парижа на самый юг, в провинциальную дыру? Что за вздор! Надо быть полным идиотом или сумасшедшим художником, чтобы отчаяться на подобную авантюру.

Когда комиссар Рамо почувствовал, что пришло время, он нанес визит в «Парадизо».

Те, кто недолюбливал рестораторов Сарду, называли их между собой «Жюльен с Омаром», не догадываясь при этом, насколько вкусное блюдо они поминают. Ламар встретил его со всем радушием. Рамо по привычке назвал свою должность, но тотчас известил, что пришел в частном порядке. Они не были знакомы лично, хотя пересекались множество раз. Жители небольших городов обречены топтать одну и ту же землю. Кто-то из родни, знакомых или коллег комиссара регулярно праздновал свои дни рождения, помолвки или семейные праздники, заказывая банкет у Сарду. Прекрасная кухня, разумные цены. Туристы приезжают и уезжают. А репутация среди своих созидается десятилетиями.

Комиссар начал с того, что попросил устроить ему «тур в закрома». Позволить взглянуть на кухню, разумеется, если это возможно. Сарду с удовольствием проводил его. Увидев заветный бочонок, Рамо соврал, что точно такой же был у его матери.

– Очень полезная вещь, – с готовностью подхватил Ламар. – В этом (он приподнял крышку стоявшего на столе, показывая содержимое) я храню ржаную муку. А вот здесь (он открыл дверной шкаф, одна из полок которого была уставлена двойниками с профилем пеликана) у нас крупы. Какой-то особый состав глины. Отпугивает жучков, не дает завестись плесени. Жена купила их много лет назад, на распродаже в Сет.

Сарду повел его в глубину дома, попутно показывая горячий цех и кладовые.

Посетителей с утра было немного. Рамо заказал паэлью по-барселонски с апельсиновым соком, чашку кофе без молока. Ламар сам приготовил и доставил заказ. Рамо жестом пригласил его за свой столик:

– Говорят, вы знали покойного Франсуа Виллена?

Сарду встретил ожидающий взгляд комиссара:

– О, да...Я многим ему обязан.

Ламару пришлось рассказать Рамо, как он впервые увидел Виллена с женой, приняв их за туристов. Затем они стали появляться как минимум раз в месяц. Познакомились, разговорились. К ужину они всегда заказывали «Шато Левиль» шестьдесят восьмого года. А потом вдруг пропали.

Примерно через полтора года он снова увидел Франсуа, одиноко сидящим за дальним столиком. Следовало подойти ближе, чтобы понять, как сильно он постарел. К счастью, здешний морской воздух многим идет на пользу. Люди быстро восстанавливаются. Однажды он заказал буйабес, и Ламар прислал ему комплимент – по восьмушке из четырех разных пицц. Виллен даже не притронулся. Ламару пришлось объяснить, что они готовятся к «Турниру Десяти», и им крайне важно мнение человека из столицы.

Виллен никогда не слыхал об этом состязании лучших пиццерий. Он слегка поковырял вилкой начинку одного из кусков и невозмутимо заявил, что готов научить Ламара готовить пиццу, которая приведет его к победе. В обмен на скромную услугу с его стороны. Сарду, не привыкший оставаться в долгу, попробовал уточнить, что именно угодно Виллену. Но тот манкировал, сказав, что еще рано об этом говорить, и пусть все идет своим чередом.

Через несколько дней в условленное время Виллен приехал со своим набором продуктов. Прежде всего он попросил убедиться, что дровяная печь не чадит, и прогреть ее как можно жарче. В тесто он добавил немного испанского шафрана, уточнив, что за долгие годы ему пришлось испробовать греческий, кашмирский и иранский шафран, но именно испанский, уступая в цвете, обладает столь насыщенным вкусом. Вся беда европейских пиццерий в том, говорил Виллен, разминая тесто, что они лезут из кожи вон, пытаясь копировать итальянцев. И мы – не исключение. Хотя стоило бы пораскинуть мозгами. Сколько видов сыров в Италии? Около сорока. А сколько их у нас? Более трехсот. Повод задуматься. Но все по-прежнему продолжают присягать моцарелле.

Виллен предпочитал сыр «Эмменталь», в его французской, а не швейцарской разновидности. Он брал копченый спинной бекон, нарезанный тонкими ломтиками, и перед выпеканием в течение семидесяти минут мариновал его в бургундском пинонуар с листьями мяты. Строго контролировал температуру в печи. Оставлял «тротуары» шириной в английский дюйм. Соль и перец – по вкусу. Достав противень из печи, щедро посыпал его перетертой в ручной мельнице смесью из розмарина, фенхеля и базилика. Украшал зеленью. Горячая выпечка «открывала» запах трав. И никаких томатов. Во-об-ще.

Когда Ламар впервые ел пиццу, приготовленную Вилленом, признался он комиссару, у него дрожали пальцы, а рот переполняла слюна. После учебы у лучших мастеров Неаполя! После двадцати лет ежедневного труда! Виллен продиктовал ему рецепт, поделился специями. Я почти ничего не придумал, сказал он напоследок. Просто нашел описание в одной старой французской хронике.

После того, как Раймонд Тулузский с воинами – единственный, кто не принял участия в разграблении Иерусалима и тотальной резне – отпустил гарнизон арабов, охранявших башню Давида, они через много лет снова встретились, в Сирии. У крестоносцев было вяленое мясо, сыр и бочки с бургундским – лучшим вином Франции. Арабы научили их выпекать восточный хлеб – питу – и поделились секретами специй. И те, и другие были превосходными травниками. О томатах тогда никто даже не слыхал. В Европе они появились только в шестнадцатом веке, на Ближнем Востоке – три века спустя. Шафран придает тесту золотистый оттенок, поэтому хронист назвал получившееся блюдо «Золотой или Солнечной Питой». Это была пицца примирения, благодарности и воспоминаний о былом.

Если стряпать одно и то же блюдо десятилетиями, постоянно подыскивая идеальные ингредиенты, совершенствуя приемы готовки, сказал Виллен, даже бездарный любитель вроде меня сможет утереть нос любому профессионалу. А уж тем более прирожденный шеф. У вас все получится, Ламар. Я в вас верю.

В те месяцы он редко выбирался в город, поскольку все свое время посвящал книге, написать которую пообещал покойной жене. Когда они снова увиделись и он узнал о победе, Виллен обнял Ламара по-отечески. Он не удивился, однако был искренне рад.

– А как вы узнали о его смерти? – спросил Рамо.

Однажды Виллен пришел сюда и попросил присылать ему пиццу каждую пятницу, в семь вечера. Если угодно, он был готов заплатить за несколько месяцев наперед. Но Ламар отказался брать деньги. Единственная просьба Виллена – звонить перед доставкой. И если он не ответит....В этом и состояла сделка со стороны Сарду.

– Он дал мне сто франков, попросив купить три килограмма креветок петит и бутылку оливкового масла. Оставил визитку похоронного дома в Безье и доверенность на мое имя, разрешающую забрать останки. Если он не поднимет трубку, я должен был сообщить в полицию и проинформировать агентство. Он сказал, там обо всем позаботятся.

– И вы развеяли прах?

– Я сделал все, как он просил. Останки запрещено пересылать в почтовых отправлениях. Поэтому я забрал его пепел, засыпал креветками, залил маслом. Тщательно взболтал. Потом поехал на пристань, попросил парнишку Идо, хозяина моторки, отвезти меня на Птичий остров. И там опустошил посуду, разбросав все как можно дальше.

Комиссар помешал теплый кофе, убедившись, что сахар полностью растворился. Затем вытащил ложку и опустил ее в блюдце.

– Он объяснил, зачем?

Сарду помедлил, ощупывая пальцами узор на салфетнице:

– Он сказал: «Я не хочу воскресать, Ламар. Если сказка о Втором Пришествии вдруг окажется правдой...Креветки в соусе из профессора Сорбонны! Черт возьми! Что может быть вкуснее?! На Птичий слетаются пернатые со всего мира. Там пересекаются их пути. Надеюсь, они высрут меня вразброс так распыленно, что все небесное воинство не сможет отыскать ни одной частицы…»

Вы когда-нибудь видели растерянные глаза ангелов?..

Божественно...

Первый

Однажды случилось так, что Уважаемый Камиль с пультом в руках скучал в своем домашнем кинозале, одном из двух, расположенных в его резиденции. Он попал на документальный канал, где демонстрировали фильм, посвященный первому и единственному индийскому космонавту Ракешу Шарме. Трудно сказать, интересовался ли Уважаемый Камиль космической эпопеей человечества до того, поскольку порой он обнаруживал глубокие познания в самых неожиданных областях, чем давно уже снискал страх и уважение в глазах своих врагов и приближенных. Но в тот вечер, сидя перед экраном двадцать на десять метров, он вдруг пришел к мысли, что полковник Шарма удивительно похож на его покойного дядю Золтана.

Уважаемый Камиль велел одному из своих людей найти копию этого фильма. И, пересматривая его несколько раз подряд, с покадровой остановкой в тех местах, где Шарму показывали крупным планом, все больше убеждался, что разрезом глаз, линией подбородка и орлиным взглядом он – точная копия его дяди по материнской линии. Тогда барон позвал к себе самого мудрого из старейшин их рода и, показав тому, уже полуслепому, изображение индийского космонавта, спросил его мнение. Не считает ли он, что в жилах этого достойного мужчины течет цыганская кровь? Старик долго кряхтел, щурился. Бормотал невнятицу между периодами рассуждений, избегая четкого ответа «да» или «нет». Наконец, мужественно признал, что видел эту торговку в пятьдесят седьмом году в Дербенте, однако, чей у нее ребенок, и кто украл жеребца с треснувшей задней подковой, он так и не знает.

Мудреца напоили чаем и увели под руки. Сам барон понял, что интересующий его вопрос не лишен философии. По большому счету, все ромы так или иначе вышли из Индии, а значит, как ни крути, у них с индийцами, что называется, генетическое родство.

Барон, как человек последовательный, на всякий случай поручил Яромиру, самому смышлёному и образованному из своих подручных, внимательно изучить биографию Ракеша Шармы на предмет цыганских корней. Через неделю Яр вернулся с докладом. Он начал с перечисления тех источников, с которыми ему пришлось ознакомиться, включая тексты на хинди и бенгальском. Здесь Уважаемый Камиль остановил его жестом. И попросил перейти к сути.

– Я поднял его родословную до седьмого колена, – сказал Яр. – Нигде, ни в одной метрике или учетной книге не сказано, что кто-либо из его родни когда-то принадлежал или относил себя к цыганам.

Уважаемый Камиль задумался. Однако Яр не был бы собой, если бы заранее не предвидел хода мыслей своего господина. Поэтому он, конечно же, самым подробнейшим образом изучил все космические анналы. Персонажей, которые могли бы представлять интерес, на самом деле оказалось не так уж много. Если брать в хронологическом порядке, то ни болгарин Георгий Иванов, полетевший в космос в 1979-м, ни румын Думитру Принариу, поднявшийся в 1981-м, ни болгарин Александр Александров (1988), ни испанец Педро Дуке (1998), ни словак Иван Белла (1999), ни бразилец Маркус Понтис (2006), – не имели цыганских предков. По крайней мере, в текущем и предыдущем столетиях.

Он как раз собирался признаться в этом своему патрону, но их прервали. Чаво сообщил, что приехал Штефан со своими людьми. И на этот раз они привезли с собой Цадика. Барон изъявил желание видеть их немедленно. Через несколько минут к нему привели молодого человека лет тридцати, босого и нагого, замотанного в серую простыню. Прежде чем тот успел открыть рот, Штефан извинился за его вид, поскольку ребята буквально сняли его с какой-то шлюхи в портовом борделе. Барон с любопытством разглядывал статую. Широкоплечий, длиннорукий, сложен, как греческий бог. Густые, сальные патлы, закрывающие лицо. Дерзкий, издевающийся взгляд исподлобья. Почти Бред Питт в «Большом куше». Только смуглый. Черные, как смоль, волосы. И без идиотского кожаного котелка.

– Ну, здравствуй… Лала…

Сторонним людям было бы нелегко узнать в этом «натурщике» троюродного племянника барона, исчезнувшего почти десять лет назад. Когда-то, в день его совершеннолетия, барон, специально приехавший в Белград, подарил ему роскошное коллекционное ружье с золотой отделкой и инкрустацией драгоценными камнями. Лала продал ствол на следующий же день и просадил все деньги в казино. Он явился к дяде через месяц с просьбой одолжить ему пятьдесят тысяч немецких марок на собственный бизнес. Лала сказал, что планирует открыть ресторан. Барон дал ему деньги, но тут на Балканах началась война. Смерть, бомбежки, неразбериха. Лала снова пришел к нему, умоляя одолжить сто пятьдесят тысяч долларов на переезд в Испанию, где у него был близкий друг, готовый приютить и поделиться своим проектом в области высоких технологий. Как тут не помочь родственнику, спасающему свою жизнь?

Никакого партнера, конечно, не было. Лала уехал в Испанию, тем более, что барон подсказал нужных людей, по сути выстелив ему гладкую дорогу своим влиянием. И поступил с этими нешуточными деньгами так же, как и с предыдущими. Спустил все за карточным столом. После этого за что он только ни брался. Сбывал ворованные автомобили и компьютеры. Промышлял сутенерством. Подряжался возить наркотики, встревая в войну между кланами дилеров и чуть не поплатившись за это жизнью. Он кочевал из одной страны в другую. Продавал фальшивые евро. Торговал оружием и поддельными паспортами. Устраивал подпольные бои. Не раз возглавлял банды головорезов, досаждавших дальнобойщикам от Гданьска до Порто. Словом, занимался делами, достойными мужчины, любящего риск. Плохо было не это, а то, что все свои заработки, как правило, нелегкие и опасные, Лала просаживал за игрой. Итальянские полицейские прозвали его Цадик после того, как он организовал аферу, сколотив вокруг себя псевдообщину хасидов, якобы пытавшихся возродить веру праотцов и собиравших пожертвования на строительство синагоги. Лала был у них духовным вождем, учителем.

Уважаемый Камиль недоумевал, как этот доморощенный Казанова, проглотивший язык, мог обмануть столько евреев. Он попросил, чтобы к нему прислали Шихмана с его гроссбухом. Явился старик, больше похожий на портного, чем на бухгалтера. Как всегда без эмоций, он посчитал, что с учетом выделенных Лале сумм и процентов по среднегодовой ставке европейского банка – без штрафных санкций

– долг Лалы составляет двести семьдесят три тысячи евро. Лала, молчавший все это время, невозмутимо произнес, что готов вернуть эти деньги в течение недели. Дескать, у него свои должники, и если достопочтенный барон позволит ему срочно вернуться в Голландию, чтобы истребовать положенные ему деньги, то он выплатит все до последнего евроцента.

– Цыган, который садится играть и проигрывает, – это не цыган. Черт никогда не станет играть с цыганом, понимая свои шансы. Еще позорнее – проиграть и отдать деньги. И уж совсем никуда не годится просаживать целое состояние раз за разом. Если ты видишь, что карты – не твое, какого ты играешь? На что надеешься?..

Лала молчал.

– Когда-то у меня был первый гидроцикл в этой стране. Я собрал всех своих братьев и сестер, и мы отправились отдыхать на Балатон. Мой гидроцикл доставили туда же. Я очень хотел прокатиться на нем по водной глади. Но каждый раз, когда я садился на него, он уходил под воду. Я оказался слишком тяжел. Поэтому я подарил его Бранко, твоему отцу. И смотрел, как он был счастлив, рассекая волны. Тебя еще не было в помине, а я уже весил слишком много. Если ты понимаешь, о чем я.

Барон отпустил бухгалтера.

– Дело не в деньгах. Что деньги? Пыль. Знаешь, что самое обидное? Ты десять лет катался по Европе. Где тебя только не было. Только и слышишь: Лала в Париже, Лала в Праге, Лала в Ницце, Лала в Лондоне. Но у тебя так и не нашлось минуты, чтобы проведать старика. Да что там проведать – хотя бы позвонить. Набрать номер на своем гребаном мобильном и спросить: как ты, дядя? Жив еще, старый пердун? Или уже сдох? Клянусь, если бы ты просто позвонил, если бы ты просто заехал ко мне как-нибудь с бутылкой виски и коробкой вонючего голландского печенья, – я бы обнял тебя, как сына, и никогда не заикнулся бы о деньгах. Ведь мы с тобой родственники, Лала. Хочешь ты того или нет.

Лала, подобрав край простыни, высморкался.

– Рад, что ты готов вернуть долг, – сказал барон. – Правда, прокатиться придется немного дальше. Я даже оплачу тебе дорогу в оба конца и все сопутствующие расходы.

Затем барон обратился к Штефану:

– Купи ему одежду. И отвезите к Георгу, в госпиталь Святого Фомы. Я позвоню, вас встретят. Проследишь, чтобы он сдал все анализы, все обследования, которые ему назначат. Он должен проверить все полностью. И смотрите, чтобы не сбежал.

Лала, мгновенно побледнев, взглянул на барона с издевательской усмешкой:

– На органы разберете, дядя?

Озадаченный барон перевел взгляд с Лалы на Яра, потом на Чаво и снова на Штефана:

– У психиатра – два раза.

Когда Лалу вывели, Уважаемый Камиль вернулся к Яру с новым поручением. Если с Лалой все в порядке, в смысле здоровья, в чем барон нисколько не сомневался, нужно будет устроить этому засранцу… полет в космос. Туда и обратно. Пару витков вокруг Земли. Важен сам факт: Лала из рода Джинджич – первый цыганский космонавт. Вчера вечером барон лазил в интернете и выяснил, что этим «космическим туристам» – американцу Безосу и британцу Бренсону – их вояжи обошлись примерно в тридцать миллионов долларов с носа. Уважаемый Камиль готов заплатить пятьдесят. Вопрос – как это сделать.

Отправкой туристов на орбиту занимаются особые ведомства и корпорации. Большинство из них – американские, но с русскими летать дешевле. Заявиться к ним просто так с грузовиком денег не выйдет. Любое серьезное сотрудничество начнется с подписания договора. Они укажут банковский счет, на который нужно перечислить средства. А перевод – это неизбежный засвет перед ФАТФ и необходимость доказы-

вать легальность полученных доходов. Даже если речь о смешных десяти тысячах евро. Нельзя привезти в НАСА чемоданы налички и сказать: «Отвезите меня в космос». Они с удовольствием взяли бы, но боятся закона и пекутся о своей репутации. Поэтому правильнее всего создать большой благотворительный фонд для сбора пожертвований. Такую общецыганскую кассу. Пускай все цыгане, все хозяева легальных бизнесов – кузниц, ресторанов, пекарен, заправочных станций, гостиниц – помогут отправить в космос первого и единственного цыганского космонавта. И любой цыган или цыганка смогут в любом отделении банка в любой стране перевести свои кровные десять-пятнадцать евро, долларов или фунтов на это благое для всего цыганского народа дело.

– А дальше, – сказал барон, – будет вот что. Те цыгане, у которых есть шиномонтажки, пошивочные цеха или маслобойни, не дадут ни копейки, потому что не принято у цыган собирать деньги подобным способом. Они всегда подозревают подвох даже там, где его нет. Но найдутся мечтатели и романтики с широкой душой, грязные и нищие. Именно они станут присылать свои засаленные бумажки. И при таких раскладах понадобится триста лет, чтобы собрать на полет. Так что единственное, чего мы сможем добиться, открыв фонд, – это раструбить о нашем цыганском космонавте по всему миру и привлечь внимание людей на всех континентах. А это уже немало.

Фонд будет постепенно наполняться и рекламировать сам себя. Затем появится очень влиятельный и очень богатый меценат, который с барского плеча внесет всю недостающую сумму. И даже больше. Самое главное: этот человек абсолютно чист перед законом. Все его капиталы будут иметь «белое» происхождение. И ни одна свинья, ни один фискал в мире не смогут придраться ни к одному доллару, вложенному в проект.

Меньше, чем через неделю, уважаемый барон уже сидел на веранде загородного дома под Нью-Йорком, в гостях у своего друга детства, международного финансиста Горана Фекетеша. После сытного ужина они попивали столетний коньяк и дымили лучшими кубинскими сигарами из коллекции самого Фиделя Кастро. Фекетеш не раз помогал цыганам. Благодаря ему несколько лет назад появилась первая цыганская автономия в Габровском крае. Тогда он стал главным меценатом и распорядителем-подрядчиком большинства крупных инфраструктурных проектов. Как бизнесмен и авантюрист Фекетеш одобрил идею. И согласился помочь бесплатно, понимая, что дело будет иметь общественный резонанс и популяризировать его положительный имидж.

– Ты не сможешь провезти деньги в Штаты. Только через Мексику. Да и это опасно.

– Доставят в твой офис в Буде.

– Десять чемоданов евро? Вот так вот просто? Отдашь и уедешь?

Фекетеш смотрел на Уважаемого Камиля с робкой и одновременно хитрой улыбкой, в которой читалось: «Никогда не соблазняй старого вора, даже если он поклялся всем святым, что навек завязал». А барон улыбался еще шире, понимая, куда гнет его добрый друг. Потому что сердце барона было гораздо больше, и к его великодушному смеху, говорившему «куда ты денешься?», примешивалась горечь правды, над которой плакал когда-то Сандро Македонский, осознав конечность земного шара и ограниченность своей мечты.

Фекетеш предлагал иметь дело с русскими. Там проще договориться и больше опыта. Но барон настоял на том, чтобы проект был американским. Раз у янки хватило ума бомбить сербов, пусть наберутся мужества отправить хотя бы одного сербского цыгана в небо – живым. Тем более, за чужой счет. В результате сошлись посредине. Экипаж будет полностью американским. Компания-организатор тоже. Но ракету предоставят русские, и запуск будет осуществлен с российского космодрома.

Некоторое время барон раздумывал, не стоит ли ему купить собственный космический аппарат, однако пришел к выводу, что приобретать золотой автомобиль ради одной поездки – глупо и непрактично.

Подготовка традиционно проходила в космическом городке и заняла больше года. Лала был единственным звездным курсантом в истории, возле которого днем и ночью находились телохранители. Только когда его доставили на стартовую площадку и закрыли за ним люк, эти суровые парни облегченно вздохнули и позволили себе слегка расслабиться, не спуская глаз с ракеты, пока она не исчезла в верхних слоях атмосферы, и они, осмотрев после развеявшегося дыма оплавленные, все еще горячие, стойки в бетоне, убедились: Лалы среди них нет.

Уважаемый Камиль посчитал, что суток, проведенных на орбите, достаточно. Он также настоял на том, чтобы Лала в одиночку выбрался в космос. Хотя обошлось это на четыре миллиона дороже.

Трансляцию вели двенадцать телевизионных компаний в Америке и Европе. Миллионы людей по всему миру, большей частью цыгане, следили за своими экранами и мониторами. Все шло по плану. До той самой секунды, пока Лала не отцепил страховочный трос, которым его скафандр был пристегнут к корпусу космического корабля, и, оттолкнувшись ногами, стал удаляться в открытый космос, с двух рук показывая камерам средние пальцы своих космических перчаток. Его динамики разрывались от воплей на трех языках – из центра полета и оставшегося внутри модуля экипажа. Остановить его никто не мог. Он не произнес ни звука. Просто улыбался, направляясь в черные дебри Вселенной.

– Сукин сын, – с ответной улыбкой прошептал Уважаемый Камиль, ни на секунды не отрывая взгляда от своего гигантского экрана. Похоже, он один понял, кому предназначался жест. Дурачок! Мог бы вернуться и стать героем. Человеком, которого показывали бы по телевизору, возили по разным странам, бесконечно устраивая пресс-конференции. Сделали бы депутатом или Послом Доброй Воли. С его молодостью и харизмой, он мог бы купаться в роскоши и круглосуточно осеменять красоток, рекламируя «Жилет» или «Олд Спайз». Сниматься в кино. Стать фирменным лицом какого-нибудь брутально-мужского бельгийского пива.

Но он выбрал свободу – самую безумную, безграничную и бесповоротную. От всего и от всех. Только земля носит цыгана. Только ветер ему попутчик. А там, где нет ни земли, ни ветра, ни воздуха, ни света – что может стать преградой для цыганской души?

Лала перехитрил его. Выскользнул из земной юдоли сразу в легенды. Все космонавты, побывавшие наверху, либо вернулись, либо погибли при неудачном запуске или роковой посадке. А Лала Джинджич ушел в открытый космос на глазах у всей планеты, и как был – молодым, статным, строптивым – превратился в сына Вселенной, покорителя ее широт, высот и глубин. Отныне все цыгане мира знали, что там наверху, над ними, парит невидимый с Земли Лала, днем и ночью приглядывающий за цыганским счастьем. Его портреты, фото и самодельные картинки появятся в цыганских домах и машинах. К нему станут обращаться в молитвах и просьбах. Его гневом будут пугать своих непослушных детей. И верить, что однажды он вернется на Землю, рассудит всех и всем воздаст по заслугам. Потому что ни у одного народа, кроме разве что евреев, не было живого заступника, вот так вот, у всех на глазах, вознесшегося на небеса и даже выше. А у цыган есть.

С рождения глаза Уважаемого Камиля смотрели в разные стороны. Поэтому никто не мог бы одновременно заглянуть в оба из них. В медицине это называлось амблиопия, а по-простому – «ленивый глаз». Но если бы нашелся такой человек и рассказал барону о смерти Лалы, у которого закончился кислород или загорелся костюм, барон бы ответил:

– Кто умер? Лала умер?

И от чистого сердца он рассмеялся бы этому несмышленышу в лицо, так ничего и не понявшему в цыганской жизни. Солнце будет всходить. И луна заливать землю ночным светом. И оба будут отражаться в золотых коронках на зубах его любимых собак, охраняющих поместье. Мало ли какие еще фокусы, помимо выброшенного Лалой, известны барону. Тому самому барону, чей далекий прапрадед за тридевять земель и морей показывал когда-то на ярмарке сухой лед отцу с сыном. И в восхищенных глазах мальчика сумел увидеть себя в его взрослых воспоминаниях у кирпичной стены много лет спустя, за минуту до расстрела.

Дава

Веденский пришел поздним вечером. Долго возился с ключами в парадном. Запустил полосу бледного света в прихожую и некоторое время стоял в полной темноте, отогреваясь. Прислушивался к звукам из глубины дома. Затем, не снимая перчаток, нащупал включатель справа от дверей. Повернул его. Коридор озарился трехпалой люстрой под потолком. Веденский поморщился, несмотря на то, что по-прежнему оставался в шляпе. Пристроил на трюмо старый, темно-коричневый портфель с бумагами. Снял пальто, повесил его на крючок пристенной вешалки. Опустился в кресло, чтобы освободиться от калош. Устало выдохнул. Ступни выполняли странные па, пытаясь подцепить и сбросить холодную резину, пока он задумчиво смотрел перед собой, не двигаясь и не моргая.

В дверном проеме плавно возникло белое пятно.

– Не спишь?

Юлия в ночной рубахе до пят и накинутом поверх байковом халате мужа стояла, привалившись к косяку, молчаливо и тревожно наблюдая.

Веденский, разделавшись наконец с обувью, снял шляпу, положил ее на трюмо. Закинул голову назад и сидел с закрытыми глазами. Потом тихо произнес:

– Полозов арестован.

Юлия сплела руки на груди:

– Его же уволили?

Веденский погладил все еще холодную тулью и скривил губы в горькой усмешке:

– Насладились экзекуцией. Вышвырнули. А ночью приехали с обыском. И забрали.

Он впервые взглянул на нее, чтобы показать – ему не страшно. До такой степени он устал все время бояться.

– Ты ложись, душа моя. Я не голоден. Чаю выпью за корректурой. И на боковую.

В третьей книге «Науки любви» Овидий давал советы мудрым женщинам о том, как привлечь внимание и сердца мужчин. Веденский пробежал несколько фрагментов, подстраиваясь под ритм. Нашел место, на котором остановился в прошлый раз. Стал вычитывать собственный перевод, сверяясь с латинским оригиналом. Он почувствовал, как теряет нить. Списал на усталость и поздний час. Бледный Полозов все время стоял у него перед глазами. То, что случилось, напоминало эпическую драму. Как в пушкинском «Каменном госте» командор схватил в последнем рукопожатии своего обидчика, так и беднягу Полозова утащил за собой в подземелье генералиссимус Суворов.

Вчера на собрании Петр Зайцев, заведующий секцией переводчиков при московском объединении писателей, устроил показательную порку его давнему товарищу. Итог трехлетней кропотливой работы, блестящий перевод байроновского «Дон Жуана», вместо похвалы и признания принес выдающемуся языковеду Андрею Полозову выговор, увольнение, арест. И все это только за то, что он позволил себе бук-

вально передать текст оригинала. Там, где говорилось о русских войсках и их предводителе Суворове, Байрон не особо подбирал слова, предпочитая язвительную правду воспеванию воинской доблести. Англичанин не имел ничего личного против русских или Суворова. Он просто был пацифистом. И любую войну считал глупой, жестокой, бессмысленной бойней. Байрон не хотел украшать войну, а Полозов решил не искажать Байрона. Злая ирония заключалась в том, что Андрей, прекрасно знавший древнеримские трактаты об ораторском искусстве, многие из которых именно он представил русскому читателю, позволил Зайцеву обвести себя вокруг пальца. Завсекцией подсунул ему первый тезис в качестве приманки, а Полозов щедро извел на него всю обойму доказательств собственной правоты. Он использовал тяжелую артиллерию там, где вполне мог справиться эскадрон кирасиров. Упоминать ЦК нужно было в конце, а не в начале. Веденский понимал логику Андрея. Тот пытался пресечь начавшуюся травлю в зародыше. Но Зайцев как фронтовик прекрасно разбирался в тактике. И не дал ему этого сделать.

На первый же выпад Зайцева Андрей ответил, что у него как переводчика в ходе работы над поэмой возник вопрос: стоит ли транслировать Байрона дословно или правильнее отойти от текста, смягчить его формулировки, добавить ретушь, с тем чтобы лучше приспособить конечный текст к «нашим взглядам». Андрей осмелился послать «обширнейшее» письмо в ЦК, в котором он привел оригиналы всех спорных мест и снабдил их своими переводами. Его интересовало, вправе ли переводчик отходить от оригинала, и не вызовет ли такая ретушь неблагоприятный политический резонанс.

Ответ пришел на официальном бланке. Центральная партийная пресса, говорилось в нем, уже высказывалась о недопустимости каких-либо «обработок» классиков. Перевод должен быть точным. В письме также сообщалось, что предоставленный товарищем Полозовым А.И. перевод «суворовских мест» в поэме Байрона «Дон Жуан» возражений не вызывает.

Зайцев покрутил в руках отданный ему Андреем оригинал письма и продолжил как ни в чем не бывало.

– Вряд ли товарища, – он бросил взгляд на подпись, – Топоркина устраивает, что великий русский полководец назван, я цитирую, «двуликой особью», «шутом», «арлекином». Что он совершенствует калмыков, я цитирую, «в искусстве благородном убийства».

– Но именно так сказано у Байрона.

– Подождите, Полозов. Мы выслушали вас, не перебивая.

Зайцев замолчал, отыскивая пассаж, на котором его прервали:

– Не думаю, что товарищу Топоркину нравится, когда русский генералиссимус, я цитирую, «вновь начал в грудь солдата вдувать желанье битв, венчанных грабежом». Вдумайтесь: битвы ради грабежа. Что Суворов предстает как один из тех вождей, которые, я цитирую, «населяли ад героями и в мир несли с любой победой мрак и отчаянье». Что он, цитата, «погибать своим предоставлял войскам, лишь бы они ему победу одержали».

Он сделал паузу, посмотрев из президиума в зал. Как бы брезгливо отложил в сторону лист бумаги и взялся за следующий.

– Какими же в переводе Полозова предстают русские солдаты? Цитирую, «рохли и увальни». Грубые, неотесанные, свирепые солдафоны, привыкшие убивать женщин, детей и стариков. Вы слышите это? «Кутузовские орлы», которые жмутся друг к другу из трусости.

Андрей поднял руку и спросил:

– А как в оригинале?

Зайцев резко хлопнул ладонью по столу и побагровел:

– Нам нет дела до оригинала!

На его скулах заходили желваки. Он ощупал пуговицу в петлице косоворотки:

– Я мог бы рассказать вам, Полозов, на что способны простые русские солдаты. Но не считаю нужным делать это. Вы и вам подобные все равно не поймете.

Он подождал. Успокоился и произнес в прежнем, дидактическом тоне:

– Переводчик имеет право на творчество. Но разве советская школа перевода учит оскорблять советского читателя, сохраняя искаженный образ великого полководца? Разве к такому издевательскому искажению и фальсификации подлинника призывает она? Уверен, Центральному Комитету и, в частности, уважаемому товарищу Топоркину хватает дел и без поэмы Байрона. Но мы, товарищи, просто не вправе перекладывать нашу с вами ответственность за выпускаемые книги... Вы признаете свою вину, Полозов?

Во время этого пассажа Андрей стоял потупившись, и когда его спросили, ответил:

– Я снова, в который раз, обращаю внимание присутствующих на то, что все упомянутые здесь цитаты, все насмешки над русской армией и места, оскорбляющие Суворова, всецело присущи оригиналу.

– То есть вы сознаетесь в злом умысле? Вы только что признали, Полозов, что пытались подсунуть советскому читателю, образно говоря, чашу, зная, что в ней - яд.

Андрей не ответил. И только потом, помявшись, сказал:

– Я хочу сделать заявление.

– Говорите, – холодно бросил Зайцев.

Судя по всему, сказал Андрей, он закончил свою переводческую деятельность и больше ни за какие переводы браться не будет. За все годы сотрудничества он ни разу не встретил живого интереса к тому, чем он занимался, со стороны руководства. Никто даже не заговорил с ним, просто, по-дружески. При сложившемся положении его дальнейшее присутствие в секции переводов лишено всякого смысла. Он просит секретариат рассмотреть его заявление об уходе.

Самодовольная, злобная, торжествующая улыбка расцвела на лице Зайцева.

– Нет, Полозов! – произнес он, смакуя каждое свое слово. – Нет! И еще раз нет! Дорога ложка к обеду! У вас было немало возможностей признать свой проступок и исправиться. Но вы продолжали настаивать на своем. Поздно! Мы не дадим вам сбежать с высоко поднятой головой! Мы сами вышвырнем вас прочь, как изменника и предателя, порочащего высокое звание советского переводчика!

Они спешно проголосовали. Из всех присутствующих на заседании только Веденский, его жена Юлия Никитина и старик Добровольский высказались против исключения Полозова. Но никто из них и представить не мог, что за этим последует арест. Зайцев превзошел собственную гнусность. Он упивался ею. Андрей готов был уйти сам, однако Зайцеву захотелось не просто отобрать у него кусок хлеба, а попутно лишить возможности вообще зарабатывать своим ремеслом. Исключение означало волчий билет. Ни в одну из московских или питерских контор, где за переводы более-менее сносно платили, его больше не возьмут. Страшно подумать, но, быть может, арест после этого выглядел как лучший выход. Милосердие палача, избавляющего жертву от долгих мучений.

Он представил квартиру Андрея на Моховой. Перевернутую вверх дном в часы погрома библиотеку, письменный стол, комоды и шкафы. Квартиру, в которой бывали Зощенко, Замятин, Мандельштам. Ему вспомнилось четверостишие, написанное Андреем после известия о смерти Иосифа, его близкого друга:

Жреца убили плюшевые волки.
Пожизненно высокий и седой
В своей краеугольной треуголке
Заколот безымянною звездой.

После собрания он засиделся допоздна в их с женой крошечном кабинете под крышей, занимаясь бесполезной сортировкой бумаг и пытаясь отогнать назойливую мысль, фатальное предчувствие, что, отведав крови Полозова, завсекцией вскоре проголодается вновь и, опьяненный удачной расправой, выберет новую жертву. Веденского не покидала уверенность, что следующими будут они с Юлией.

Жизнь давно научила его: бывают настоящие красные, а бывают перекрашенные. Вторые – худшие. Пролетарии, дети рабочих и крестьян, недалекие, необразованные люди искренне приняли всей душой новый режим, пообещавший им свободу, землю и рабоче-крестьянскую власть. А вторым пришлось выживать и приспосабливаться. Перекрашенные делились на два основных типа. Одни, несмотря ни на что, оставались людьми и в сложных жизненных обстоятельствах протягивали руку помощи своим собратьям по несчастью. Другие, наоборот показательно отрекались от своего прошлого и рьяно присягали новой власти, как правило, на крови.

К последним и принадлежал Зайцев, сперва отчисленный большевиками из университета по сословному признаку. Его старший брат был кадровым офицером Белой армии, и, чтобы доказать свою лояльность новой власти, Зайцев со студенческой скамьи добровольцем ушел на фронт. Попал в артиллерию, из простого рядового дослужился до командира полка. Был комиссован по ранению, что дало ему возможность окончить прерванный университетский курс. Получивший прекрасное домашнее образование, он, помимо латыни и греческого, знал французский и английский, немного хуже немецкий. Имел склонность к публицистике и, раскусив слабость большевиков к ярким метафорам, уже как вооруженный пролетарским пером ветеран войны сделал карьеру при Гублите.

Людям «старого уклада» Петр Зайцев был опасен уже тем, что знал их ценности изнутри. Он сам являл плоть от плоти того времени, и никакая буденовка не смогла окончательно выпрямить его гимназические кудри. Иногда он поражал проникновенным эпитетом, фразой, которая могла сорваться с его губ только в кругу «своих», неожиданным участием. В такие минуты Веденский ждал, когда сквозь партитуру «Марсельезы» и походных маршей пробьется, как робкий луч сквозь серость облаков, слабая, едва различимая тема баховского альта из «Страстей по Матфею». Но увы, всякий раз внутренний грызун побеждал внутреннего апостола. И, отряхнувшись, прыгал прочь, в партийные кущи, за новой морковкой.

Однажды, до ареста Полозова, Веденский глупо подставился. Следование нормам профессионализма привело к тому, что завсекцией заимел на него зуб. Зайцев симпатизировал молодым переводчицам, барышням бунинского типа, с высокой шеей, роскошными бедрами и в меру большой грудью. Одна из таких разродилась достойным переводом последнего романа Диккенса «Наш общий друг», который Веденский, в принципе, одобрил, но снабдил пятистраничным комментарием неточностей и ошибок.

Очевидное незнание девушкой английского быта той эпохи привело к тому, что господа в переводе обращались к прислуге на «ты», английские лорды отпускали словечки вроде «ужо», «тятенька», «куфарка», «надысь». Британские фразеологизмы передавались с помощью русских пословиц, притом что сам Веденский был убежденным сторонником прямого, точного перевода. И если у Гейне, к примеру, следовала фраза «однажды ошпаренная кошка всю жизнь боится холодного котла», то только так ее и следовало переводить на русский.

– В подлиннике говорится, – объяснял Веденский своей молодой коллеге. – «Их мебель была новая, все их друзья были новые, вся их прислуга была новая, их серебро было новое, их карета была новая, их сбруя была новая, их лошади были новые, их картины были новые, они сами были новые». Вы же перевели эту фразу так: «Вся их мебель, все их друзья, вся их прислуга, их серебро, их карета и сами они были с иголочки новыми».

– Я забыла упомянуть картины и сбрую с лошадьми.

– Дело не в лошадях, дражайшая моя Лидия. Неужели вы и вправду допускаете, что такой блестящий стилист, как Диккенс, девятикратно повторил одно и то же слово просто так, из лени?

Переводчица мило захлопала ресницами.

– Автору было угодно, – продолжил Веденский, – повторить одно и то же прилагательное при каждом из девяти существительных. Вы же пренебрегли этим настойчивым повторением. И тем самым обеднили, обкарнали всю фразу. Отняли у нее ритм.

В итоге переводчица нажаловалась, обвинив своего куратора в предвзятости.

Зайцев ни в чем открыто не упрекнул Веденского, не стал спорить с ним. Потому что умел правильно оценить ситуацию и, если нужно, очень долго ждать.

В профессиональных кругах Давид Веденский считался лучшим из всех советских переводчиков Диккенса. Так, как Веденский, Диккенса не знал никто. Зайцев же считал его знания избыточными, а переводы, получавшиеся у Веденского и позже ассистировавшей ему супруги Юлии Никитиной, чересчур буквальными, наполненными грудой никому не нужных подробностей. Вынужденный рецензировать работы «английской парочки» в качестве выпускающего редактора Зайцев не раз ставил это на вид.

– Вы с таким умилением пишете об Англии, – говорил он Веденскому с глазу на глаз. – Так подобострастно собираете бытовые подробности. Зачем вам это, Давид Александрович? Не боитесь? Времена нынче не простые, сами знаете. Зачем рисковать? Ради чего?

– Помилуйте, Петр Григорьевич. Разве же я пишу? Пишет автор. И моя задача – донести то, что он пишет, до читателя во всей строгости и полноте.

– Но советскому читателю решительно ни к чему все эти детали буржуазного быта. Почему вы не хотите взглянуть на мир его глазами?

– А что, у советского читателя какой-то особый взгляд?

– Да. И единственно правильный. Мы с вами, как переводчики, должны, глядя сквозь слова подлинника, видеть изображенную в нем действительность, понимаете? Однако воссоздавать из нее не все подряд, а только то, что нам, советским переводчикам, близко и дорого. То, что не унижает в читателе высокое достоинство советского гражданина.

Первая статья Зайцева против Веденского появилась в «Литературном критике» менее, чем через полгода после ареста Полозова и носила характер открытой товарищеской дискуссии с еще робкими, пробными выпадами по существу. Он больше советовался, чем критиковал. Разбирая перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба» Веденского и Никитиной, Зайцев высказался против неестественного для русского языка синтаксиса, педантичного сохранения фонетики английских имен, чужеязычия странных речевых оборотов вроде «джентельменистые господа», «делов на один боб» и т.п. Нужно ли с такой дотошностью сохранять в переводе каждую деталь из жизни чуждых нашему читателю социальных слоев? Уместна ли такая рабская детализация?

«Побывав в стране Диккенса для того, чтобы лучше понять его, товарищи Веденский и Никитина после нескольких месяцев кропотливого труда выдали перевод, оценить всю важность, точность и энциклопедичность которого может лишь узкая группа читателей, уже знакомых как с английским бытом, так и с оригиналом «Записок». Хотя таким читателям, согласитесь, русский перевод едва ли нужен».

Веденский опубликовал ответную статью в «Литературной газете». В легкой, ироничной манере он написал, что целиком и полностью разделяет взгляды товарища Зайцева. Не дело переводчика – заботиться о бережном отношении к оригиналу, о точной передаче всех его деталей. Не его забота – тщательное изучение

исторической эпохи, ее норм и правил поведения, бытовой повседневности. Вместо этого каждый переводчик должен стремиться, как правильно указал товарищ Зайцев, «поставить себя на место автора и увидеть то, что видел он, создавая свое произведение». И переводить так, как если бы Диккенс «сам писал на русском языке, с присущим ему мастерством». Дело за малым. Переводчику надо лишь стать Мольером, Диккенсом или Гюго. Только и всего.

Говорят, прочитав эту отповедь, завсекцией пришел в бешенство.

Свою вторую статью он готовил гораздо дольше и куда тщательнее. Зайцев повторил старую песню о засилии чуждого синтаксиса и неудобоваримых личных именах, несмешном английском юморе и засорении языка многочисленными иностранными заимствованиями.

Но начал не с этого. Он предложил сравнить то, как относятся к Диккенсу в СССР и на родине писателя – в Англии. Советские читатели буквально боготворили классика за его несгибаемую позицию защитника угнетенных слоев, правдивое перо реалиста, борца с социальной несправедливостью. В то время, как британские газетчики называли Диккенса парламентским репортеришкой, замалчивали или фальсифицировали его творческие достижения. Тем самым выполняя заказ заправил английской буржуазии, стремившихся оболванить рядовых английских тружеников.

Отсюда Зайцев делал вывод, насколько важно не допустить никаких измышлений в переводе произведений бессмертного классика на русский язык, донести его творчество в подлинном содержании. Ведь искажая смысл некачественным переводом, переводчик фактически обманывает советского читателя и тем самым играет на руку международному империализму.

Так, благодаря Зайцеву качество перевода из сугубо профессиональной проблемы превратилось в проблему политическую. Получалось, что Веденский и Никитина своими «недобросовестными переводами» играют на руку «английской империалистической буржуазии». А быть может, после творческой командировки в Лондон «действуют по ее прямому заказу».

Давиду Веденскому и его супруге несказанно повезло, что после выхода второй статьи Ежова уже сменил Берия, и повальные ночные аресты московской интеллигенции прекратились. Им обоим предложили тихо уйти из писательского объединения, без поражения в гражданских правах. И по сути обрекли на голодную смерть. Куда бы в последующие месяцы ни обращались «враги советской школы перевода», повсюду их ожидало одно и то же.

Первое время им помогали родственники, друзья, ученики и просто неравнодушные. Веденский подрабатывал литературным рабом, делая переводы за четверть их настоящей цены. Когда и эта работа закончилась, они стали распродавать книги и домашнюю утварь на блошиных рынках. Постепенно погружаясь в бытовое средневековье, где Дава Веденский звучал так же привычно, как Гуго Сен-Викторский или Беда Достопочтенный.

Когда-то, в эпоху своей литературной молодости, он впервые перевел с немецкого знаменитый роман Густава Майринка «Голем». Теперь же, размышляя о своих бедах, он понял, что глиняный истукан по-прежнему здесь, что он неотрывно преследовал его всю жизнь, на этот раз – в облике «советского читателя». Что так же, как Полозова убил бронзовый старик Суворов, его погубит каменный болван, марионетка с пустой головой, которой большевики скармливают свои псевдомарксистские писания, заставляя повиноваться и уничтожать все здравомыслящее вокруг. Науськанный Зайцевым «советский читатель» уже разрушил его судьбу. И одолеть этого Голиафа с помощью простой пращи он не в силах.

Вернувшись домой после очередных поисков работы, Веденский обнаружил мертвую Юлию в подвенечном платье, лежавшую на застеленной кровати в спальне. Она приняла весь морфий, который ей выписывали врачи, после проигрыша болезни.

В предсмертной записке, оставленной на столе, она просила никого не винить. Писала, что любит его. И не желает быть ему обузой. Единственное, о чем она сожалеет, что не может сейчас еще раз обнять его, прижаться, поцеловать его руки. Они обязательно встретятся. Но в другом – светлом и счастливом – мире. Письмо заканчивалось отрывком из песни Офелии:

To-morrow is Saint Valentine's day,
All in the morning betime,
And I a maid at your window,
To be your Valentine.

С рассвета в Валентинов день
Я проберусь к дверям,
И у окна согласье дам
Быть Валентиной вам.

Уильям Шекспир. Гамлет. Пер.Б.Пастернака

Веденский ушел в ночь и сутки скитался по Москве. На следующий день, ближе к вечеру, его задержали за хулиганство в Сокольниках. На одной из боковых аллей, посреди заваленного снегом мертвого сада, он приметил статую медведя, вставшего на дыбы. Пьяный Веденский, расхристанный и без шляпы, обнимал зверя, взобравшись на пьедестал. Прижимался к нему, плакал и шептал в его холодную каменную морду французские стихи:

Souvent, pour s'amuser, les hommes d'équipage
Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers,
Qui suivent, indolents compagnons de voyage,
Le navire glissant sur les gouffres amers.

A peine les ont-ils déposés sur les planches,
Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,
Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches
Comme des avirons traîner à côté d'eux.

Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule!
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid!
L'un agace son bec avec un brûle-gueule,
L'autre mime, en boitant, l'infirme qui volait!

Le Poète est semblable au prince des nuées
Qui hante la tempête et se rit de l'archer;
Exilé sur le sol au milieu des huées,
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher.

Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц Океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.

Грубо кинут на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,

Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжко влачит за собой.

Лишь недавно прекрасный, взвивавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, нелепым, смешным!
Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

Шарль Бодлер. Альбатрос. Пер. В.Левика

В отделении он признался, что отравил жену. Его задержали до утра, а затем отправили на освидетельствование в городскую психиатрическую больницу. Врачи нашли его нервы окончательно расстроенными и оставили пациента в стационаре, до полного излечения.

Он прожил еще восемь лет.

Трудно определить, было ли состояние, в которое он впал незадолго до смерти, естественным следствием ежедневного приема препаратов, или кто-то вне клиники принял окончательное решение по Веденскому. Так или иначе, ему все-таки удалось то, к чему его так долго призывал Зайцев – увидеть жизнь глазами советского человека. По крайней мере, всякий раз, когда его окликали, он являл миру испуганную гримасу. И те, кому попадалось на глаза опубликованное западными газетами последнее прижизненное фото большевистского вождя Ленина – в инвалидном кресле, с пораженным сифилисом мозгом и взглядом идиота, – безоговорочно соглашались: одно лицо.

Автор выражает искреннюю признательность Андрею Азову, чья монография «Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е годы» и использованные в ней архивные материалы помогли при написании данного рассказа.

Чудиновский пастырь

День не задался. На экскурсии по лавре Тихон плелся в хвосте либо совсем отставал, не поспевая за классом. У него болела нога.Так уж получалось, что экскурсовода он почти не слышал. Каждый раз повторялось одно и то же: группа, опережая его, останавливалась перед очередным памятным местом. Все слушали рассказ, пока Тихон безуспешно хромал позади. И как только догонял, они снова уходили вперед. Семеро одного. Где-то посредине этой иезуитской гонки он пришел к мысли, что лучше бы узнать весь их маршрут и спокойно, с отдыхом, самому добраться к его финальной точке. Мысль замечательно-щадящая. Жаль, он не включил свой мозг перед поездкой. Уже утром почувствовал, что за ночь боль только притупилась, но не исчезла. Ему бы тогда сообразить: автобус автобусом, однако в самом монастыре придется идти и идти. А в его состоянии каждый лишний шаг – мука.

Класс, наконец, присоединился к крестному ходу вокруг церкви. Тихон остался наверху, у лестницы. Присел на край лавки под изучающими взглядами двух старух-трудниц в черных одеждах и таких же платках, гревшихся на солнце. Процессию с хоругвями возглавляло многочисленное священство в праздничных одеждах. Следом чинно шествовали наряженные диаконы, служки и прочий монастырский чин. Вяло и нестройно пели. Тихон встрепенулся, когда из-за угла здания за спиной с грохотом выкатилось эмалированное ведро, за которым метнулся монах в темном балахоне. Тотчас подобрал.

Старухи дружно зашипели.

– Ша, демоны! – огрызнулся на них монах, но, заметив паренька, улыбнулся.

Правый глаз его наглухо закрывало веко. Худощавый, долговязый, с густой, но не длинной русой бородой. Черный балахон, от капюшона до пят расшитый узором и шелковыми буквами, ни одной из которых Тихон не понимал. Все это вместе – орлиный нос, костлявость, полуслепота, странные письмена, чем-то смахивавшие на скандинавские руны, и веселый нрав – делало его похожим на Одина. Еще бы посох или, на худой конец, клюку.

С ведром в руках он окинул единственным глазом праздничную процессию внизу и произнес громко, обращаясь к старухам:

– Нучо, воро́ны? Князь еще не явился. А челядь архиерейская, смотрю, тут как тут?

Постоял немного и, как ни в чем не бывало, продолжил свой путь легкой походкой мимо сидевших. Видимо, к колодцу или колонке. Старухи злобно глядели ему вослед, едва удерживаясь от плевков в святом месте.

– Принесла нелегкая, – тихо процедила одна.

Вторая пошамкала губами:

– С дальнего скита. На побывку.

– А вот я батюшке расскажу!

Старшая обернулась, чтобы взглянуть на нее, как на нерадивую, и с ноткой обиды в старческом фальцете пропела:

– А то он Федьку не знает! Тоже невидаль!

Эта сценка настолько прочно отпечаталась в памяти Тихона, что пару лет спустя, уже став семинаристом, он не раз вспоминал ее, полагая, что именно она легла в основу его духовного пути. А значит, нужно было не проклинать, а всячески благодарить непутевого соседа Гурова, накануне упросившего его, равнодушного к футболу, стать на ворота. Никого другого просто не нашли. В отсутствие альтернативы ему пришлось поддаться на уговоры пяти человек. Играть он не умел, о чем предупредил их заранее. Но им важно было выполнить формальное правило, и уж точно, половине их них даже нравилось, что на воротах противника – неумеха. Прямая выгода. Он все же оказался вполне проворен, чтобы не пропустить ни одного мяча. За что и поплатился ударом в лодыжку от нападающего при штурме ворот. Получается, не пострадал бы – не стал священником.

Если в семинарии выдавалась свободная минута, Тихон старался читать. Иногда, в нарушение устава, читал, лежа на спине, поверх покрывала кровати. В подряснике, свесив ноги через низкую спинку на пол. И поскольку со школы был дальнозорким, то нередко держал книгу над собой на вытянутых руках. Читал много и разное. От обязательных святоотеческих трактатов до современной беллетристики, включая детективы и приключенческие романы. В семинарии существовал и негласный кодекс запрещенных книг. Туда попадали труды раскольников, лиц, лишенных сана, и книги авторов, которые, работая над христианской тематикой, намеренно или непроизвольно искажали постулаты, что могло навредить молодым пытливым умам и мятущимся отроческим душам. На предпоследнем курсе даже читался цикл лекций, «Введение в православную критику», где подобным текстам давалась надлежащая оценка.

Книг схимонаха Феодора (Лагина) в этом списке не было. Их не издавали и старались прилюдно не упоминать. Размышления отшельника изобиловали чересчур вольными толкованиями Писания и Предания, а главное, шли вразрез со многими установлениями официальной церковной жизни. Посему сочинения схимника тайно ходили по рукам семинаристов, отпечатанные на машинке и переплетенные кустарным способом, точно дипломные работы. Их также маскировали под учебные проекты, благочинно озаглавливая, снабжая безобидным предисловием и списком литературы. А внутри, с какой-нибудь седьмой или семнадцатой страницы, порой даже без абзаца, начинался подлинный текст, пугавший церковные чины не меньше ереси. Попадались и блокноты карманного формата, переписанные от руки. Их было легче прятать и проще передавать. В одном из таких, с начертанными на кожаной обложке чернильными буквами «ЛЛ», Тихон впервые прочитал лагинскую «Луковку».

Размышляя о церковной карьере, семинаристы старших курсов, как правило, задумывались о двух вещах: распределении по приходам и женитьбе. Согласно церковным канонам,не могли они стать священниками, не будучи женаты. А после бракосочетания и рукоположения обязаны были отправляться в любой приход, указанный духовным начальством. Со своей будущей попадьей Тихон встретился там же, в семинарии. Параллельно с богословским образованием здесь существовало отделение, готовившее регентов церковных хоров, состоявшее сплошь из барышень. Начальство не видело в такой близости ничего зазорного. Скорее наоборот. Девица, посвятившая себя церковному пению, православная и понимающая каноны – прекрасное подспорье молодому пастырю. Пускай знакомятся и встречаются. Пусть создают церковные семьи. Все лучше, чем выйти молодыми и голодными в полный губительных соблазнов, развращенный мир за воротами семинарии.

Тех выпускников, кто имел церковный блат и нужные знакомства, направляли в «теплые» епархии Москвы или Питера, на худой конец – в городские приходы миллионников. Места хлебные и намоленные. Тихон был первым священником в роду и нужных знакомств не имел. Его сослали в тьмутаракань – вымирающую деревню Чудиново, в ста километрах за Итвой, республика Татарстан. Избу прежнего священника там сожгли. Тихону и Наталье пришлось спешно выбирать один из брошенных домов и обосновываться в нем за месяц до наступления холодов.

Приход Чудиново существовал только на карте и в умах епархиального управления. Церковь была старой, бревенчатой, отобранной у староверов несколько столетий назад, затхлой, с протекающей кровлей. Половина деревни до сих пор крестилась двумя перстами. Оставшиеся в живых десять дворов на службах не бывали вообще. Все, что казалось путным, давно бежало из этих гибельных мест подальше, ближе к цивилизации. Запущенные, заросшие бурьянами поля и огороды. По-северному серые, замшелые дома. Поваленные изгороди. Выцветший флаг СССР, до сих пор висящий над сельсоветом. Закрытая и разграбленная школа. Свет давали по часам. С приходом сумерек бесплотные тени мелькали на задних дворах. По субботам, когда звонили к вечерне, стая полусобак-полуволков начинала истошно выть на околице. И какой-нибудь мужик, допившийся до чертей, выползал из своей землянки, чтобы голышом, на четвереньках, стоя на останках крыльца, составить им компанию.

Молодежи в Чудиново не осталось. Стариков не отпевали, да и хоронили редко. Угасшие в домах деревенские пенсионеры тихо мумифицировались в своих кроватях и креслах, никому не доставляя хлопот. Местные почтальоны потом могли годами присваивать их пенсии. Никому до этого не было дела. Три беззубые старухи (ласково прозванные попадьей «наши пифии») и Степан-сосед, сам себя назначивший церковным сторожем, – вот и вся паства на литургии. Ни прихожан, ни пожертвований. Из епархии – только свечи. Огород садить поздно. Хоть с голоду помирай. Все, отложенные со свадьбы деньги, ушли на закупку харчей. Наталья научилась печь хлеб, в

соседних деревнях разжились крупами, постным маслом, солониной и сушеными грибами. Подпол забили картофелем. Купили керосин для ламп. Так и перезимовали.

По весне довелось заново распахивать огород и заводить птицу. Как истые горожане, они набивали шишки, но, по счастью, рядом случались люди, подсказывавшие и помогавшие молодой поповской семье. Любые передвижения по деревне предпринимались засветло. Вплотную к северной околице подступала тоскливая степь, глядя на которую Тихон то и дело вспоминал «Татарскую пустыню» и «В ожидании варваров». Единственная отрада – звонница. Когда он поднимался по деревянным ступеням на переоборудованную под колокол лагерную вышку, у него нередко перехватывало дыхание. Церковь стояла на краю утеса. Внизу – широкий рукав Камы. Дальше – заливные луга. Еще дальше, до самого горизонта, – густой, сине-зеленый лес. В утренней дымке. Или вечернем зареве. Порой там, наверху, он терял дар речи, и единственная мысль, пульсировавшая в его висках, доводила его, спрятавшегося наверху от всех, до искренних слез: как посреди такой красоты могла тлеть настолько убогая, никому не нужная, и по сути своей глубоко скотская человеческая жизнь?

Ему часто вспоминалось прочитанное у Феодора: *Монахи, скрывающиеся в монастырях. Отшельники, населяющие скиты. Люди, бегущие мира. Все – дезертиры. От кого бежите? От Христа. Единственное оправдание такому бегству – непрерывная сокровенная молитва и юродство. Тайный смысл которых – оттянуть на себя врага в духовной брани. Не победить. Где уж нам совершить то, что лишь Христу по силам. Но отвлечь, вызвать на себя, подставиться, собой закрывая других. Защитить их, принимая удары. Дать им повод задуматься, научиться. Выиграть время для них. Не воины мы – шуты гороховые. Нет в нас ничего своего. Ни любви, ни чести, ни достоинства. Все – от Него. Как живы не по заслугам, а благодатью, так и наказаны не по грехам, но по милости. Вот он я – дурачок, дразнящий полчища воинства бесовского. Палят по мне, да попасть не могут. А те, что попадают, не причиняют вреда другим. Потому что и там все посчитано, и там все конечно. Не спасаться идут в монастыри и скиты. А гибнуть. Собой жертвуя, ради малых сих…*

Порой Тихон спрашивал себя: каков смысл его служения в этой полумертвой дыре? Сказано: никто не прячет зажженный светильник под перевернутый сосуд, но ставит его, чтобы светил всем. А здесь и светить-то некому. Почти как у Блока: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Приход – четыре человека.

Название Чудиново деревня получила после того, как внизу по реке, еще в царские времена, была найдена золотоносная жила. Прииск просуществовал с полвека. И внезапно выдохся, акккурат к приходу Советской власти. Чудом возник. Чудом растворился. Кое-кто из стариков в соседних деревнях, где приходилось иногда бывать Тихону, пересказывал услышанное от отцов поверье, что однажды вновь выйдет из земных недр золото, и будет его втрое больше, чем при царе. Мало кто этому верил. Но иногда, прознавший о легенде одинокий шабашник, ковырялся на берегу пару часов. Пока, протрезвев, ни убирался восвояси. Когда Аксинья, умершая по старости одна из «пифий», завещала батюшке все свое «богатство» – золотое кольцо и серьги – Тихон, убрав жемчуг, втихаря смастерил очаг в сарае, растопил его антрацитом и расплавил золото, подмешав в него натертую напильником железную пыль и золу. Залил золотой раствор в расщелину камня, найденного на берегу. Дал застыть. И через несколько дней, как стемнело, затопил обратно на мелководье.

Вот так и вышло, что не соврали старики. Возродилась жила. Пошел как-то летом один из местных купаться и приметил камень-самородок. Тотчас набежало любопытных. Уже через неделю, разогнав рыбаков, слетелись старатели со всего района. А чтобы повезло им, щедро жертвовали церкви над утесом. И заказывали службы за здравие, и покупали свечи подлиннее да потолще. Все лето и осень, до самой зимы ворошили прибрежные воды своими ситами. Об одном Тихон тайно молился – чтобы

не было между ними пьяных драк и убийства. Пока суть да дело, успел он выправить покосившееся крыльцо, заново перекрыть крышу и купол позолотить стальными листами. Словом, не узнать церковь.

Самой младшей, Варе, только справили год, как на следующий же день Тихона схватил приступ аппендицита. Пока мог, терпел. Думал, кишечное что-то, отпустит. Отвары попил, но боль так и не унималась. Ночь промучился; утром Наталья сходила за машиной, и отвезли Тихона в Итву. Из приемного покоя его сразу же положили на операционный стол. Гнойный перитонит. Еле спасли. Кишки промыли, антибиотиками накачали. Неделю он пролежал в полусне, под капельницей, почти не ел ничего и ходил под себя. Потом стал понемногу выкарабкиваться. Начал вставать.

Как-то день выдался теплый; Тихон, в больничном халате, шаркая по-стариковски, слабый еще, впервые спустился вниз, во внутренний двор. И глазам своим не поверил. У дальнего забора, прямо на территории больницы, стояла каменная церковь. Без крестов – старая, обшарпанная. Двое рабочих заносили через парадные двери ржавые панцирные кровати, деревянные шкафы и прочую рухлядь. Внутри виднелись остатки фресок в алтаре, серая, местами облупленная до кирпича, колонна бокового нефа. Тихон приблизился. В железную бочку, поставленную почти посредине, гулко капала скопившаяся где-то над хорами грязная дождевая вода. Он увидел лик апостола над аркой. И обомлел.

Три с половиной года ушло у него на оформление всех необходимых ходатайств и разрешений. Сам обивал пороги инстанций, сам просил и унижался. Восемь месяцев просидел в архиве, выуживая документы на первоначальную принадлежность здания. Еще год ушел на поиск спонсоров с меценатами. Искал неравнодушных людей не только по всему краю, но и по всей России. Не ленился ходить в офисы корпораций, встречаться с чиновниками, убеждать. И тут обнаружилось странное. Оказалось, что с атеистами находить общий язык гораздо проще и быстрее, чем со своими же православными. Тех, безбожников, не занимали религиозные вопросы, и действовали они, руководствуясь своим рассудком и римским правом, гласившим, что собственность, по закону принадлежавшая кому-то и несправедливо отобранная в историческом лихолетье, должна быть возвращена законному владельцу. А кто владелец – церковь, отдел культуры или местный кружок баянистов-любителей – вопрос другой. Бюрократы долго запрягали, однако дело свое делали, неумолимо приближаясь к развязке. Свои же, христиане, поначалу отзывались с энтузиазмом, но чем дальше, тем сильнее блекло их живое участие. И все чаще повисала в воздухе присутственных мест фраза «как смажешь, так и поедешь», не произнесенная вслух, но оттого не менее действенная.

Пять дней в неделю отец Тихон жил на съемной квартире в Итве. На выходных и в праздники служил в своем приходе. Отощал, осунулся. Приходилось быть всем подряд – и прорабом, и снабженцем, и бухгалтером, и надсмотрщиком. Миллионами ворочал, а жил, как раб. Домой возвращался, только чтобы поспать. Чего только с Божьей помощью ни переделали. Проверили фундамент и несущие стены. Заменили кровлю. Снаружи оббили до кирпича и заново отштукатурили под чистовую отделку. Внутри провели воду, свет и отопление. Поменяли растрескавшиеся плиты на полу. Где можно, обновили старые росписи, а где их не было, восстановили согласно эскизам и архивным фотографиям. Из Питера доставили купленный меценатами новый иконостас, киоты, напольные подсвечники, распятия и церковную утварь.

Освящение приурочили к очередной годовщине Крещения Руси. Приехал патриарх со епископы. В епархиальном управлении дали пышный банкет. Поднимали тосты застольные, радовались и веселились. А как только высокие гости отбыли восвояси, представили Тихону молодого поповича, отца Виталия, новоназначенного настоятеля освящённого ныне Свято-Воскресенского храма. Отец Тихон при всех подтянул праздничный рукав и сунул епископу под нос сотворенный из загрубевшей

на стройке руки кукиш. Знал он, чем дело закончится. Потому с самого начала все имущество и финансы, пущенные на восстановление, принадлежали не епархии, а созданной при храме церковной общине и главе ее, отцу Тихону. Но даже если бы епископ паче чаяния решил общину приструнить, а документы оспорить, то земля под храмом была выкуплена лично отцом Тихоном и матушкой Натальей и сдана общине в аренду за 1 (прописью «один») рубль в год, но с правом пересмотра арендной платы ежегодно. И попробуй владыка отобрать храм, плата эта могла взлететь в миллион раз, похоронив любую церковную рентабельность.

Освоившись на новом месте, отец Тихон перевез семью в город. Со временем купили дом: скромный, без лепнины и прочих излишеств. Когда прежний епископ, владыка Гермоген, преставился от гриппа и старости, Тихон был избран епископом. Половину административного штата тотчас упразднил. Проведал каждого пастыря дома, посмотрел, кто как живет. В гостях у Никодима, настоятеля кафедрального собора Святого Луки, случился казус. Дом был большой, добротный, трехэтажный. С собственной часовней, библиотекой, сауной, бассейном, множеством спален и зимним садом. Тихону хоромы понравились. На прощание сказал:

– Хорошо тут у тебя. Душевно. Главное – детям простор.

Никодим расцвел и поправил епископа:

– Выросли дети, владыко. Одни живем.

Тихон посмотрел на хозяина с ласковым недоумением:

– Ну, как же? Гляди, сколько их у тебя. Вон там – старшая группа. А здесь младшие бегают.

Никодим побледнел. На ватных ногах, вместе с матушкой, пошел провожать епископа до искусных кованых ворот.

– Ты не тяни, Никоша. Им до зимы обустроиться надо. А тебе другое жилье подберем. Поближе к храму. Да и к Господу.

На следующий год собрал епископ настоятелей и велел вымостить всю площадь вокруг вверенных им приходских храмов тротуарной плиткой. Асфальт дешевле, но недолговечен. Бетон удерживает воду и трескается на морозе. Так что плитка – в самый раз. Тихон сам указал поставщика, у которого лично выбил неслыханную скидку на благое дело. Планировать сказал так, чтобы было удобно заезжать и парковаться машинам. Денег на это не дал. Велел самим справляться. Когда поползло среди отцов негодование и ропот, пояснил с теплотою в голосе:

– Всем нам, отцы, нужно учиться. Денно и нощно. Вон резчик, прежде чем гроздь виноградную высечет на царских вратах, у природы учится. А нам надо у людей. Что толку окормлять старух и праведников, у которых ни сил, ни средств, ни желания грешить. Чего стоит их исповедь? Разве не помните, что сказал Христос – не здоровым нужен врач, но больным. Чем больше денег, тем больше страстей и соблазнов. Посмотрите вокруг. Прислушайтесь. Почитайте. Подумайте. Ведь гипермаркеты, торговые центры потому и строят на объездных дорогах, чтобы бабки за хлебом да спичками не бегали. Но приезжали бы серьезные хозяева на машинах и закупались с избытком. Гипермаркетам главное – не количество покупателей, а качество. Чем больше средний чек, тем лучше. Вот будет ехать такой прихожанин в воскресенье и проедет мимо церкви в кабак. Потому что у кабака парковка есть, а у храма нет. И вместо молитвы напьется и нагрешит. А напоследок еще и разобьется, пьяный, насмерть. Хорошо вам? Ну, отпоете. Получите свои упокойные. И что? Какой от этого прок душе? Пускай лучше приезжает к вам, с женой, с детишками. Спокойно оставит машину на церковном дворе. И отстоит воскресную. А потом домой – на праздничный семейный обед. А вы благодарите за пожертвования, и если видите, что парковка полна, напоминайте в воскресной проповеди о десятине. И тогда шерсти с тучных овец хватит на то, чтобы заботиться обо всех – и о больных, и об убогих, и о стариках, и о праведниках. Да и самим разве не надоело по грязи чавкать?

Ночью видел он два сна – один за другим, один страшнее второго.

Снился ему поначалу Алексей, епархиальный секретарь, как обычно, протягивающий бумаги. Сметы, запросы, письма, распоряжения. Берет их Тихон в руки и видит, что все напечатано вверх тормашками. Пытается перевернуть страницу, но с нею вместе переворачиваются и буквы. Он к Алексею, а вместо секретаря влетает в комнату стая чертей. Хватают и выносят его, вопящего, вон. Избивают долго, больно, до полусмерти. А потом, у колокольни, распинают на Андреевском кресте, головой вниз. И вот тогда снова появляется Алексей, чтобы смочить оброненное Жар-птицей перо в епископской крови и подписать те самые бумаги, которые теперь разбирает он без труда, единственным своим не заплывшим глазом.

Во втором сне видел он евангелиста Луку в золотых одеждах, сидящего за престолом в горнице небесной. И поскольку стоял у него за спиной, то мог наблюдать, как выводятся буквы. «Человек некий имел два сына», – прочитал он знакомую строку, но, присмотревшись, увидел, что вместо слова «человек» под рукой Луки рождается сокращение – три буквы: «ч», «е», «к» и вместо «-лове-» над всеми над ними общее титло. И титло это – сам он, Тихон, запечатленный в профиль в один из тех моментов юности, когда лежал с книгой в руках на семинарской кровати. Нижняя вертикаль – ноги его, свешенные на пол. Длинная горизонтальная черта – тело его в подряснике. Верхняя вертикаль – руки с книгой. А евангелист пишет и вздыхает горестно. И Тихон плачет вместе с ним от неизбывной душевной муки, понимая, что это из-за него «человек» стал «чеком».

За первые двенадцать лет его епископства настоятели вместе с жертвователями и меценатами открыли при епархии детский приют, компьютерный центр для обучения программированию, ремесленное училище (на паях с местной властью) и хоспис на двадцать мест с постоянным присутствием медперсонала. Ни копейки не взяв из государственной казны. Позже – строительную артель и монастырский молокозавод. Все свое, все натуральное. Сделанное на совесть.

И снова вспоминалась ему лагинская «Луковка»: *Как Христос перехитрил ад, спустившись в него и взорвав изнутри, так и нам надлежит обманывать внутреннего врага в себе. И, порою жертвуя пешку, спасать короля. Ибо не в том мудрость, чтобы не допустить предлога. Но в том, чтобы, видя метания своей души и ума, обуздать их вовремя, не дав соскользнуть в греховную бездну. Здесь должно нам падать и вставать. И снова падать. А туда упав, не спасемся вовек, разве что единою милостью Божьей.*

По воскресеньям, как и полагается, он служил литургию в кафедральном соборе. Однажды настоятелю донесли, что одна из фресок подпорчена вандалами. Кто-то поцарапал стену острым предметом, быть может, отверткой, лезвием ножа или дверным ключом. Никодим прислал художника исправить порчу. Но некоторое время спустя царапины проявились вновь, на том же месте. Настоятель велел братии почаще приглядываться к посетителям и стал раздумывать, не установить ли в тайне от всех направленную на злополучную стену скрытую видеокамеру. Никому и в голову не могло прийти, что глаза этой фигуре выцарапывал сам епископ, которому иногда казалось, что один из торговцев, гонимых Христом, подмигивает ему, обходящему храм с кадилом. И он боялся, что сходит с ума.

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ

Россия

О войне

**Они ушли, почти мальчишки.
Из жизни вырвана судьба.
Вперед! И взрыва злая вспышка,
И пулеметная пальба.**

**Но пуля-дура зачеркнула
Едва начавшийся полет.
И от столицы до аула
Река кровавая течет.**

**Мелькают годы безвозвратно,
Как кадры старого кино,
Но той войны, сто раз проклятой,
Вовек забыть нам не дано.**

**Как много их, ребят беспечных,
Сгорело в пламени боев,
Не совершили дел извечных:
Свиданий, свадеб и стихов.**

**Их голоса порой тревожат,
Их души в небесах парят.
Прощай, земляк, ты стал моложе,
Чем я сейчас. Прости, солдат.**

Бессмертный полк

**Христос Воскресе! Говорим на Пасху.
Молитвенно и громко возносим к небу
Наш восторг и веру. А летом в сорок первом
Под Киевом, Смоленском или Минском
Он погибал в горящем самолете, в окопе,
В ореоле из осколков от взрыва прилетевшего снаряда,
Солдат Христос и лейтенант Христос,
И множество других святых, распятых
На крестах войны кровавой от Бреста до Берлина,
Закрыв дорогу смерти в отчий дом.
Но верим в неизбежность Воскресения.
В пасхальных маршах праздничного мая
Плывут штандарты с ликами живыми
В колоннах праведных Бессмертного полка.
Воистину Воскресе, славный воин!**

Болгарское

Солнце, лето, волны, небо...
Как давно я с морем не был.
С кем ты море без меня
Пело, брызгами маня?

Берег южный, берег близкий,
Исторический дискурс.
Имена и обелиски.
Здесь за братьев билась Русь.

Скобелев, Гурко и Пушкин,
Сын великого отца...
Мчались кони, били пушки
До победного конца.

Кто забыл, но больше помнят.
Недоумок, кто забыл.
Тишина несёт в ладонях
Горечь воинских могил.

Но промчались годы. Узы
Мы крепим, приязнь даря.
Розы, ракия, арбузы
Нас собой благодарят.

И парят над морем горы
В свежей ауре лесов.
Море блещет, море спорит
Переплеском голосов.

Политические споры
Не расстроят наш союз.
Он народный, тот, который
Крепче самых прочных уз.

Расцветай же край болгарский:
Сёла, пашни, города,
Гордый, праведный, славянский
В честной дружбе навсегда!

***Примечание**: Александр Александрович Пушкин — старший сын А.С.Пушкина, командир Нарвского гусарского полка. За храбрость был награждён орденами России и иностранных государств, а также золотым именным оружием.*

Чайка-душа

Чайка, чья-то душа,
С громким криком несется над морем.
Что вещает спеша –
Древний страх, неутешное вдовие горе?

Мачт надломленных треск,
Угасающий стон моряка,
Беспощадный норд-вест,
Леденящая разум тоска

В беспокойном метаньи
Белых крыльев загадочных птах.
Гнев, проклятья, стенанья
В поглощаемых бездной сердцах.

Чайки – вестники Рока и моря,
Нет числа им над водной стихией и сушей.
Равнодушны к людским ожиданьям и боли
Морем взятые и возвращенные души.

Это время...

Годы капают с плеч,
Выпадают, как гриб из лукошка.
Нам себя не сберечь,
Мы идем по опасной и темной дорожке.

Здесь вокруг тишина,
Только шорохи, вздохи и стоны.
Не игра, а беда и война,
Будто спрятались в дебрях колонны

Серых мрачных убийц.
Некто в центре в горящей короне,
Повелитель и царь этих сумрачных лиц,
В черной мантии сидя на пне, как на троне.

Это время. Тебя я узнал, черт возьми,
Как ни странно.
Ты играешь с людьми,
Расставляешь ловушки, капканы,

Собираешь грибы
И нарочно роняешь лукошко.
От беды, от судьбы
Не сбежит даже резвая кошка.

Это время, друзья.
Оно бесконечно-конечно.
Как узнать, но нельзя,
Когда вдруг утечет твоя малая личная вечность.

Это время, приятель. От него не получишь ответа.
Так иди, как идешь, и не жди дармового совета.

Больница

В больнице Бог – контроль.
Просчитан каждый шаг.
Здесь презирают боль
И ненавидят мрак.

Там где-то доктора.
Архангелом парит.
Но рядом медсестра
Поможет, подбодрит.

Бессмертный Протокол,
Не вывод – резюме.
Обход, надзор, укол.
Изрек. Что на уме?

Вот день уходит прочь,
А ты лежишь больной.
И как себе помочь?
Жизнь плещет за стеной.

Она влечет к себе,
Но мы пройдем недуг
С надеждой и в борьбе
В объятия подруг.

В больнице «Коммунарка», 12.11.2020

Мысли

Бывают мысли сокровенные.
Они, как звёзды в вышине,
Горят без страха и сомнения
И тихо гаснут в тишине.

Крадутся мысли потаённые.
Они, как тать в ночной глуши,
Лихие и самовлюблённые.
Открыть им душу не спеши.

Теснятся мысли ежедневные:
Заботы, нужды, пустяки.
Их суть проста, они безвредные,
Но их не смыть как грязь с руки.

Нет отдыха и нет спасения,
Ты мыслишь вечно, человек.
И лишь тогда придет спасение,
Когда закончится твой век.

Воспоминаний сладкий сон

Воспоминаний сладкий сон,
Нас обволакивает он.
Секреты старого двора,
Здесь растворялась детвора.

Даёшь футбол, вперёд, за мной!
Но мать зовёт: пора домой.
И верный друг, пнув мяч слегка,
Махнёт рукой – бывай, пока!

Какая славная игра,
Какая нежная пора.
И льёт с небес весёлый свет,
И жизнь бурлит, и горя нет.

Всё это было, как вчера,
Пропало детство со двора.
Забыт футбол, потушен свет
И Витьки нет, и Лёньки нет.

Куда пропали, пацаны?
Но голоса их не слышны.
И только память в оправданье
Влачит мешок воспоминаний.

3 стихотворения, переводы с немецкого (Георг Маурер «Трёхстрофный календарь»)

Философия

Трава мечтает ярче зеленеть,
И девушка подкрашивает губы
Для глаз любимого, и только смерть
Все разноцветье черным мажет грубо.

Я нежность алых губ ценил всегда
Или зеленых где-то во вселенной.
Философы докажут без труда,
Что это только миг природы тленной.

Философы спешат истолковать
Тебе и мне значение поцелуя.
Откуда им несчастным это знать,
Живущим думая, а не целуя?!

Голуби

Грудей голубки смотрят осторожно.
Прижаты к голубятне, им тревожно.
Привычный запах преграждает путь,
Но пара жаждет тотчас упорхнуть.

Вот в знойном воздухе движение вперёд,
От нежности восторженно дрожат,
Барьер преодолеть настал черёд.
Беглянок упустили сторожа.

Как ястреба на цепи вдалеке
Поймал я взгляда бешеные страсти.
И голуби спаслись в моей руке,
Трепещущей от радости и счастья.

Осётр

Когда разные твари смеялись,
Осётр торжественно заявил:
Ваш нелепый смех меня ничуть не смутил.

Мой осетровый наряд мне явно к лицу,
Мой мощный хребет даст отпор каждому наглецу.
Водоросли будут кланяться в великом почтении
И глупые рыбы, спешащие вниз по течению.

И осётр замолчал. Он вырос в своих глазах и в длину,
Из года в год мрачно дарит вселенной свою икру,
Прерывая глубокими вздохами тишину.

ГОСТЬ

АЛЕКСЕЙ УСТИМЕНКО

КАКОЙ-ТО ПЬЯНЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ…

Очерк

…ломясь сквозь толпу, будь осторожен:
ты можешь толкнуть Авиценну,
больно задеть Фирдоуси,
отдавить стопу Абу-Рейхану Бируни.

Явдат Ильясов «Заклинатель змей»

Не завидуйте нам, обыватели!
Мы – Сизифовы наследники;
Это лишь званье такое –
писатели,
А на самом деле мы смертники…

Явдат Ильясов «Сыну моему Джангару»

I

И все-таки, черт возьми, как все же писатели и поэты умудряются определить свою судьбу. Предсказать. Предугадать. Накликать. И – исполнить накликанное…

Почти что в последней своей книге – «Заклинатель змей» – писатель Явдат Ильясов, рукою ли, поведенною свыше, фантазией ли своей литераторской, но однажды устами своего героя – странного странника, математика, астролога, звездочета, время от времени уходящего в рубайят, Абуль-Фатха Омара Хайяма Нишапурского, жил такой на земле, вдруг будто бы окончательно закрепил на бумажном листе пророческий для себя самого разговор:

– Утонуть не страшно, – ответил Омар невозмутимо, – Страшно, что скажут потомки: «Такой-то бродяга-поэт, вольнодумец, в таком-то году утонул в Джейхуне». Позор!

– Отчего же?

– Поэту больше к лицу захлебнуться вином в кабаке, чем водою в реке.

Написанное ореалилось не через много лет, но почти что сразу после того, как написалось: в июне 1982 года писатель Явдат Ильясов утонул в одном из искусственных озер Ташкента.

Страшно, что скажут…

И они – люди, знавшие его и не знавшие вовсе, – тотчас зарассказывали. И зарассказывали примерно то, что он предсказал. И – так, и такими словами (о том тоже догадывался в предсказании), как он и ожидал, что скажут. В той же полумифической, полумифологической тональности. Ведь творящий своею рукою всякие литературные мифы подспудно творит и свой… Впрочем, это я уже повторяюсь.

Слухи забурлили мгновенно. Они ведь та же вода, во все способная втечь, залив уши и умных, и глупых одинаково.

Говорили, к примеру, такое (эти слова чуть позже запишет Сухроб Мухамедов, ташкентский известный писатель):

«…Юрий Владимирович Андропов, будучи уже Генеральным секретарем, во время одной из встреч с Шарафом Рашидовым отвел его в сторону от беседующих членов Политбюро и, загадочно улыбнувшись, якобы сказал:

– Уважаемый Шараф Рашидович, у вас в республике, кроме золота и хлопка, масса талантливых людей… в том числе и писателей.

– Одаренных писателей в Узбекистане много, Юрий Владимирович.

– Да-да… Я недавно прочитал одну книгу… Очень хорошо и здорово написанную. Ее автор Ильясов. Вы знаете его?

– Конечно.

– Талантливых людей надо беречь – помогать им. Я имею в виду – создавать условия для творчества.

После этой встречи Шараф Рашидов позвонил в Ташкент и поручил помощнику срочно разыскать Ильясова и известить писателя о предстоящей встрече с ним. Но… именно в тот вечер Ильясов решил искупаться в небольшом чиланзарском озере. Он утонул странно, трагически, нелепо, будучи великолепным пловцом».

Многозначительно, но все же необъяснимо…

Как необъяснима и убежденность примерно в подобном же – так выходит – будто бы заговоре.

Чем трагичнее и неожиданнее смерть, тем трагичнее и неожиданнее выводы о ней у ничуть ее не ожидавших.

У оказавшихся к ней вплотную и ближе всех – фантастичнее всего…

Третья жена Явдата – Анна Яковлевна Мигловец, и через двадцать почти лет после его смерти давая интервью одному из журналистов, – была неколебима в своем убеждении – писателя убили: сначала оглушили мокрым веслом, потом все же вытащили на берег, где и додушили окончательно. Естественный повод так сотворенного убийства – естественный же талант Явдата. То есть, талант не сам по себе, но талант, отказавшийся работать на другого, – вроде бы перед смертью как раз подобное и было предложено писателю Ильясову.

Отказался, вот и…

II

«Другим» же – по мнению и до сего дня существующему в околописательских кругах (то есть в кругах, где важна не литература, но то, что вокруг нее) – всегда обозначивается опять же Шараф Рашидов. На ту несчастную пору – Первый секретарь Центрального Комитета КП бывшей Узбекской Советской Социалистической Республики, вечный кандидат в Политбюро ЦК КПСС, а по совместительству – тоже писатель.

Отношение к этой крупной государственной и политической фигуре, к ее значимости в истории до сих пор как-то не устоялось, ну, да это и не вопрос очерка. Другое дело, что – я убежден – писателем он все-таки был как бы самостоятельным, а вовсе не таким, за которого пишут. Худо-бедно, но – нечто запрограммированное временем – писал он и сам. Его могли редактировать по подстрочнику, почти переписывая, ему могли помочь подобрать материал на тему, по которой он, как по канве, вышивал неяркие узоры своей новой книги, но делать нечто литературное совсем «за него»? Ильясову?

Вряд ли.

На такую негритянскую службу берут людей бесцветных в жизни, но привычно, традиционно, повторимо и от других не отличаемо талантливых. Узнаваемых в тексте талантливой похожестью на все рядом сущее, литературно общее, всеми принятое, понятое.

Людей, от которых заведомо известно, чего можно ожидать.

Которые литературно управляемы и не делают неожиданных прыжков ни влево, ни вправо, что приравнивается к литературному побегу в индивидуальность. То есть не делают этого – одинаковые – ни в жизни, ни в текстах.

Они должны быть талантливы в рамках идей предложившего им работу.

Явдат Хасанович Ильясов ни по жизненным, ни по литературным параметрам ничуть не подходил для подобного выбора. Даже случись, что он – этот выбор – состоялся, даже появись на свет книга, сотворенная по обоюдной договоренности пером писателя Ильясова и войди она в то незнаменитое пятитомное собрание сочинений Шарафа Рашидова, выходящее тогда в блестящих глянцевых зеленых суперобложках, кто б не увидел, что это – текст именно Ильясова, пусть и под иной, навязанной ему фамилией… Пушкинские уши все равно б заторчали; не спрятать их и под официальный колпак.

Тот же Рашидов, уж по-писательски-то наверняка был мудр. Когда понимал, например, что какой-либо его соавтор своей стилистикой, вложенными в сюжет мыслями и предлагаемыми поворотами фабулы начинает заметно преобладать над ним, писателем Рашидовым, писатель Рашидов уходил в сторону. Предполагаю, что именно по этой причине он снял свою фамилию со сценарного авторства по собственной же книге «Поэма двух сердец», оставив единственного – Виктора Витковича, талантливого человека, беспредельно любящего Среднюю Азию.

Правда, – видевшего ее не по-рашидовски, но по-своему.

Была б удача, на двоих бы не поделилась. Неудачу же принимать на себя, ну, кому же захочется…

Можно лишь догадываться, как, должно быть, метался и внутренне переживал за свою литературную судьбу всеми уважаемый тогда Шараф Рашидович, отзывая свое авторство с киностудии «Узбекфильм», всё, кстати, тянущей и тянущей с экранизацией (от которой уже отказалась индийская сторона) и все не решающейся довести съемки, наконец, до конца, объяснив истинную причину.

Ну, кому же захочется…

«Поэма двух сердец» (по мотивам поэмы Бедиля) вышла на экраны страны в 1966 году. Авторами сценария значились Камиль Ярматов (режиссер фильма) и Виктор Виткович.

Нельзя, да и нелепо, сидеть на двух стульях одновременно. Нельзя быть главой страны и писателем. Приходится выбирать.

И обычно выбирают первое, поскольку править одной страной много легче, нежели вселенским миром, который к тому же еще и создаешь, вступая (по Николаю Бердяеву) в со-творчество с Богом.

Но и второе, «писательское», даже крупица которого если есть, подспудно все-таки мучит. Всякое правление временно, всякое творчество, вернее, со-творчество к вечности чуть поближе. А ну как прогоришь с первым?

Есть шанс сохраниться со вторым.

Рашидов, несомненно, понимал, что и со вторым – неудача… И – несомненно же, – ревновал к чужому литературному успеху. К успеху как раз и этого, структурно не организованного, писателя, – к пьянице и дебоширу Явдату Ильясову.

Только такими – вопреки всем легендам – и могли быть их взаимоотношения.

Сотворчество? Никогда.

Конечно, Рашидов понимал, не мог не понимать, что есть люди талантливее его. Талант ведь от Бога, а не от назначения. Поди, попробуй, оспорь это положение.

И этот вот Ильясов тоже был явно талантливее, но понимал свой в себе талант, как нечто само собой разумеющееся, чем можно и не гордиться, чего можно и не поберечь: Бог дал, Бог взял.

Но…

«Я бы не расточал свой талант так, как он расточает…»

Таким видят Моцарта те, которые, как им кажется, по невниманию ли Бога, по несправедливости ли Его, сами не Моцарты. И эти не-моцарты находили для себя удовольствие – как повествует устная писательская история – провести Председателя Союза писателей Узбекистана Шарафа Рашидова, кем он был еще до своего перво-секретарства в ЦК, мимо беззаботно спящего на скамейке в сквере Ильясова, с раннего уже утра и поработавшего в удовольствие, и выпившего стакан-другой холодного золотисто-зеленого великолепного вина «Ок мусалас». И Председатель должен был принимать меры. Так ему полагалось по рангу. То есть – к такому именно повороту событий не упускали случая поднаправить Рашидова те, которые суетились рядом… В этом последнем, до сих пор путешествующем мифе, истиной следует признать лишь первую часть, исключающую Рашидова. Ту, что касается распорядка дня…

Я сам был свидетелем его, Ильясова, веселого утреннего – часов в 8-9 – появления в квартире режиссера Батырова, который уже час как ушел на работу, на киностудию.

Дверь Явдату открыла жена Батырова.

Ильясов по-деловому, не заходя в комнаты, как будто бы торопился, хотя ранней выполненной работой уже освободил себе целый день, так вот Ильясов уже с порога, едва ли поздоровавшись, назидательно поднял палец вверх и вопросил:

– Лида, ну, как ты думаешь, чего у тебя сейчас попросит лучший друг твоего мужа?

И тетя Лида, почти не терпящая пьющих, все сразу поняв, но как-то не включив Явдата в число последних, тотчас пошла за тремя – для него – рублями. А это уже целый капитал – не одна, но несколько бутылок прохладно-зеленого золотого виноградного вина «Ок мусалас».

Сквер еще был пуст от влюбленных. Пуст и ожидающе всей мягкостью своей вековой тени. Сквер был готов принять писателя Ильясова.

К тому же, я вновь возвращаюсь к последнему мифу, и по времени подобная скверная встреча с Шарафом Рашидовым не смогла бы произойти. По очень простой причине: первая книга Явдата Ильясова, принесшая ему имя, «Тропа гнева» опубликована в 1956 году. Рашидов в это время, хотя как бы и числился в уважаемых и авторитетных писателях, но таковым теперь не был, возглавив Верховный Совет страны. А это уже была та высота, с которой начинающие писатели еще (или – уже?) близко не видны.

III

Между тем почти параллельно во времени и пространстве с «Поэмой двух сердец», в 1964 году – тоже на киностудии «Узбекфильм» – режиссер Равиль Батыров счастливо мучился со своим, иногда совсем отрешенно пьяным, сценаристом – Ильясовым. Для режиссера Батырова приключенческий фильм «Канатоходцы» был первым самостоятельным, – то есть заявкою на всю его последующую режиссерскую жизнь. Первый провал проваливает подчас всю последующую жизнь. Первая же удача всегда смягчает неудачи последующие, случись они напоследок.

Рабочая группа злилась, почти ожидая провала. И про себя, не рискуя о том сказать вслух режиссеру, всячески похаивала сценариста Ильясова, не только не написавшего к сегодняшнему, например, сроку требуемую сцену, но и опять пробиравшемуся меж декораций весьма и весьма шаткой походкой.

– Ну, вот, – взглянув на нестройный путь писателя, засмеялся художник Е.П., – готов, классик. Похоже, сегодня съемке не быть. Дай Бог, завтра…

Дневная работа над сценарием явно нарушала ильясовский график рабочего дня, и он – похоже – каждое утро успешно с этим боролся.

Впрочем, художника Е.П. Ильясов услышал и невежливо остановился как раз перед ним. Он терпеть не мог недомолвок и околичностей и во всем любил точность: в мыслях, словах и делах.

– Ты, П., знаешь такого-то? – примерно так спросил Ильясов, надвигаясь.

– Да, – сказал Е.П., отстраняясь назад.

– И у него, как у тебя, тоже были во рту новые зубы…

– Были?.. – уточнил Е.П., по-прежнему отодвигаясь.

– Тоже… – сказал Ильясов. – Как у тебя во рту. И блестели.

– Это – стихи! – сказал режиссер Равиль Батыров, останавливая сближение двух.

– Теперь не блестят, – удовлетворенно откачнулся сценарист Ильясов. – А с тебя, Равиль, – бумага, карандаш, комната и чайник зеленого чая.

– Найти, – распорядился режиссер Батыров.

– И то верно, пусть в одиночке проспится. – сказал художник Е.П., – По крайней мере, не успеет снова вина найти и завтра, на трезвую голову, наконец, напишет нам нужное.

– Можно даже закрыть на ключ, – согласился с доводами режиссер Батыров.

И волевым решением режиссера Явдат был изолирован ото всех для протрезвления, часа на четыре, на исходе которых грохотом кулаков призвал к освобождению.

– Не случилось, – констатировал художник Е.П. – Не удержали.

– Откройте, – сказал Батыров.

Конечно, героями «Канатоходцев» можно считать и актеров-исполнителей – старика Раззака Хамраева, и мальчишку Рустама Сагдуллаева (для этой, самой первой мальчишеской роли в кино, за десятки лет до знаменитого фильма «В бой идут одни старики», Батыров перезнакомился с кандидатурами сотен его ровесников, открыв именно Рустама)… Но в тот день им стал Ильясов, вышедший из застенка с кипою плотно исписанных бумаг. Что было невероятно, если вспомнить, отвертев стрелки часов на четыре круга назад, его прохождение сквозь декорации.

«Сцена для сценария», сотворенная им, была не только то, что нужно, но: сверх-то-что-нужно. Точное попадание в режиссерскую цель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАНАТОХОДЦЕВ (отрывок из сценария)

«В медленной панораме перед нами открывается грохочущий горный поток, стиснутый серыми каменными глыбами, среди которых разбросаны редкие клочкообразные кустики…

Вода с ревом мечется по усеянному валунами дну, хлещет пеной по прибрежным уступам. От берега к берегу – от одной кучи каменных глыб на другую перекинута довольно тонкая жердь.

На противоположном берегу стоят маленькие фигурки старика, мальчика и ослика.

Мы слышим их голоса:

– Вот так мост! – разочарованный голос мальчика.

– А чем он плох? А, внук мой Алиджан? – удивился старик…

Мальчик сбежал по тропинке к самой воде – присел на край жерди, свесив с нее ноги… Энергично размахивая руками, сказал:

– Развалился весь, вроде нашей хижины… А этой палкой только длинноухого бить…

Ослик, задумчиво изучавший поток, услышав эти слова, мотнул головой и повернулся к мальчику хвостом.

Старик с видом прогуливающегося человека расхаживал у воды, постукивая посохом по валунам:

– Мой друг Уста-Гамбар говорил: «Настоящий канатоходец – тот, кто может пройти даже по лезвию меча, не изранив ног».

– Мы-то пройдем… – прямо с жерди мальчик легко спрыгнул на гладкий, отполированный валун.

По-мальчишески забавляясь своей ловкостью, он перепрыгивал с валуна на валун, на мгновение задерживаясь на каждом и намечая следующий. Остановился – кивнул в сторону осла.

– …но как вот этого упрямца перетащить? – мальчик озадаченно посмотрел на волны.

Старик, навязывая веревку на шею осла, продолжал:

– Да осел знает семь способов плавания…

Взглянув на осла, с укоризной заметил:

– Но как увидит воду, все семь забывает… Но ты не волнуйся, Алиджан. Перетащим как-нибудь.

Ослик недовольно мотнул головой и отвернулся.

Старик примирительно произнес, похлопав его по шее:

– Не сердись, приятель. Такова уж наша с тобой участь.

И пошел к берегу, разматывая веревку, к которой был привязан осел. На ходу он сказал мальчику, указав на переметную суму, снятую с ослика:

– Сумку захватить не поленитесь, пригодится…

Старик, шкандыляя, подошел к жерди. Торопливо, постным голосом заговорил молитву:

– О, святой Ильяс, покровитель странствующих по морям, окажи нам свою помощь…

Неуклюже раскачиваясь, дико прихрамывая, дергая головой, он, тем не менее, не торопясь, совершенно спокойно и буднично, как по широкой дороге, на которую, шагая, не обращают внимания, переходит по шаткой жерди на ту сторону. Это мастер высокого класса.

Стоявший рядом с осликом внук видел, как дед сошел на противоположный берег, невозмутимо ступил в речку и сделал зовущее движение рукой. Мальчик с поклоном и шутливой улыбкой поднес к носу осла цветок, затем с важным видом заправил цветок за веревку на шее длинноухого, отступил на шаг и, сложив ладони, любуясь, покачал головой.

И – неожиданно – схватив осла за шею и спину, толкнул в поток и крикнул:

– Пошел, длинноухий, вперед!

Старик, стоявший по пояс в воде, смотрел, как упирался ослик, мотал головой, взбрыкивал ногами, как Алиджан тщетно пытался столкнуть его в речку. Старик нетерпеливо – с силой – натянул веревку и…

…длинноухий в речке.

От восторга мальчик подпрыгнул на одной ноге, прищелкнул пальцами правой руки, а левой – ловко схватил суму, небрежно перебросил ее через плечо и побежал к жерди.

Беззаботно, легко, как по широкой тропинке выступал Алиджан по жерди и беспечно напевал песенку.

Старик, лениво потравливая веревку, тащит ослика через поток.

Ослик плывет, то почти весь показываясь из воды, то погружаясь до самых ушей. Вода бьет, крутит осла, швыряет из стороны в сторону.

– Давай, длинноухий, давай! – весело подбадривает мальчик осла, безмятежно приплясывая на жерди.

И вдруг – улыбка исчезла.

Вода несет осла прямо на торчащий со дна острый камень.

– Ой! – пронзительно вскрикнул мальчик и закрыл ладонью глаза.

Старик спокойно делает могучий рывок…

…ослик благополучно проскакивает перед самым камнем.

Алиджан открыл глаза и глянул в быстрину.

Горная речка с оглушительным ревом мчалась прямо под ноги мальчика.

Мальчик с ужасом смотрит вниз.

Пенящиеся волны расплылись перед глаза. Загудели сзади, за спиной…

Жердь двоится, уплывает в сторону…

Мальчик зашатался…

– Эгей! – раздался голос старика.

Он стоял по колено в воде, тянул осла за веревку левой рукой, а правой делал балансирующий жест.

Алиджан, раскинув руки, пытается балансировать.

Расплывшееся изображение жерди соединяется в одно.

Переметная сума на плече мальчика тянет его в сторону. Равновесие утеряно…

Алиджан, размахивая руками, из последних сил старается удержаться на жерди.

Внизу угрожающе торчат камни, бешено рычит поток.

Алиджан бросает умоляющий взгляд на деда.

Старик – все такой же насмешливо-невозмутимый – делает рукой медленный цепкий хватательный жест.

Мальчик, падая, успевает схватиться обеими руками за жердь.

Сума слетела с плеча и исчезла в потоке. Мальчик висит над водой, косматые волны кидаются вверх, как собаки, пытаясь допрыгнуть до его ног.

Алиджан поворачивает к деду искаженное страхом лицо.

Продолжая из последних сил вытягивать ослика, старик, искоса поглядывая на внука, круто сгибает высоко поднятое колено и хлопает об него ладонью.

Алиджан раскачался…

…рывок…

И он захватил согнутой ногой жердь.

Закусив губу, тянет веревку старик.

Стиснув зубы, силится подтянуться Алиджан.

Медленно выкарабкивается из быстрины ослик.

Медленно разжимает пальцы мальчик.

Старик рванул веревку…

…ослик вытянут из водоворота на отмель.

Алиджан сорвался и рухнул в поток.

Стоя спиной к реке, старик гневно смотрит на измученного трясущегося ослика.

– Ты чем недоволен, собачий сын? Искупался в речке? Благодарить надо, а не хмуриться. Когда ты последний раз был в бане?

Не спеша оборачивается в сторону внука…

…жердь пуста.

Старик, приложив ладони козырьком к глазам, неторопливо – позевывая – озирает ущелье и речку.

– А где же мой уважаемый внук Алиджан?

Как щепку, швыряют волны Алиджана.

Указывая на мальчика, старик наставительно говорит ослу:

– Видишь, обормот, Алиджан – парень чистоплотный… Не надо тащить – сам в речку полез… А ты?.. Эх…

И, не спуская с внука глаз, сказал:

– Что-то и мне поплескаться захотелось…

Не раздеваясь, бросается в стремнину.

Бешеная река крутит деда и внука в крутых водоворотах.

Несет на камни, сближает, кидает в разные стороны.

Осел глядит на них, беспокойно притоптывая копытом. Рванулся было вперед, но тут же оглянулся...

…переметная сума.

Она стоит так, что между двумя половинками виден просвет.

Длинноухий, склонив голову, глядит на суму. Потом, догадливо кивнув головой, решительно подошел к ней.

Ловко просунул голову в просвет, резко выпрямил спину, встряхнулся и перекинул суму на спину.

С душераздирающим воплем пустился галопом по берегу вниз по реке.

С величайшим трудом доплыл старик до Алиджана.

Оба бьются с волной, стараясь выбраться на берег. Но мощная струя вновь и вновь отбрасывает их на середину.

Старику удалось ухватиться одной рукой за камень у берега, другой он крепко придерживает внука.

Дед и внук обессилены, задыхаются от страшной усталости.

Старик уныло:

– Похоже, тут и придется ночевать.

За кадром – откуда-то сверху – ленивый добродушный голос:

– Тонете, что ли?

В глазах старика и внука, барахтающихся в быстром потоке, – изумление.

Медленная панорама от воды на высокий береговой откос.

На камне сидит, прикусывая травинку, широкоплечий молодой узбек в одних шароварах, закатанных до колен.

У него бритая ладная голова, чистое мужественное лицо, ласковые глаза. Во всей его позе чувствуются покой и безмятежность.

Снизу ему оскорбленно возразил старик:

– Тонем? Кто тебе сказал? Купаемся…

– А-а… – у молодого узбека ослепительно белые зубы и обаятельная улыбка. – Однако, может, помочь, все-таки?..

Набежавшая волна окатила старика с головой, он откашлялся и ворчливо произнес:

– Нам и здесь хорошо… Но если тебе нечего делать, – как хочешь… Попробуй вытащить…»

IV

Эти двое не утонули. Сделались спасены.

Поглощающие воды преследовали пока лишь героев. Хотя, возможно, уже подкатываясь и к автору.

V

Именно в литературных делах Явдат Ильясов всегда оказывался удивительно трезв. Ведь там, где писательская душа Явдата вдруг просыпалась, осознав самою себя, она жестоко вытравляла из писателя Ильясова, пьян он уже, или еще не пьян, все мешающее творчеству, со-творению, написанию текста.

Худенький, бледный, лобастый, он часто недомогал, был застенчив и слабосилен, зато обладал необыкновенным тайным упорством, острым воображением и чуткостью. От обиды, особенно незаслуженной, он замыкался наглухо в себе. Но порой безграничное самолюбие заставляло его, внезапно вспыхнув, нападать на мальчишек намного старше. Нападать – и бить. Чем попало, лишь бы доказать свое.

Скорее всего, именно так: Явдат Ильясов принадлежал к той части русской интеллигенции (да не сочтется преувеличением), которую, по словам другого известного писателя, – не свалить было с ног и стаканом водки. Да ведь и работала такая интеллигенция не в пример… Не умея останавливаться на полусделанном, не торопясь отдыхать. До разрыва всех жил, аорт и – чего еще там…

До мгновенной остановки перенапряженного сердца.

Всего две открытки от Ильясова к Равилю Батырову сохранилось в моей коллекции автографов. Это все тот же 1964 год. Явдат со своею женой, наконец-то, оторвался от писательской сосредоточенности, издательской нервной трепотни, режиссерского вечного неудовольствия… Отбросил их, даже как будто бы позабыв.

Ведь сценарий в общем-то готов. В целом принят. И уже развертывается к жизни на съемочных площадках…

Можно даже попробовать сосредоточиться и на предстоящем отдыхе.

Сначала почти получается. Но потом, – хотя вскользь, хотя пока между строк, а все-таки – опять о работе.

«**Почтовая открытка. Авиа**.

Равиль, привет! Вот мы и в Гагре. Были в Тбилиси, проехали автобусом всю Грузию. Ездили в Сочи и Адлер. Живем в десяти метрах от моря, купаемся. Адрес я оставил тебе неправильный, переменился. Что нового? Пиши. Привет ребятам. Соображения по поводу концовки фильма вышлю на днях письмом. Будь здоров. 26 - V - 64 г. Явдат. г.Гагра. ул. Курортная, 52. Дом творчества СП СССР «Гагра» Ильясов Я.Х.»

В тексте следующей открытки еще существуют строки: *«Поправляться, так поправляться!»*. Но верит ли он сам в их исполнимость, если подразумевать планируемое ничегонеделание? Ничуть!

«30 мая 1964 г. Гагра.

Друг Равиль-Багатур, привет!

Отдыхаю, как говорится, душой и телом. Нисколько не жалею, что приехал сюда. Чудесная поездка! На следующее утро после того, как мы с тобой распрощались, я и Анор были примерно в то же время уже в Тбилиси. Осмотрели город, купили кое-какую мелочь, наелись до отвала шашлыку по-Грузински (я не ошибся, здесь так и пишут с большой буквы). И стоит писать – отличный шашлык. Мощь. В Тбилиси переспали на вокзале, в 6 ч. утра погрузились в комфортабельный автобус «Тбилиси – Сочи», и за 15 часов перемахнув через леса, горы и долины прекрасной Грузии, прикатили в Адлер. Остановились в пансионате. Побывали в Сочи. А с 24-го обосновались в Доме творчества. Купаемся, загораем, гуляем. Ай, хорошо! Дом стоит у самого моря, шагах в десяти-двадцати, волны шумят прямо у балкона. Понемногу пишу.

Катались на «Комете» (на подводных крыльях), на легком теплоходе, на простой весельной шлюпке, ездили в местной электричке. Осталось прокатиться на вертолете и глиссере – есть тут такие, навалом. Не отказываем себе ни в чем, кроме спиртного. Кормят, к удивлению, хорошо. Но мы нет-нет, да забежим в шашлычную – поправляться, так поправляться!

Главное – тут чистейший воздух, нет пыли и жары. Сказочный уголок! Море. Горы. Лес. Каждая штука сама по себе, в отдельности, волшебный мир, правда? А тут все это – вместе, да вдобавок субтропическая экзотика: пальмы, лавры, кипарисы и прочее. Восторг! Всего не перескажешь. Будем снимать здесь фильм, обязательно!

Познакомился с писателем Ник. Асановым (помнишь недавно в «Огоньке» «Янтарное море»? Ну, и так далее, личность, довольно известная в Москве). Сидим с ним

в столовой за одним столом, живем рядом. Я ему уже книги свои всучил. Видишь, какие мы пронырливые татары! Шутки шутками, а человек он приятный.

Ну, ладно, ближе к делу.

По поводу «Канатоходцев» считаю нужным повторить следующее.

1. Начинать с бравурной экзотической музыки – зурна, бубен, карнай. Пусть не «Дутар бояты», но что-нибудь такое. Обязательно. Главное – чтоб музыка была необычной, именно экзотической.

2. Соображения о судьбе Мирхайдара. Может, все-таки оставить его жить, а?

Ты объясни сомневающимся, что, дав Мирхайдару сбежать, мы хотим сказать этим самым, что «и снова – бой, покой нам только снится» и т.д., что судьба продолжается, Мирхайдар где-то ходит по земле, и надо держать порох сухим. А если кто-нибудь возразит – мол, дав Мирхайдару уйти, мы не выполнили задачу, поставленную в самом начале фильма (найти и уничтожить Мирхайдара), что это не от большого ума. Неужели они не замечают, что мы сделали гораздо больше? Показали ту жизнь. Разоблачили басмачей. Разбудили совесть и смелость у пастуха. Заронили в душу девочки мечту о светлой жизни. Закалили характер мальчика, пропустив его через сто испытаний. Наконец, взбунтовали народ против Мирхайдара, и это самое важное. Что касается физического уничтожения, то басмачей мы переколотили гораздо больше, чем погибло наших! Нет, Мирхайдар должен убежать, это заронит в души зрителя (должно заронить) искру тревоги, бдительности и настороженности. Иначе получится пряничный конец. Тьфу, с души воротит. Не убивать Мирхайдара!

3. При переходе старика и мальчика от переправы к одинокой крестьянской усадьбе (отснятые кадры) нет ощущения простора, зноя, дальней дороги, бескрайности. Это потому, что путники поданы очень крупным планом. Надо добавить пару кадров, сняв их издалека, затерянными на тропе на фоне гигантских пространств, открытых солнцу и ветру. Понимаешь? Вот так примерно (стрелкой указано на рисунок возможного кадра, сделанный Ильясовым – **авт.**) *Словом, ясно. Это надо сделать обязательно.*

Посылаю вырезку из «Сов. России» – пригодится для нового сценария. У меня уже есть кое-какие соображения.

Как там дела? Пиши. Привет Шадику, Жене, Лорду Гладстону Сергеевичу и другим товарищам. Жду горячих и сердечных посланий.

Явдат, сын Хасана». (Оба текста публикуются впервые – **авт.***)*

Не дай Бог, если у кого-то вдруг сложится впечатление, что в главном своем жизненном существовании Ильясов – это талант с пьяными кулаками, что только ими он и доказывал и утверждал себя. Ничуть не бывало… Подобное впечатление приживается у тех, кто живет внешним, воспринимая даже и книги, им созданные, как нечто само собой дополняющее внешнего же Ильясова. Ильясова без метафизики.

Между тем все его девять повестей – «Тропа гнева», «Согдиана» (впрочем, свою «Согдиану» Явдат Ильясов иногда называл романом, и, пожалуй, был прав), «Пятнистая смерть», «Стрела и солнце», «Черная вдова», «Золотой истукан», «Заклинатель змей», «Месть Анахиты», «Башня молчания» – до краев полны аллюзиями, невысказанной высказанностью. Тем, о чем хотелось бы поговорить, да нельзя было.

В шкуру прошлого не влезть никому, – ссохлась от горячего времени. И пишущий об истории – дурак, если он думает, что пишет об истории. Он пишет о настоящем: и слова из сопутствующего здешнего мира, и мысли подсказываются сегодняшним днем.

Ильясов вольничал. Позволял непозволительное: устами пьяного Хайяма, а то – и того лучше – словами государственного визиря, говорил о государстве и о больших правящих людях совсем по всем временам непотребное.

Ассоциативное.

Некий весьма благочестивый шах решил истребить всех смутьянов, дабы они не сбивали с толку правоверный народ. …Послушные слуги шаха разбрелись по стране, хватали смутьянов и тут же рубили им голову. Шах доволен: уж теперь-то в его державе наступит век благоденствия! Он торопил уставших слуг и наказывал нерадивых. И вот однажды они, заляпанные кровью, донесли: «Повеление ваше исполнено, о государь!» – «Хорошо! – воскликнул шах. – Я награжу вас за верную службу. Но где же народ, почему я не слышу ликующих кликов?» – «Некому ликовать, государь. У вас больше нет народа». – «То есть как?» – «Все обезглавлены»…

Естественно, что никогда никаким диссидентом Явдат Ильясов не был и не мог быть. Все его диссидентство заключалось в том, что его желание выпить водки или вина не совпадало с государственными праздниками.

Хотя, о чем же тогда вся книга «Стрела и солнце», на страницах которой царь Босфора, стремящийся покорить демократическую республику – Херсонес, независимо существующую в юго-западной части Тавриды, вдруг встречает стену из отчаянно стремящихся отстоять свою свободную независимость пахарей и рыбаков?

Где это он увидел такое, живя в стране единогласной, единодушной, единомысленной?

Все там, наверху, одинаковы. Вечно грызут друг друга, точно бешеные собаки, обвиняют друг друга в невероятных преступлениях, объявляют себя спасителями народа. Но стоит только кому-нибудь из этих презренных болтунов попасть на трон, он начинает обирать нас похлеще прежнего царя.

Дочь Ильясова – Илона, выросшая в хорошего журналиста, однажды записала рассказ отца о том, как он в детстве охранял земельный участок с посаженными там дынями, куда повадились приходить ночные шакалы, и пока люди спали, объедали желто-зеленый урожай. Бабушка мальчишки Явдата не стала искать человека, чтобы тот с колотушкой ходил вокруг дынь под ночными мокро-холодными звездами, тоже, как звездочет, стучал бы в свою колотушку и пугал шелудивых зверей.

Неподалеку от еще не обкусанных дынь в землю был врыт невысокий шест, увенчанный не короной, но двумя крышками от кастрюль. От шеста до веранды, где спал Явдат, протянулась бечевка, привязанная к его голой ноге. Длинными ночами налетали болотные москиты – в тугаях размножившиеся местные комары – и кусали Явдата. Мальчишка дергался и сучил ногой. Крышки гремели. И шакалы осторожничали, отбегая, оглядываясь и с неудовольствием передергивая клочковатую шерсть на спине.

Но под утро Явдат уже спал так крепко, что и москитам было его не добудиться. Просыпался же только тогда, когда уже наевшиеся шакалы начинали гнусно завывать над близкими болотами тонкими голосами, похожими на младенческий плач.

Так вот и в жизни Явдат все ворочался и ворочался в застоявшемся мире политики и литературы. И дергалась натянутая им бечевка. И гремели крышки окололитературных кастрюль, бестолково – и лишь на время – беспокоя всех, ожидавших своей еды.

Притча, она и есть притча. А недовольство государством – обычное дело – всегда выливается в недовольство самим собой, своей неспособностью сделаться одинаковым с другими, какие запланированно конструируются сверху.

Если же говорить не притчами и без восточных арабесок, государственная погода сиюминутного, а не древнего дня, стояла такая, что, как говаривал Михоэлс: *«Когда передо мной стоит бутылка и рюмка водки, я чувствую себя свободным. Это – волеизлияние»*.

Или еще, – из драматургических текстов афористичного писателя Сигизмунда Кржижановского:

– Поручик, почему вы так много пьете?

– Я слишком трезво отношусь к окружающей действительности!

Когда не хватало денег, Ильясов занимал их у друзей и опьянял себя.

Когда не хватало радостей этого мира, он сочинял текст и пил его мелкими глотками сочиненных слов. И кувшин, им созданный не из глины, а из сюжета и фабулы, в отличие от всех настоящих, испиваемых, выпиваемых до самого дна, оказывался неистощимым. Из него и мы до сих пор пьем. И на нашу долю осталось.

И, рискну сказать, в этом писатель Ильясов становился последователем, вторым «я» Абуль-Фатха Омара Хайяма Нишапурского, жил такой на земле, – поскольку и тот, и другой были опьянены словами и их смыслами. Ведь это только не сведущему в философии человеку прочитываются в рубайях Хайяма некие назидательно-винные многозначительности. Отнюдь… Хайям не был суфием, аскетом, дервишем, то есть мусульманином-отшельником. Но был поэтом-философом, который в понятие того же вина («мей») вкладывал метафорический суфийский же образ, расшифровать глубину и смысл которого способен часто лишь тоже суфий, владеющий ключом дервишизма. Но не мы – слепые люди, – не знакомые с метафорической, предельно поэтической, образной философией Востока. С ее зашифрованностью.

Кстати добавлю, – собственно хайямовских строк, по словам великолепной таджикской поэтессы Гулрухсор Сафиевой, атрибутировано лишь около четырех сотен. Все остальное, изученное ею по персоязычным (фарси) оригиналам, – многосотенное (или – точнее – многотысячное) его наследие, почти весь издаваемый пятитысячный рубайят, лишь более или менее точно записанный народный фольклор, более или менее точно переведенный (а по-сути дописанный и досочиненный) поэтами-переводчиками, и Хайяму приписываемый. Среди авторов «хайямовских» текстов можно найти даже женщину – поэтессу из Азербайджана Мехсети Гянджеви.

И не в кабак, по ее же, Гулрухсор Сафиевой, словам, Хайям приглашает читателей, но в страну «куништ», то есть в место, которое не имеет ни начала, ни конца….

Все это великолепно же понимал и Явдат Ильясов, потому и писал книгу все-таки не о пьянице, но о математике, астрономе, философе.

А в этих науках сам Ильясов знал немалый толк.

Хотя и в первом он тоже весьма и весьма разбирался.

Его учитель – шейх Назир Мухаммед Мансур говаривал так:

– Видел пьяниц! И пить грех, и хочется пить. Потому – разлад в душе.

VI

Из **ЗАКЛЮЧЕНИЯ** на фильм «Канатоходцы»

17 ноября 1964 года съемочная группа представила на обсуждение Художественного совета окончательный (на одной пленке) вариант картины «Канатоходцы».

По единодушному мнению членов Художественного совета, задача, поставленная перед съемочной группой – создать интересный увлекательный приключенческий фильм для юношества, – выполнена успешно.

Картина снята по оригинальному и своеобразному сценарию молодых кинодраматургов Я.Ильясова и П.Ташкенбаев. Сценарий написан в форме старинных средневековых легенд и сказаний, где люди говорят скупо и осторожно.

При всех жанровых особенностях, свойственных для приключенческой ленты, режиссер Р.Батыров в своей первой самостоятельной работе сумел избежать тех режиссерских штампов и трафаретных ходов, которые, к сожалению, часто встречаются в подобных картинах. Ведь нередко еще выходят на экраны фильмы, в которых стандартный детективный сюжет просто-напросто «гримируется» под национальную форму – люди одеваются в тюбетейки и халаты.

В этом отношении картину «Канатоходцы» можно с полным правом определить, как подлинно национальную форму приключенческого жанра, и в этом главная заслуга постановщика Р.Батырова. Режиссерское внимание сосредоточено не только

на приключенческой ритмике сюжета, а на воспроизведении необходимой фильму поэтичности узбекского пейзажа, национальных обычаев, специфических особенностей в отношении людей.

Вопреки установившемуся мнению, что приключенческий жанр требует стремительного потока событий, режиссер Батыров не перегружает картину обилием шаблонно острых сцен, предпочитая подробно и неторопливо раскрывать внутреннее состояние героев в форме больших эпизодов, почти новелл, где каждая деталь обстановки, пейзажа и поведения людей достоверно наполнена большим смыслом, народной мудростью.

Прообразом старика Таштемира послужил знаменитый узбекский канатоходец Ташкенбаев, родоначальник целой семьи народных артистов.

Это позволяет считать картину в какой-то мере биографической, хотя, конечно, ни одно из показанных событий не имело места в действительности. Но важно другое – образ канатоходца Таштемира удивительно верен правде тех лет, когда народные артисты, не колеблясь, шли в лагерь восставшего народа, уходили в красноармейские отряды.

В исполнении прекрасного артиста Р.Хамраева роль Таштемира обогатилась многообразием оттенков и нюансов. Это не просто канатоходец – это своеобразный философ, философ земли, бесконечных просторов и вместе с тем – это человек твердого гражданского долга, человек страстный и волевой. Таштемир Р.Хамраева никогда не бывает одинаков в средствах авторской выразительности. Единственная черта, которую можно считать непреходящей и основной в образе, – это неистребимая вера в победу добра. Вера, сближающая Таштемира с народным героем Ходжой Насреддином.

Авторы картины еще раз утвердили мысль о том, что народность фильма заключается вовсе не в масштабных массовочных сценах, а в постижении народного характера, в создании правдивой атмосферы действия.

Оригинально найдена режиссером композиция картины. Большая часть эпизодов развивается неторопливо, распевно, позволяя глубоко и подробно воспринять характеры персонажей, почувствовать поэтичность края. Весь зрительский интерес этой части фильма строится не на фабульном принципе – дойдут или не дойдут разведчики-канатоходцы до лагеря басмачей, – а на том, как идут герои, какие мысли волнуют их, с какими людьми они сталкиваются, о чем они беседуют…

В этой части картины постановщик обнаружил серьезную склонность к пристальному кинонаблюдению.

Но вот – финальные эпизоды картины. Ритм неожиданно меняется. Режиссер демонстрирует способность профессионально выстроить цепь напряженных острых приключенческих сцен. Таким образом, вся, так называемая детективная линия возникает ударно, неожиданно – в последних частях картины, после того, как зритель успел понять и полюбить героев – Таштемира и его внука Алиджана.

Фильм «Канатоходцы» интересен еще и органическим слиянием режиссерской и операторской трактовки. При всей выразительности и даже эффектности изобразительных средств Д.Фатхулина, операторская работа лишена самоцельных трюков и модных ухищрений. Камера Д.Фатхулина тактично и мягко помогает прежде всего раскрытию актерской индивидуальности, созданию поэтичной гаммы в пейзажах.

Фильм «Канатоходцы» свидетельствует о художественной зрелости его создателей и творческом развитии ими лучших национальных традиций узбекского киноискусства.

Художественный совет единогласно считает представить фильм «Канатоходцы» по первой группе оплаты за качество.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА КИНОСТУДИИ «УЗБЕКФИЛЬМ» И.РАХИМОВ

VII

По воспоминаниям одного из мемуаристов, он разглядел на рабочем столе Явдата Ильясова труды Ксенофонта, Геродота, Плутарха, Арриана, Рашид-ад-Дина, Насави, Джувейни с добавлением, конечно, исторических трудов В.Бартольда, Б.Владимирцова и С.Толстова.

Этот джентльменский набор имен, именно в этой – одинаковой для двоих – последовательности и с одинаковою же ошибкой («Б.Владимирцев», вместо «Б.Владимирцов») встречается сразу у двух авторов, пишущих о Явдате Ильясове – у Т.Лобановой (газета «Правда Востока» № 39 (21905) за 16 февраля 1989 года и у Н.Красильникова («Заглянувший в тайны веков», предисловие к книге Я.Ильясова «Черная вдова», повести, изд. Гафура Гуляма, Ташкент, 1991 г.)

Сомнительное наблюдение.

Я тоже однажды в свое деловое посещение Явдата нескромно рискнул вглядеться в аккуратно разложенные по столу, самостоятельные, без всяких поддерживающих сбоку книг, бумажные листы рукописи.

На каждой только что написанной странице – порядковый номер в правом вернем углу, взятый в завершающе точный, обводящий всю цифру, авторучечный круг. Позже я узнал эти рукописи, точнее – слова с их страниц, узнал уже изданными, читая его повесть «Золотой истукан».

Тогда же, кстати, не прикоснувшись к бумажным листам, я совершил кражу…

Вернувшись домой и исписав такой же бумажный лист каким-то уже своим собственным текстом, поставил в правом верхнему углу рукописи порядковый ее номер, взятый в завершающе точный, обводящий всю цифру, авторучечный ильясовский круг.

Присвоил украденную у Ильясова манеру нумерации литературных, только что написанных страниц.

Так делаю и до сих пор…

У Явдата, как помнится, не было библиотеки даже из собственных, им написанных книг. Ни одного издания.

Исчезновение дареных Ильясовым книг и из библиотеки того же Батырова было необратимо постоянным. Осчастливив одного из своих лучших друзей очередной, только что вышедшей книгой, взятой из авторских экземпляров (уже беспощадно раздаренных) и душевно снабженной дарственной надписью (вроде вот такой: *«Другу Равиль-Багатуру с пожеланием больших творческих успехов на ниве киноискусства. Явдат Ильясов»*), он сам всегда оставался ни с чем.

Режиссер Равиль Батыров, успешно снимающий уже новые свои фильмы, но вошедший в кинематограф все-таки успехом «Канатоходцев», где с подачи Ильясова удачно сошлись – история, приключения и судьбы нестандартных героев, в одном из своих писем к бывшему своему сценаристу сетовал не без оснований:

«Явдат!

Так складываются обстоятельства, что не имею совершенно свободного времени, чтобы встретиться с тобой. Кончаю съемки фильма, вышел на финишную прямую – в конце января должен закончить съемочный период, а осталось много. Не успеваю.

…Пользуюсь случаем напомнить о том, что в моей скромной библиотеке не хватает несколько книг. Какие – ты сам знаешь. И самая дорогая для меня среди них – «Черная вдова» с твоей дарственной надписью. Книга эта уже переиздана, в магазинах ее уже нет. Но нет ее и у меня! Как быть? Не забыл своего обещания?»

Когда некоему издательству, желающему поправить план ходкой хорошею книгой, приходило на ум переиздать последний исторический – всегда бестселлер! – роман Ильясова (*Общий тираж его книг, по данным Интернета, на 2006 год состав-*

*лял 23 миллиона экземпляров. Сейчас, понятно, эти цифры сильно увеличились. – **Авт.**)*, и они обращались к нему, писатель делал круг по своим друзьям, изымая у них недавно им же подаренные с автографом книги, раздирал их на рабочие листы, делал свежую расклейку страниц и сносил в издательство. Друзья же оставались и без книг, и без автографов навсегда.

Еще недавно подобное «раздирание» объяснений не требовало. Это в близкое к нам время, когда электронный набор тысячестраничной книги (да что там: десятка таких книг!) невидимо помещается на одной флэшке и легко может затеряться в неглубоком кармане, вопрос уже возникает…

Ответ прост: прежняя типографская печать требовала металлических матриц, – дело дорогое. Хранение же их для будущих переизданий – вообще невозможное. Одна, таким образом отлитая полоса для журнала или для книги весила пять-шесть килограммов.

Какие стеллажи выдержат килограммы металла хотя бы одной металлической книги страниц в двести, триста, четыреста?..

Грохочущие роторы накручивали тираж, издательство принимало напечатанное и отпускало измазанный черной краской набор в заслуженную переплавку. Матово и равнодушно блестящего металла должно было хватить на книгу следующего, наступающего на типографские пятки, автора.

Срочно переиздать прежнего? Значит взять предыдущее бумажное издание, разодрать на пять-шесть частей, по числу заново считывающих и перенабирающих текст линотиписток, чтобы набиралось быстрее, и – вперед…

Буковка за буковкой, строка за строкой, страница за страницей. Все должно обжечь заново, вновь прорасти из горячего котла расплавленного старого металла.

Не сохранялось у Ильясова собственных книг. Не образовывалось и собственной специальной исторической библиотеки.

Это у Батырова, когда он с великим воодушевлением вместе с Явдатом взялся создавать сценарий по «Согдиане», на блестящем столе в его маленьком кабинете на Чиланзаре появились как будто незаменимые книги. От Плутарха до путеводителя по Эрмитажу.

Явдат Хасанович писал иначе.

То есть, даже и опираясь на труды тех же – Ксенофонта, Геродота, Плутарха, Арриана, Рашид-ад-Дина, Насави, Джувейни с добавлением, конечно, исторических трудов В.Бартольда, Б.Владимирцова и С.Толстова, в своих литературных работах Ильясов цитировал уже как бы и не книги, «…лежащие на рабочем столе писателя», но утонченнейшую, неохватную, непостижимую свою память на источники, факты, имена и даты из исторического коловращения вселенной.

Он ведал, знал, – где что есть.

Помнил – в каком из побывавших у него однажды в руках издании, что можно найти. Ну, а точность цитаты, – это уж действительно только по книге.

А поскольку факты хранились не в разных отдельных книгах, а как бы в одном месте – в его голове, то они – естественно – находились в постоянном взаимодействии друг с другом, в столкновениях и отталкиваниях. Соударяясь, факты и события порождали неожиданные сопоставления, искрами взблескивающий неожиданный текст.

Омару исполнилось 10 – пирамиде Хеопса 3880. Ашшурбанипалово хранилище письмен погибло за 1670 лет до той поры. Аристотель умер 1380 лет назад. Улугбек родился через 336 лет. Джордано Бруно сожгут на костре через 542 года.

И вот эти, его писательским пером зафиксированные, описанные, выписанные уже не взблески, но всполохи света высвечивали невероятно широкое временное поле с вечным человеческим движением на нем – от VI века до новой эры к XIV веку, эры обещающе новой.

VIII

Все тексты Ильясова – движение. И метафорическое – за познанием, истиной, смыслом обитания на этой, давшей приют всякой жизни, равнодушной земле. И реальное – по этой самой земле, движение людей. Пеше ли, конно ли…

Тот же гибнущий юноша-массагет[1], именем Ширак, герой **«Тропы гнева»** уводит, вводит, заводит персидское войско в безжалостные пески, над которыми уже нет неба, но есть марево из стеклянного, жидко-раскаленного воздуха, и которые несут три цвета: красный – в глубине пустыни, желтый – по ее окраинам, и оранжевый – там, где пески смешиваются между собою (желтое с красным), порождая оранжевый цвет. Цвет смерти испепеленного солнцем войска захватчиков.

Мертвым шагом, позванивая железом оружия, скрипя кожей ремней и поваливая солдатским потом самоуверенного Рима, входят в те же смертоносные земли Востока войска Марка Лициния Красса, чтобы тоже найти собственную смерть, и тоже – бесславную. Это – **«Месть Анахиты»**.

Изгоняют из общей для всех людской жизни красавицу Гуль-Дурсун, ради татарского царевича Орду-Эчена, осадившего город, предавшей и собственного мужа, и сородичей-хорезмийцев, изгоняют в никуда, в вечно проклятое путешествие. О ней рассказывают разное. Одни – что степняки привязали ее к хвостам диких коней, разорвали на части. Чтоб все восхитились их честностью и справедливостью. Другие – что оставили в живых, но прогнали прочь. Она долго ютилась в развалинах среди подруг-паучих, питаясь черепахами и змеями. Потом сама превратилась в большую змею и до сих пор таится в подземных лабиринтах, ждет часа, чтоб вновь обернуться такой же, как прежде, красивой, страстной и страшной женщиной, чьей-то горькой любовью (**«Черная вдова»**).

Мечется по земле Хорезма и по всякой другой, чуя голос Руси зовущий, Руслан-Ируслан, силящийся догнать тот голос, добежать до него, поравняться влиться в обретенную Русь. Самому стать ее голосом. За тысячи верст зовет мать Русь своих детей, скитающихся по чужим дорогам, – и заблудших, сбившихся с пути, и тех, кто с чистым сердцем рвется к ней; зовет, не обещая дарового хлеба, скатертей-самобранок, печей, по щучьему велению бегущих в лес по дрова, безбедной праздной жизни под шапкой-невидимкой; зовет к трудам и новым заботам, и может – к новым невзгодам, к драке за добрую жизнь, о которой говорится в сказках, к выполнению сыновьего долга; зовет жалеючи их, горемычных: – Чадо мое, Печаль!

У Явдата Ильясова никогда не было своей Ясной Поляны, раз и навсегда обозначенного своего угла жизни.

Временем, еще не приливной, но как будто бы отливною волной сразу же сорвало с обманчиво спокойного семейного берега родины и принялось носить по свету. От башкирского села Исламбахты, где он явился на свет февральским днем 1929 года (получалось, – чтобы писать книги), до Ташкента (где эти книги и написались).

Хотя, – сидеть бы ему на месте, ведь по материнской линии он был как будто из знатного рода башкирских тархан, то есть князей вотчинников, вольно и без налогов (за что-то эту благость прежде ведь заслуживших), живущих в своей вотчине.

---

[1]Массагеты (греч. Massagetai) – собирательное название группы племен Закаспия и Приаралья в сочинениях древнегреческих авторов. О каких племенах говорит тот или иной автор, называя их массагетами, не всегда ясно. По Геродоту, массагеты – кочевники; сражались они пешими и на конях, причем их кони имели на груди латы; их утварь и оружие изготовлялись из меди и золота. В борьбе с ними погиб основатель Ахеменидской державы Кир, побежденный царицей массагетов Тамирис. По Страбону, массагеты поклонялись солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Наряду с кочевниками Страбон относит к массагетам обитателей приаральских болот и островов, живших примитивным собирательством и рыбной ловлей, а также некоторые знавшие земледелие племена (например, хорезмийцев). БСЭ т.15, стр. 450.

Но уже даже и его мать Сайдикамал (вариант: Саидкамал) Хисаметдинова не имела подобного настоящего, по каким-то там причинам (а какие еще, кроме войн и переворотов, могли быть причины в начале XX века?) воспитывалась в детдоме, чтобы сделаться комсомолкой и читать стихи. Слава Богу, не худшие: Габдуллы Тукая и Маджита Гафури. Да и сама – повернись женская жизнь по-другому, – пожалуй, смогла бы сравняться: талант был. Еще и после гибели Явдата печаль свою укладывала в бейты – легкие двустишия, из которых на арабском, персидском и тюркском Востоке легко можно сложить и газели, и касыды, и хайямовские рубайи…

В поэзию ее только-только начинающейся женской жизни, наверное, молодою же поэзией, вошел столяр-краснодеревщик Хасан-агай Ильясов. В Исламбахты работы для быта ему не оказалось, зато оказалась она где-то там, далеко, на Урале, куда он и рванулся, чтобы осесть. Звал с собою, к себе… Только что-то произошло, и Сайдикамал с трехлетним Явдатом бросилась от своего прошлого и от Хасан-агая в Среднюю Азию.

Уносила волна, откатывалась.

С того самого времени Явдат Ильясов принялся существовать, по сути же путешествуя тоже, еще и в шумном, самозначимом многоязычии: родным языком был татарский, но с пяти лет учеба уже на казахском, с шести – на узбекском, с семи – на русском.

Отчим – Али Закиров – умел печь хлеб и научил Явдата из абсолютно мертвого предмета извлекать живое дыхание не мертвого существования. А из монотонного замешивания равнодушной муки, через вековечное ремесленничество пекаря научил неравнодушному отношению к обыденной жизни.

Если она не мелка.

Что губит судьбу человеческую? Ядовитая пыль житейских мелочей. Он давно стряхнул ее с души, как иной после долгих дорог отряхивает прах с разбитых ног.

Впрочем, не думаю, что подобных зерен одухотворения мертвой природы в него, Ильясова, следовало как-то вбрасывать. У него это словно было внутри изначально. Подобное одухотворение – живая, питающая кровь всякого писателя. Без умения так понимать внешний мир писатель мертв, как остается мертва и не увиденная им по-настоящему, в настоящей своей собственной жизни, всякая великая и мелкая природа.

И до, и после своего пекарства он побывал возчиком на лубяном заводе, собирал овощи, копал землю, пас лошадей, работал на молотьбе, молотобойцем в кузнице, слесарем, трактористом, учителем: как-никак – успел поучиться и в ФЗО, и в педагогическом, и в художественном училищах[1].

Нет, Ясной Поляны у него уж точно не случилось.

Все из случившегося и случайно, и – нет. Во всем – подступы к текстам, к литературе.

Будто сама эта природа то и дело притягивала его к себе, делая так, чтобы было кому пожаловаться, чтобы появился тот, кто ее бы расслышал.

А у Явдата Ильясова это получалось:

– Я впервые услышал, как трактор кричит человеческим голосом.

Писатель Ильясов живую жизнь извлекает как бы из открывшихся ему ее событий, из предметов, попавшихся на пути, рассказавших ему о чем-то с собственной целью, чтобы он пересказал расслышанное всем, не имеющим подобного дара.

В этой связи нам не избежать, не избыть и еще одной параллели, кроме уже прежде – Ильясов-Рашидов – названной: Ильясов-Бородин.

---

[1]Подробно о юности Явдата Ильясова и о его семье в интереснейшей книге Илоны и Джангара Ильясовых «Несмотря – и вопреки. Повесть об отце».

IX

Ильясов больше, чем кто-либо другой, чем тот же Сергей Бородин, строил свои повести по очень жесткой схеме. Подчас откровенно умозрительной. Живое движение жизни он оковывал железными рамками сюжета и – точно машинист поезда – строго вел свой литературный состав по заранее проложенным рельсам, от завязки к развязке. Другое дело, что люди в прицепных главах-вагонах пели и смеялись, искренне оплакивали друг друга и искренне же любили или ненавидели. В строго умозрительных главах расчисленных железной рукою писателя Ильясова, они – несмотря ни на что – жили вольно, по своим человеческим законам, – здесь он им это позволял.

Так два писателя сталкивались в одновременном мире исторической литературы. Сталкивались и в мире не вымышленном.

«…Мною любимый писатель Ильясов, уже известный прозаик, оказывается, три года отсидел в тюрьме. После выхода он работал в разных учреждениях, и однажды главный редактор журнала «Звезда Востока» Андрей Иванов пригласил Ильясова и предложил ему должность завотделом поэзии. Явдат часто посещал «Пятак»[1], где в компании Панова, Белова, Ушакова[2] порой напивался до чертиков.

А чуть позже произошло ЧП. Известному в стране прозаику Сергею Бородину присвоили звание Народного писателя Узбекистана, и, по существующей традиции, автор книг «Дмитрий Донской», «Звезды над Самаркандом» и других решил отметить это событие. Среди приглашенных на торжество оказался и Явдат Ильясов.

Застолье было обильным. Вино, как говорится, лилось рекой. Сильно подвыпивший Явдат вдруг надумал выяснять отношения с Бородиным: у Ильясова было подозрение, что старший коллега очень критически относится к его творчеству, а потому порой «перекрывает шланг с кислородом».

После этого инцидента Явдат долго лежал в больнице, а Бородин, как и следовало ожидать, вовсе отвернулся от него[3].

Ильясов не терпел представительства в литературе, он понимал лишь присутствие в ней.

Нельзя во имя красоты, к примеру, уродовать чей-то красивый лик. Или – во имя света разрушать светильник… …Это все равно, что лгать во имя правды. Потому я бунтую. И пью. И буду бунтовать. И пить. Пусть хоть голову снимут.

Беда заключалась в том, что Сергей Бородин умел и представительствовать в ней, и в ней же присутствовать, чего, допустим, в таком сочетании не удалось, как мне кажется, писателю Шарафу Рашидову.

Вот эти-то двое, Ильясов и Бородин, как раз-то и были настоящими историческими соперниками на ташкентском литературном поле.

Ни тот, ни другой никогда и ни в одном из своих солнечных текстов, сплошь и рядом состоящих из золотых сверканий Востока, из этой не сочетаемо радужной халатной пестроты, красок для них никогда не жалели. Булькающими шлепками оба швыряли их на свои литературные полотна.

Что, по-моему, понятно: и Бородин, и Ильясов, оба были – и не метафорически – еще и просто художниками.

Помню пространственное ощущение от пустых стен его полупустой чиланзарской квартиры:

ни-че-го…

---

[1] Общепринятое название одного из самых популярных в Ташкенте кафе, находящегося когда-то в самом центре главного по значимости Сквера в городе.

[2] Ташкентские писатели 50-60-х годов.

[3] Мухамедов Сухроб. «И в снах – мелодии Джангоха». Изд. «Ижод дунёси». Ташкент. 2002 г.

Одни лишь нежные акварели самого Ильясова. Без рамок и стекла. Прикнопленные к обоям.

Голубоватые толстые змеи, сжатые в серебрящиеся кольца. Крутолобые и горбоносые сайгаки с тонкой сталью напрягшихся ножек, со вздернутой тяжестью изогнутых ребристых рогов…

Акварели неярки. Краски их выцветшие.

Но не от времени, а от шуршания по ним сухих песков и от постоянного царапания по бумаге вечно перекатывающейся под гармсилем сухой травы емшан, сладко пахнущей степной свободною пылью.

Зато проза Бородина до такой степени ярка, что ее сияющие краски иногда, похоже, осточертевали самому писателю. И тогда, по внимательному наблюдению ташкентского художника и скульптора Дамира Рузыбаева, в «Звездах над Самаркандом», например, появлялись: то «серый» дом, то «серый» рабат, то даже «серая» лепешка.

Карандашные рисунки Бородина до сих пор спят, рассортированные по музейным папкам. Акварели Ильясова, некогда развешанные по стенам сменяемых – от жены к жене – квартир, должно быть, тоже где-то хранятся.

И если Бородин, по большому счету, писал как бы о государстве (что такое Амир Тимур, как не государство Тимуридов?), то есть как бы о ни о чем, то Ильясов – о людях в предлагаемых обстоятельствах. То есть как бы обо всем, в том числе – по итогу их, людей, существования – и о государстве тоже.

И если проза Сергея Бородина, как бы перецветшая, перезревшая, пережившая сама себя, набухшая текстом, лопается от сока горячих метафор, то проза Явдата Ильясова – суховата, жилиста. Все соки ее внутри торчащих ветвей и словесных почек. Она – жилистый саксаул, который не разрубить, который лишь только разламывать. Ей еще цвести, созревать. Она вся в ожидании оплодотворенной и тихо – изнутри – зреющей радости от нарождающихся картин. Через только лишь напитываемой весенними красками, только лишь завтра, да, только лишь завтра, зацветаемой пустынной земли, сегодня еще сухой…

Крестьяне везли на базар свои урожаи. Дыни высовывались из мешков и корзин: то длинные полосатые; то круглые, желтые; то гладкие пятнистые крапчатые; то ребристые мутно-зеленые; то голубоватые, зимние, с шершавой кожурой, которые всю зиму висят под кровлями в камышовых сетках, – чем дольше висят, тем слаще становятся. И у каждой – свой неповторимый вкус и запах. Пахнут дыни миндалем и ванилью, мятой или хвоей, – это из «Звезд над Самаркандом» Сергея Бородина.

А это – из «Заклинателя змей» Явдата Ильясова: *Едва сизый кречет рассвета вспугнул и погнал на запад черную галку ночи и следом взмахнул крылами яркий фазан зари, Абу-Тахир Алак призвал к себе Омара Хайяма.*

И снова из него, о землетрясении, почти афоризм:

И не стало никого, кто мог бы сказать другому: «Не плачь» …

Есть, если нужно, и другое:

День нищего равен трем дням благополучия.

X

Как же они хотели – Ильясов и Батыров – поработать сообща хотя бы еще один раз.

И однажды оба сошлись на лучшей из опубликованных повестей – на «Согдиане».

Оба, и общим разом, обложились чистыми листами бумаги, авторучками и карандашами. Застучали на пишущих машинках. Оба во имя дела, начатого с восторгом нетерпения, даже поизменяли собственным рабочим правилам: Равиль Батыров

перестал сидеть в сигаретном дыму, переваливая за полуночные часы; Явдат Ильясов откладывал ранне-утреннюю работу. Оба сдерживали творческие силы для сведения их вместе все там же – в маленьком кабинетике Батырова. Этим самым заранее оберегая будущие словесные взрывы: образное воплощение случившихся прежде событий.

Сбереженное таким образом потом с грохотом вырывалось из-за закрытых в комнату дверей…

И древними голосами возмущенных согдийцев, обрывавшимися сухим приглушенным хрипом, – не из-за той же ли прошелестевшей по ним полынной травы емшан?

И последними вскриками мертвецов, добиваемых копытами окровавленных коней, от страха по-сумасшедшему выкатывающих наружу круглые глаза.

И общим гвалтом, и гулом от всех степных битв между Александром Македонским и вождем никак не покоряемых согдийцев – Спантаманой.

За тонкою дверью эхом ударов железа о железо гремели громкие битвы. Перед дверьми же – было приказано ходить на цыпочках.

Древние предания склонялись в сторону побежденных. Написанные страницы сценария оказывались безжалостными к требованиям кино. Проза Ильясова оказалась так жилиста и крепка, что вновь ее было не переломать.

В написанном, наконец, сценарии, вопреки стремлению мужественно талантливых авторов, победила литература. Она практически всегда побеждает правила кинозаконов.

Сценарий «Согдианы», по-видимому, оказался генетически не соприкасаем с повестью «Согдиана».

За последним ужином, после того, как указательный палец кинорежиссера в последний раз стукнул по клавише с точкой, запотевшее в стеклянных фужерах вино пилось невесело, мелкими холодными глотками.

XI

Июль 1970 года. Текст из моего архива:

Обсуждение киносценария «Согдиана».

Мнение Сергея Петровича Бородина:

– Пересказ романа, но нет сценария. Нет материала для сценария.

Нет кинематографического диалога. Нет изобразительных решений. Действие временами затянуто, нет динамики. Сценарий несколько обеднен сравнительно с романом. Что-то утеряно. Надо искать такие черты, (такой) колорит, которые не повторяли бы последующие эпохи. «Бен Гур», «Антоний и Клеопатра» – надо их превзойти. Надо поработать под новым углом зрения над окончательным вариантом.

(Записано Р.Батыровым. Запись публикуется впервые.)

Всё сказанное – правильно. Где-нибудь в архивах киностудии должна сохраниться машинописная копия сценария несостоявшегося двухсерийного фильма «Согдиана».

Выводы можно проверить. И всё сойдется. Всё, кроме случайно прорвавшегося:

«Нет материала для сценария».

Было-то ровным счетом наоборот: его удивительное, жадно схваченное обилие погубило авторов.

Но ведь уважаемый Сергей Петрович так, пожалуй, сказал не о сценарии, а все-таки об авторе. Писатель читает писателя по-другому. Не так, как все.

Вот это вернее.

И остался непотревоженным «Бен Гур».

И не взлетел на коня, умеющий с ним сливаться, виртуозно владеющий любым

холодным оружием, блестящий польский артист Даниэль Ольбрыхский, которого очень хотели пригласить на главную роль в «Согдиане». На Спантаману ли? На Александра ли Македонского-Зулькарнайна? А может, на две роли сразу? Он и смуглый согдиец с выцветшей до степного цвета, туго заплетенной пыльной косой, и рыжий эллин со светлокудрявыми длинными волосами…

Это могло быть чудом. Но сценарий возвратили на доработку. Ну, а то, что не сбылось сегодня, уже никогда не сбудется.

Отложенное на завтра – выброшено из жизни.

И не забеспокоились «Антоний и Клеопатра».

XII

Ильясов, некогда начинавший и со стихов тоже, никогда не был поэтом ни в прозе, ни в тех же стихах, – то есть никогда не ставил метафору выше строгости и точности фразы. Все его стихи – это зарифмованная мысль, это некая тренировка, разогрев перед литературной работой. Это всего лишь словесная и мозговая подзарядка, тренировка фразеологических мышц. Чему-то подобному отдавал профессиональную дань и Максим Горький, всякое утро, прежде чем потянуть тяжеленный воз «Жизни Клима Самгина» дальше, обязательно пишущий две-три рифмованные строфы. Тут же сжигаемые в стеклянной пепельнице.

Стихи Ильясова программны. В них и его семейная – почти всегда нескладная – жизнь, и его писательское кредо. Хотя и post faktum.

А у соседей – баккара, // и даже бра // из серебра, // и даже золотой олень… // А вам // сходить по делу лень, // стихи плетете целый день // и сквозь усы ворчите. // Вы не мужчина, // вы – тюлень! // – Родная, не кричите. // Согласен: // нету // мужа // хуже, // но что поделать // окаянному? – // тюлени // неуклюжи // в луже, // они привычны // к океану… (**«Тюлень»**).

Понятно же, что здесь, в стихах, легко просматривается не явное начало явной же еще и семейной трагедии. И – подспудным, подкорковым ощущением вдруг отчего-то вспоминается вода тяжелого океана.

А вот и опять попытка объяснить, оправдаться, избыть трагедию:

Что значит балласт? // Нуль. Никчемный пласт. // Синоним мертвого груза, // бремя, помеха, обуза, // ни катет, ни гипотенуза. // Чего же с ним возиться, // дозвольте выспросить? – // взять, увязать, // да к черту выбросить! // …Да вот незадача: // есть некое «но» – // даже судно отменного класса // тотчас опрокинется, // вывернув дно… // Выходит, // нельзя // без балласта? (**«Балласт»**)[1] .

Да что же это такое, наконец, – откуда у жителя среднеазиатской суши, из окон писательского кабинета которого вполне могли бы быть видны хребты Тянь-Шаня или же, вопреки самому Явдату, скажем метафорически, пески Кызылкумов, откуда у Ильясова такое постоянное ощущение воды, опасно грозящей уничтожением?

Неужели вот так и умудряются писатели предугадать свою судьбу? Написав ее.

Ведь не получается объяснить все с ними происходящее совпадением, случаем, случайностью. Не получается и поверить, что не судьба ими ведет, предугаданная, но они ведут сами себя, творя самих себя, а уж судьбу – заодно.

Нет, все-таки предугадывают судьбу. А раз предугадано, то следует и воплотить. По крайней мере, приблизиться к предугаданному, чтобы посмотреть, – прав оказался или же нет. Подобное называется – заглянуть в бездну.

Писатель пишет судьбу, даже не подозревая об этом. Буква за буквой. Строка за строкой. Страница за страницей.

[1]Стихи публикуются по тексту, впервые появившемуся в многотиражной газете «Среднеазиатская магистраль» 21 февраля 1989 года № 23 (5209). Публикация А.Я. Мигловец (третьей жены писателя).

Они в ней – и ведущие, и ведомые.

Отсюда банальность, то есть – вечное: писатель – уже сам по себе судьба.

Совсем-совсем мальчишкой, но уже понявшим, что Жюль Верн нечто настоящее и что миры, им выдуманные, реальнее совхозной реальности, Явдат назвал себя капитаном Немо и целыми днями не уходил с берегов вяло тянущейся возле Ташкента реки Чирчик.

Я выходил на берег, увлеченный какими-то мечтами. Такое было яркое изумительное весеннее небо, высокая зеленая трава, пахло диким чесноком…

Местный, часто пьяный паромщик, и слыхом не слышавший ни о каком философе Хайяме, сколотив для мальчишек, собравшихся возле Явдата, узкий неустойчивый плот – три бревна и две поперечины – тотчас же принялся сокрушаться по этому поводу:

– Паразиты! Если потопните, кто будет виноват? Я буду виноват!

– Кто потопнет? Мы?.. – не узнавая Харона-паромщика, за всех отсмеивался Явдат.

Он уже как будто начинал жить так, чтобы писать. Тогда – и про трехбревенчатый плот, и про опасную реку, – полноводье, протоки, острова…

Исписанные тетрадные листы в клеточку и косую линейку посылал в Ленинград, в очень популярный детский журнал «Чиж», близкий к обэриутам и читаемый в расшифровке как «чрезвычайно интересный журнал».

Литературная жизнь начиналась текстами о приключениях на воде.

Явдат Ильясов некогда рассказал об этом дочери Илоне, много делающей и сделавшей для его памяти. Именно она, составляя «Интервью с отцом», записала этот рассказ из детства (вошел в «Повесть об отце»).

Смертник японский, // прикованный к пулемету, // Знает: он жив, пока строчит. // …С пяти утра я сажусь за работу, // Как пулемет, карандаш стучит. // Не завидуйте нам, обыватели! // Мы – Сизифовы наследники; // Это лишь званье такое – писатели, // А на самом деле мы смертники… (**«Сыну моему Джангару»**).

Всякий умерший писатель, если он не перестал быть писателем к своему концу, ну, просто обязан оставлять после себя нечто незаконченное, незавершенное, недосотворенное.

У Ильясова на это место стала его последняя повесть «Башня молчания».

Молчания.

Впрочем, тексты в отличие от жизни молчанием не заканчиваются…

XIII

И отчего это все-таки, черт возьми, писатели умудряются предсказать, предугадать, накликать свою судьбу? Вернее – всего лишь форму своего существования в этой жизни, как форму своего ухода из нее. Умудряясь своею смертью войти во внутреннее согласие с ней, если не произошло внешнего.

Ради чего человек может покинуть друга? …Ради семьи. …А семью? Ради селения. А селение? Ради страны. А страну?..

– Ради Аллаха! – крикнул кто-то богобоязненный.

Но скоморох, испытующе, с умыслом помедлив, твердо произнес:

– Ради самого себя.

Жил такой на земле.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Птицы

Притча

Пролетающая над материком стая диких уток, выбрала посадочную площадку в центре небольшого леса. Гомон пришлых птиц заглушил все другие шумы маленького, густо населенного мира. Пришельцы даже не старались вписаться в неведомую им среду. Им нужно было лишь немного передохнуть и набраться сил перед следующим рывком на юг. Одна из птиц заметно хромала, тяжелый клюв клонился на сторону. Ее сородичи, поклевав, что Бог послал, попив из лужи, засобирались в полет. Больная птица взмахнула пару раз крыльями, поднялась метра на два, а затем камнем упала вниз. Желание не оторваться от стаи заставило ее сделать еще одну попытку, закончившуюся полным провалом. Птица упала на бок, смешно задрыгав перепончатыми лапками. Родная стая уменьшалась в размерах, поднимаясь все выше. Старая утка, подруга заболевшей птицы, спланировала к земле, чтобы попрощаться:

– Не грусти. Скоро ты выздоровеешь, а на обратном пути мы тебя заберем с собой.

Больная утка не ответила, только склонила набок клюв.

Стая улетела, а больная уточка провела весь оставшийся день в полузабытье. Под вечер она очнулась, с трудом доковыляла до лужи. Она чувствовала себя так скверно, что распрощалась с белым светом и приготовилась к самому худшему. Ночь прошла ужасно. Ей мерещились всякие ужасы: дикие волки, шакалы. Наутро утка удивилась тому, что осталась жива. «Да уж, голодный волк и тот откажется от такой добычи, как я. Больно неаппетитный у меня вид». Лесные птицы щебетали, кричали, каждая на свой лад. Несмотря на обилие разных птичьих говоров, все они понимали друг друга. Иногда какой-нибудь весельчак начинал изображать говор родственника. Получалось у него замечательно, а остальные потешались от души над тем, кого он так удачно копировал.

Все уже успели заметить пришлую утку, но никто не решился подойти поближе. Трясогузка, оказавшаяся самой смелой из птиц, приблизилась, подпрыгивая, будто танцуя диковинный танец.

– Послушайте, любезная, что это вы тут разлеглись на нашей поляне, как у себя дома?

Больная уточка раскрыла клюв, чтобы ответить, но из глотки вырывались сиплые звуки. Трясогузка продолжила наступление:

– Не думайте, что вы нас разжалобите вашим притворно больным видом, и, к тому же, вы – дикая утка и должны знать, что здесь, в лесу, сильный пожирает слабого. Вы выбрали плохое место для болезни, милочка. Здесь вам не птичья ферма, где станут делать уколы и давать витаминный корм. Здесь у нас наши законы. Лесные. И если вас на глазах у птичьего народа сожрет хищник, мы ничем не сможем вам помочь. Вы понимаете, дорогуша?

Услышав вдруг ласковое слово «дорогуша», утка слабо кивнула. Трясогузка улетела, не дождавшись ответа. К удивлению птиц, и на следующее утро утка еще была жива, а к полудню она даже поднялась. Через неделю больная утка довольно бодро ковыляла по лесу и заводила новые знакомства. Трясогузка по праву первой знакомой задала ей кучу вопросов, на которые утка постаралась ответить. Рассказ ее был не так драматичен, как предполагала трясогузка. Вся ее утиная жизнь уклады-

валась в обычные каноны. Ничего необычного. Сначала утка вылупилась из яйца, совсем так же, как и другие птенцы из выводка, потом немного подросла, научилась летать. Трясогузка все ждала, когда же утка дойдет до момента, связанного с болезнью, но не дождалась. Утка говорила о всяких неинтересных подробностях: о селезне, неравнодушном к ней, о завистливой подруге, о старой крякве, отравлявшей жизнь, а вот о том, где она подцепила заразу, утка не сказала ни слова. Она и сама не знала. Наверное, простудилась, когда неосмотрительно искупалась в ледяной горной речке. А как приятно было греться на солнышке и чистить перышки после хрустальной воды! И вот результат. Заболела и чуть не померла. Теперь ей нужно быть осмотрительнее.

Всю зиму уточка провела в лесу, приспосабливаясь к новым условиям жизни. Она еще ни разу не проводила зиму в холодном климате. Привыкла к тому, что зимой она вместе со своими соплеменниками перелетает в теплые края. К удивлению и радости уточки, ей помогли новые знакомые птицы. У уточки, появились друзья и просто знакомые. Кукушка и соловей при встречах с ней раскланивались. А вот трясогузка и бесхвостая воробьиха вели долгие задушевные разговоры. Уточка свила себе уютное гнездышко и почти перестала вспоминать своих сородичей. Зима оказалась мягкой. Всезнающая трясогузка рассказала о том, что услышала от многомудрой летучей мыши, случайно залетевшей в их лесок. Та говорила о невероятных вещах. И прежде всего она поведала о том, что скоро дикие птицы перестанут перемещаться с севера на юг и обратно в поисках вечной весны. Журавли, к примеру. Огромные стаи из пятисот-шестисот птиц перелетают из одного конца земли в другой. Красавки, самые элегантные из них, когда летят, любо-дорого на них смотреть. Но сколько опасностей их ждет в пути! Перелетные птицы перестанут метаться, надеясь прожить свой недолгий век в райских условиях. И все потому, что скоро на земле не останется края с холодным климатом. Везде будет тепло и даже жарко. Исчезнет снег. Трясогузка, конечно, отнеслась ко всем этим россказням с недоверием. И не такое слыхали! Однако прошло две зимы, и каждая следующая становилась теплее. Кукушка внесла свою лепту в удивительные истории, поведанные трясогузкой, она прибавила очень интересную деталь. Летучая мышь, по словам кукушки, никакая не птица и даже не животное, как утверждают некоторые птицы. Летучая мышь – это оборотень. Люди, умеющие оборачиваться в разных животных, иногда не утруждают себя тем, чтобы принять облик того или иного зверя, птицы или даже большого насекомого. Иногда они просто становятся летучими мышами, очень похожими на маленьких человечков. Этим объясняется то, что эти твари активны по ночам, когда люди отдыхают, и трудно выяснить, куда запропастился тот или иной представитель человеческого племени. Их исчезновение из общества людей ночью происходит незаметно. А днем летучие мыши – всего лишь лоскутья пыльной материи, лишенные всякой жизни. От этих тварей можно услышать очень много интересного. Кукушка вдруг оглянулась по сторонам, прежде чем продолжить свой рассказ. По ее словам, летучие мыши – не только оборотни, но к тому же вампиры. У них длинные острые клыки, и они не церемонятся со своей жертвой, тем более, что чаще всего их жертвами становятся люди. Таким образом они расправляются с теми, кто им не угодил, или просто получают удовольствие. «Это так удобно, – вздохнула кукушка, – наказать обидчика и все свалить на неразумную тварь». Утка очень удивилась тому, что рассказали ее новые знакомые. С наступлением весны дикая уточка присоединилась к своей стае, летевшей обратно после зимовки. Она стала одной из самых уважаемых уток в своем роду, потому что, проведя целую зиму вне родной стаи, приобрела очень ценный опыт, и молодые, неопытные утки очень часто приходили к ней за советом.

В эту же зиму в лесу произошло событие, надолго оставшееся в памяти птичьего народа. Та же самая летучая мышь принесла в лес новость о напасти, которая надвигается на всех пернатых. Болезнь, страшная эпидемия, поглотившая уже тысячи птиц. В первую очередь катастрофа затронула домашнюю птицу. Птичьи

дворы стали похожи на поле брани. Первое время дикие птицы злорадно ухмылялись, радуясь такому обороту событий. Затем наступил второй этап, когда от случайных контактов между птицами эпидемия перекинулась и на диких родственников. Тогда же летучая мышь, не оставлявшая ни одного события без своих комментариев, распустила слухи, взбаламутившие и без того встревоженных птиц.

– А вы знаете, – нашептывала она старой сове, мирно дремавшей на ветке, – вы знаете, кто вам принес в лес заразу? Это же так очевидно, только слепой не заметит, – при слове «слепой» сова проснулась и стала внимательно прислушиваться к словам летучей мыши: – Ваша уточка, которую вы так привечали. А я сразу поняла, что она появилась здесь не случайно. С чего бы это утке отделяться от своей стаи? Вы скажете, что она из вашего семейства диких уток. А я вам отвечу: «В семье не без урода». Ваша больная уточка – настоящий лазутчик. Она шпион, подосланный вам. Не забывайте: утки бывают не только дикие, но и домашние. Вот где вся правда! Они двуличны. Могут прикидываться то домашними, а то и дикими, по обстоятельствам. Скажите мне, видели вы когда-нибудь домашних орлов? Или сов? Или домашних летучих мышей? А? То-то и оно.

– Ну, почему вы так уверены в этом? Уточка никому не принесла вреда, да и поправилась уже и даже улетела.

– Поправилась, поправилась. А вы знаете, сколько птиц перебывало за это время в вашем лесу? И они больше не появлялись здесь. А вдруг они все перемерли? А?

Сова распахнула свои и без того громадные подслеповатые глаза, раскрыла клюв, чтобы ответить, и, не сумев найти вразумительного ответа, закрыла его.

***

На самом деле все происходило как раз наоборот. Дикие птицы, вернее их верхушка, парившая высоко в горах вдали, от основной массы птиц, занятых поиском пропитания, затеяла рискованную авантюру. Им захотелось утвердить свою власть и распространить свое влияние на всех пернатых, а затем, как знать, может, захватить власть над миром. История отношений между двумя лагерями одного птичьего народа очень смахивала на отношения между разными людскими народами. А иногда и одного народа, что-то не поделившего между собой. Только позднее, когда война была в разгаре, весь лагерь диких птиц узнал правду. И то благодаря заботам летучей мыши.

Отношения между домашней птицей и ее дикими сородичами давно перестали быть безоблачными. Новая война еще не была объявлена, однако все прежние обиды всплыли и перемалывались ежедневно. Домашняя птица без конца проклинала своих хищных родственников: ястребов, соколов, орлов, чей интерес к потомству кур, уток и других представителей птичьего двора оставался неизменным на протяжении многих столетий. Конечно, они могли бы вспомнить прежде всего о своих покровителях, «друзьях» – людях, заботившихся об их потомстве с одной-единственной целью: проглотить их за обедом. Самый свирепый хищник на земле – человек, хотя бы потому, что он убивает, не только когда голоден, но и по многим, иногда необъяснимым, причинам. С этим согласился весь птичий народ. Но что может сравниться с теплым, чистым курятником, где не нужно думать о том, где отыскать себе зернышко. Не нужно беспокоиться, куда-то лететь, чтобы не замерзнуть в холодную погоду. И вообще о чем-то беспокоиться.

Люди стали править всем миром, потому что они очень наблюдательны и охотно перенимают у всех, кто их окружает, то, что позволяет им улучшить свое существование, сделать его комфортным. Они сначала любовались, а потом и сами стали пытаться подражать полету птиц. Та же летучая мышь просветила сову и по этому вопросу. Она привела в качестве примера изобретение человека Леонардо да Винчи. Он придумал использовать птичьи крылья для того, чтобы человек, это не-

уклюжее создание, способное передвигаться только на двух конечностях на небольшое расстояние, полетел. Леонардо долго изучал строение крыла самых больших, могучих птиц. Чтобы поднять в небо такое тяжелое животное, как человек, нужны очень сильные крылья. Сова с любопытством выслушала рассказ летучей мыши, а затем сказала свое веское слово:

– Ну, и что ты мне тут плетешь про какие-то крылья? Всем известно, что люди уже давно летают на железных громаднейших птицах. И если, к несчастью, перелетные птицы сталкиваются с этими монстрами, то можешь не сомневаться, они погибают.

– Конечно, уважаемая. Самый первый человек, попробовавший полетать на крыльях, сделанных Леонардо, разбился. Но за ним шли другие. Они сделали то, чего никогда не смогли бы сделать птицы. Они придумали железную птицу. А знаете, с кого люди скопировали свою самую большую и мощную железную птицу?

– Уж не с тебя ли? Ты столько всего знаешь о людях, что мне иногда кажется, что это неспроста, – сова попыталась заглянуть в маленькие глазки летучей мыши.

– Уважаемая, при всем моем почтении к вашему возрасту и репутации мудрой птицы, я удивлена. Разве вам не известно, что самый верный способ победить – это хорошо изучить противника. Нет, уважаемая, не с меня. Свою большую птицу они скопировали с черного грифа, или черного кондора, как Вам больше нравится. Того, кто пытается сейчас вами всеми управлять; я краем уха слыхала об этом.

– Да, не зря о вас, летучих мышах, ходят разные слухи, – сова помялась, – говорят, что вы оборотни, можете превращаться то в человека, то обратно в летучую мышь. Тебя ведь нельзя назвать птицей. Так, …ни то, ни се.

Летучая мышь посчитала более разумным не продолжать дискуссию, тем более, что она, как всегда, дала пищу для размышлений сове, с которой советовались почти все серьезные птицы леса.

***

Очень давно, об этих временах рассказывали вороны, птицы, известные своей хорошей памятью и страстью изр-р-р-екать истины, птичий народ жил по единым птичьим законам. Все одинаково заботились о пропитании, жилье, потомстве. Сильные поедали слабых. Слабые роптали, но не слишком громко, боясь навлечь на себя гнев сильных и стать изгоями. Могучий и справедливый король – птица Симург – стоял над всеми птицами. Однажды он исчез. И никто не знал, куда он скрылся. Один старый-престарый ворон вдруг объявил о том, что ему одному известно, куда подевался Симург. Ворон отказался лететь за королем в одиночку, потому что путь очень опасен, да к тому же он боялся гнева монарха. Уйти из мира птиц – это был выбор Симурга, и кто знает, что побудило его сделать это. По словам ворона, Симург живет в одиночестве в горах Каф. Эти горы огибают землю, и чтобы проникнуть в убежище Симурга, нужно преодолеть множество препятствий, а среди них есть воистину непреодолимые: огненные реки и воинственные многоглавые драконы. Положим, птицы не очень испугались драконов: все-таки есть между ними нечто общее – крылья, а значит, можно договориться. И огненные реки при желании возможно перелететь. Но вот только не всем под силу общаться с драконами, взмывать высоко в небо и не опалить крылышки. На поиски легендарного Симурга отправились тысячи птиц, и путешествие их продлилось многие годы. И только тридцать самых мудрых и сильных птиц долетели до гнезда Симурга в горах Каф. Там они обнаружили тысячи солнц, лун и звезд. И в отражении каждой из этих планет они увидели Симурга. Великий король перехитрил своих подданных. Среди всех отражений птицы не смогли найти единственного подлинного Симурга. Он так и остался для них недостижимой вершиной, похожей на самую высокую, покрытую льдами вершину горы Каф. Каждая из тридцати птиц, дошедшая до убежища Симурга, объявила себя королем.

В эту эпоху и началась первая междоусобная птичья война, ставшая причиной гибели многих пернатых и, самое страшное, – навсегда разделившая птичий народ. Птицы, потерпевшие поражение, нашли себе сильных союзников – людей. Глупые домашние куры, утки, гуси и другие неразумные особи вообразили себе, что таким образом они станут жить припеваючи. Ради спокойной жизни они были готовы отказаться от самого главного своего достижения – от свободного полета. Вначале все были довольны. Домашняя птица не знала забот и была к тому же защищена от своих страшных хищных сородичей. А люди были довольны тем, что не нужно было охотиться и полагаться каждый раз на удачу. Та и другая стороны соглашались с некоторыми неудобствами. Люди соглашались кормить и заботиться о птице. А птицы соглашались с неизбежными потерями в их рядах. Хищные птицы и те из птиц, свободолюбивая натура которых одержала верх над стремлением к сытой жизни, остались в прежнем состоянии – неуверенности в завтрашнем дне и бесконечном поиске пропитания. Довольно длительный период времени домашняя птица была уверена в том, что ее выбор оказался самым правильным выбором. Но с течением времени, когда люди превратились в циников, убивающих невероятное количество птиц, не имея в этом потребности, участь домашней птицы стала незавидной. Будучи слабыми от природы, люди отличаются хитростью и коварством, позволяющим им властвовать над всем животным миром. Домашняя птица пришла к таким выводам поздно, слишком поздно. За время своего добровольного рабства они настолько отвыкли от самостоятельности, что утратили самые главные свойства, присущие птице: они разучились летать. Не то чтобы совершать длительные перелеты с одного континента на другой. А разучились просто перелетать с одного дерева на другое. Какое это унижение для птицы! Дикие птицы, над которыми посмеивались их «умные» сородичи – домашние птицы, – осознали в полной мере свое превосходство. Дикари свысока относились к своим прежним врагам. Они перестали признавать их птицами. Если какая-нибудь утка из семейства домашних уток вдруг случайно попадала в сообщество диких, ей приходилось очень несладко. Чаще всего она становилась легкой добычей какого-нибудь хищника. Бывали, конечно, случаи, когда домашняя птица выживала, и тогда она становилась еще большей гонительницей своего домашнего птичьего племени, чем сами дикие птицы. Такой отвратительный характер домашняя птица переняла у людей.

Первая птичья война длилась несколько столетий подряд. Ни тот, ни другой лагерь не смог одержать окончательной победы. Время от времени птицы объявляли перемирие. Выбирали птицу – старейшину, способного разрешить споры. Чаще всего старейшинами становились вороны и орлы. Как всегда, находились недовольные, кричавшие о несправедливости и фальсификациях на выборах старейшин. Но, вспомнив о том, что, в конце концов, самая большая несправедливость – это война, успокаивались. Один только раз выбрали фламинго: понадеялись на его длинный клюв и задумчивую позу. Фламинго производил впечатление очень мудрого и спокойного старейшины. Он и в самом деле был таковым. Во время его правления о войне почти не вспоминали. Все занимались своими непосредственными делами. И только возникший большой спор о том, возможны ли браки между домашней и дикой птицей, привел к неожиданному обострению ситуации. Фламинго оказался не на высоте. Выяснилось, что его задумчивый вид происходит не оттого, что он слишком много размышляет, а оттого, что слишком долго процеживает в своем вместительном клюве пищу. Он не смог дать вразумительного ответа молодой паре: дикому селезню и домашней уточке, с трепетом ожидавшим его решения. Родные молодых устроили кровопролитную битву, воспользовавшись таким удобным предлогом. После того, как птицы взбунтовались против спокойного, рассудительного фламинго, началась новая вакханалия, приведшая на этот раз к окончательному разрыву между родственниками. Обитатели птичьего двора и дикие птицы уже не помышляли о родственных

браках. Они размышляли над тем, каким образом нанести как можно больший ущерб своим злейшим врагам. В ход пошли разные уловки. Оба стана вербовали лазутчиков и старались использовать полученную информацию. Домашняя птица стала интересоваться маршрутом перелетов диких птиц и передавала информацию по цепочке, чтобы куры и утки соблюдали особую осторожность в зонах повышенного риска. Дикие птицы с удвоенным усердием охотились за своими сородичами, получая от этого особое удовольствие.

***

Идея применить бактериологическое оружие созрела в головах свободных диких птиц. Самое оптимальное решение – создать вирус, от которого быстрее и вернее вымрут враги. Они давно заметили, что их домашние родственники болеют чаще, дольше и сдыхают от незначительных болячек. Этому имелось простейшее объяснение: привыкнув к удобной, комфортной жизни, не заботясь ни о чем, домашняя птица не только потеряла бойцовские качества, но и самый элементарный иммунитет. Куры болели и мерли, как мухи, от простейшей простуды. Целый курятник мог вымереть только от того, что люди вовремя не сделали птицам прививки от всяких болезней. Домашняя птица болела такими болезнями, о которых дикая птица и не слышала. Вот этим обстоятельством и решили воспользоваться дикие птицы. Ослепленные гневом, они как будто забыли о том, что их ближайшие родственники не только могут сгодиться в пищу, но в случае крайней необходимости могут способствовать продолжению рода некоторых из них, да и просто с ними можно «почирикать» за жизнь. Правда, те из них, что послабее, воробьи, например, синички, попугайчики, колибри, в общем мелюзга, не имеющая особого веса в птичьих кругах, сохраняли нейтралитет. Они посчитали, что для них будет лучше не вмешиваться в разборки, а жить своей непростой, но такой разнообразной жизнью, имея возможность общаться и с теми, и с другими.

Начало XX века было выбрано для того, чтобы окончательно разгромить врага. В это время люди были особенно заняты своими проблемами, как, впрочем, в начале каждого века, когда люди, словно желая завершить дела прошлого века и начать заново свое существование, совершают особенно много безумств. Дикие птицы очень надеялись, что им будет недосуг вмешиваться в птичью жизнь. Люди в который раз перестраивали свой хрупкий мир. Операцию по созданию страшного оружия назвали «испанкой». Название отражало ареал распространения болезни. Территория Испании как ключ к Европе, а также служебный вход в Африку. Все детали операции хранились в строжайшей тайне. Птицы, участвующие в проекте разработки страшного оружия, даже перестали петь по утрам. Вместо пения им разрешали только прочистить горлышко. Такие строгие меры были предприняты, чтобы избежать утечки информации. Руководил проектом старый гриф, давно рвавшийся к власти. Летучая мышь неспроста шепнула об этом на ушко сове в приватной беседе. У него были неоспоримые достоинства, которые признавали за ним и друзья, и враги. Его невозможно было совратить или подкупить, учитывая его преклонный возраст и полное безразличие к земным радостям. К тому же он питался падалью и потому больше интересовался павшей, чем живой птицей. Гриф разработал генеральный план. Самое главное – сплотить хоть на короткое время свободолюбивых диких птиц, не склонных терпеть начальство, и произвести молниеносную операцию, чтобы раз и навсегда покончить с противником. Старый гриф очень серьезно отнесся к своим новым обязанностям. Он надеялся оставить свое имя в истории птичьего народа: звучное имя – Зорак, которое с гордостью будут произносить благодарные потомки. Наконец, его рутинное существование осветилось благородной целью. Он почувствовал в себе множество скрытых талантов! Сначала он произвел отбор. В команду, разрабатывающую основной проект, было выбрано несколько птиц. В основном это были хищ-

ники. Охотничий инстинкт помогал выбрать скорейший и эффективнейший метод уничтожения противника. Остановились на новых методиках. Тут не обошлось без вмешательства все той же коварной летучей мыши. У нее были свои, далеко идущие планы. Именно она предложила использовать новейший метод: заразить простым гриппом какую-нибудь добропорядочную мать семейства – клушу, и, таким образом, весь курятник станет чихать и кашлять. А там, глядишь, и начнут подыхать. Для того, чтобы куры и тому подобная вражеская родня не излечились от простейшего гриппа с помощью своих союзников – людей, было решено разработать новый вид жестокого гриппа-мутанта, убивающего без промаха. Все разработки страшного оружия происходили в глубокой тайне. Одновременно было найдено противоядие. Скромная травка, произрастающая высоко в горах. Небольшого количества этой травки было довольно, чтобы вылечиться от страшного гриппа. Одна маленькая щелочка, через которую утекла вся информация, осталась незамеченной. Зорак, озабоченный своей исторической миссией, не сумел распознать в летучей мыши коварного лазутчика. Оружие было создано, и несколько добровольцев из диких уток отправились на птичьи дворы, чтобы заразить новым гриппом домашнюю птицу. Процесс шел полным ходом. Не обошлось без потерь и среди диких птиц. Почти все добровольцы погибли. Потери среди домашней птицы исчислялись тысячами. Люди также были вовлечены в войну. Они безоговорочно стали на сторону своих домашних питомцев, служивших им к тому же источником пищи. Но они даже не могли предположить, чем обернется для них такая благотворительность. Грипп, задуманный как средство борьбы с неугодными родственниками, перекинулся на людей. Зорак и его команда не догадывались о том, чьих это крыльев дело. Черные маленькие то ли мыши, то ли птицы достигли желаемой цели. Им очень хотелось отыграться за все унижения, которым их подвергали обычные люди, если кого-нибудь из летучих вампиров разоблачали. Осиновый кол в сердце вампира – одно из незатейливых средств борьбы с упырями. Летучие мыши выпустили «джинна из бутылки». Они и сами не могли представить, чем обернется их злодейство. Эпидемия гриппа среди людей унесла миллионы жизней. Среди погибших оказалось много вампиров – летучих мышей.

Во время первой атаки «испанки» люди еще не выяснили, откуда пришла беда, и продолжали покровительствовать своим «друзьям» – домашней птице. Понадобилось много времени, чтобы они, наконец, осознали, что их верные и к тому же вкусные питомцы являются причиной страшной смертельной болезни. Люди поменяли тактику: домашняя птица превратилась из союзников, правда, союзников несколько необычных, которыми утоляют голод, в противников. Заболевшие птицы безжалостно уничтожались их бывшими покровителями – людьми. Летучая мышь, пересказывая подробности избиения, ссылалась на то, что она слышала из первоисточника, то есть от самих людей. Целые отряды людей, одетых в специальную одежду, чтобы не заразиться страшной болезнью, получили задание: найти и обезвредить, что означает – попросту уничтожить всю домашнюю птицу. Самые воинственные представители домашних птиц организовали ополчение. Домашние индейки стали сбиваться в стаи и нападать на людей. Хитроумные люди применяли разные уловки, чтобы усыпить бдительность домашней птицы, ставшей вдруг источником страшной опасности. Для того, чтобы помириться с индейками, Президент самой великой страны помиловал сразу двух индеек, предназначенных для праздничного стола «Дня благодарения». Обычно такой чести удостаивалась лишь одна индейка. На этот раз были выбраны две: белоснежная аристократичная Маршмеллоу и простая, темного оперения и происхождения Колорайс. Им обеим была назначена приличная пожизненная пенсия и дана полная гарантия – умереть своей смертью. Не обошли вниманием и самого давнего и преданного «друга» – петуха. Петух был выбран не случайно. Он когда-то был гордым фениксом. Потом, уже став домашним ручным петухом, он помогал людям сражаться с «темными». С людьми, ставшими колдунами и ведьмами и забирающими

жизненную энергию у «светлых». Предрассветный крик петуха мог расстроить самые коварные происки «темных». Однако петух и сам не промах. Люди знают, в какого монстра может превратиться домашний петух, если с ним обращаться особым способом. Бои бойцовских петухов – одно из самых изощренных развлечений людей. Петух, если его разозлить, может стать убийцей. Люди объявили его птицей года и даже вручили паспорт со всеми полагающимися данными. Загвоздка заключалась в том, что не смогли угодить всем его женам и внести всех, кто претендовал на это звание, в документ. Пришлось ограничиться простой записью о том, что петух женат.

***

Недовольный ходом операции, Зорак созвал Совет, в который входили только хищные, серьезные птицы: беркут, ястреб, сип белоголовый и старый императорский орел. Заседание происходило в гористой местности, сплошь покрытой огромными валунами. Зорак взгромоздился на самый большой валун. Вытянув шею и стараясь не упустить из виду ни одного из соратников, раскинувшихся в живописных позах, Зорак просипел:

– Друзья мои, священная война против предателей нашего гордого народа, против домашней птицы, мне не хочется даже называть птицами этих тварей, идет не совсем так, как мы задумали. Я согласен с тем, что всегда есть место случаю и невозможно предвидеть все на свете. Если бы был жив старый ворон, он бы подтвердил мои слова. Вражда между двумя кланами также возникла из-за нелепой случайности. Вы еще молоды и, вероятно, не слышали этой старой истории, похожей на легенду. Я не могу сказать, правда это или вымысел. Просто очень, очень давно, Зевс, верховный бог Олимпа, послал на землю колдунью Пандору, чтобы наказать Прометея и, самое главное, людей, не подвластных ему, Зевсу. Вы спросите, при чем здесь птицы? Казалось бы, ни при чем. Но вы послушайте дальше! Когда Пандора открыла свой золотой ларчик, то из него вылетели три громадные черные птицы, разбросавшие по всему миру семена болезней, нищеты и страха. Люди злопамятны, они не могли простить птицам такой услуги. И Прометея тоже ведь мучил наш с вами родственник – орел. Он терзал его печень много веков подряд. А потом люди придумали самый верный способ насолить нам, птицам. Они разделили наш народ. Приручили самых глупых и доверчивых и посеяли рознь между нами. А в каких выродков с тех пор превратились домашние птицы, вы знаете лучше меня. Есть еще одна легенда про мудрого царя птиц Симурга, удалившегося в горы. А без царя птицы передрались. Но мне очень сложно поверить в то, что Симург добровольно отказался от власти и ушел отшельником в горы…

Ястреб подскочил, взмахнул крыльями и неожиданно прервал оратора:

– К чему все эти сказки, Зорак? Тебе захотелось рассказать нам, неучам, о том, что было когда-то очень давно? Тебя могут интересовать все эти пустые, старые бредни. Ты же предпочитаешь живой крови и плоти – падаль! Я не хочу знать причин этой войны, с меня довольно того, что война доставляет мне радость. Я чувствую бурление в крови. Я, Джатай, потомок того самого ястреба, Джатая, спалившего себе крылья, потому что он хотел долететь до самого солнца, я могу тебя научить смелости, старый гриф!

Зорак, помня о своем статусе шефа, не стал возмущаться, оставив на крайний случай возможность сурового наказания. Он счел нужным напомнить:

– Ты забываешь, кто здесь главный! Не буду с тобой ссориться, Джатай. Не хочу превращать наше заседание в перепалку. И не буду отвечать на оскорбление. Кто чем питается, это вопрос вкуса, не более. Если ты, Джатай, думаешь, что я не смогу с тобой поквитаться, то очень заблуждаешься.

Зорак расправил могучие крылья, и все присутствующие смогли оценить их размах. Старый орел вмешался:

– Зорак, прости неразумного, он слишком молод и горяч. Мы собрались, чтобы поговорить о деле. Все происходит не так, как мы задумали. Жертвами эпидемии стали люди. Нельзя сказать, что это так плохо, если вспомнить, сколько они принесли нам несчастий, начиная с момента, когда они приручили самых глупых представителей нашего племени.

– Я и не говорю, что это плохо. Я хочу вам всем напомнить, что люди – очень серьезные враги. Это вам не петухи и утки. Они смогут выиграть войну, и тогда нам не поздоровится, – Зорак втянул голову в пушистый воротник

Ястреб заклекотал от злорадства:

– Уважаемый Зорак боится, трепещет! Я так и знал. Кому мы доверили нашу судьбу?! Старому, трусливому грифу! Ему давно пора на покой! Впереди должны быть молодые сильные птицы. И дело тут не в размерах. Подумаешь, великан!

Зорак повернул голову в сторону ястреба, размышляя над тем, какую тактику ему выбрать, чтобы усмирить строптивого юнца:

– Я согласен с тобой, Джатай. Тебя мы определим в самый передовой отряд. Ты можешь себе выбрать задачу по вкусу. Но прежде тебе придется заручиться поддержкой нашего Совета. Или ты предполагаешь стать самодержцем? Я не думаю, что уважаемый Совет, – Зорак обвел крылом все собрание, – позволит решать судьбу народа одному, пусть даже очень молодому, сильному и горячему ястребу.

Птицы зашумели, сип белоголовый, молчавший до сих пор, выразил возмущение по-своему: он взмыл высоко в небо и, сделав несколько кругов, приземлился на прежнее место. Слово взял беркут:

– Джатай мне друг и брат, но истина дороже. Мы не можем поручить операцию, задуманную грифом, кому-нибудь другому. Да к тому же не забывайте, что мы близки к цели. Еще немного, и враги будут полностью уничтожены болезнью либо их вчерашними союзниками – людьми. То, что мы обсуждаем сегодня ход военных действий, естественно. И только природная скромность нашего уважаемого Зорака не позволяет ему говорить, кричать о наших успехах!

После такой патетической речи ястреб, согласно своей темпераментной натуре, покинул собрание, почти мгновенно набрав высоту. Через минуту он казался черной точкой в чистом небе.

***

Джатай полетел к людям, в их грязный, задымленный город. Город, в котором почти совсем не осталось места птицам. Пролетая над похожими на высохшие реки дорогами, по которым движутся нескончаемым потоком уродливые железные колымаги, ястреб позлорадствовал. «Скоро, очень скоро, для людишек так же, как когда для нас, диких птиц, не останется здесь места, все заполонят их страшные неудобные и громадные гнезда и эти уродливые железные насекомые, ползущие по дну высохших рек». Ястреб не зря прилетел в город. Злопыхатели сообщили ему, что его родных братьев, ястребов, заметили на службе у людей. И занимались они неприглядным делом: выступали в качестве охотников за птицами. Люди решили извести последних диких птиц, живущих в городах и ставших вдруг, ни с того ни с сего, как казалось людям, агрессивными. Для этого они воспользовались услугами самих птиц: ястребов. Подлетев к главной площади громадного города, Джатай выбрал самую удобную ветку для наблюдения. Ему не пришлось долго ожидать. Человек, появившийся на площади с мешком в руках, как будто нарочно остановился под деревом, где сидел Джатай. Он вынул из мешка ястреба, у которого на голове был колпачок. Ручной ястреб сидел на руке человека, одетой в кожаную перчатку. Человек ловким движением снял колпачок с головы птицы и резко подбросил ее в воздух. Ястреб взлетел, сделал круг, привыкая к свету. Джатай все ждал, когда же ястреб поднимется выше к солнцу и улетит из страшного города. К удивлению и огорчению Джа-

тая, ястреб не стал делать ничего подобного, наоборот, он сделал то, чего ждал от него человек. Он взмыл вверх, чтобы набрать скорость перед пикирующей атакой, а затем камнем упал вниз. Джатай увидел ворону в когтях у брата. Ястреб был безупречен. Охотничий инстинкт, присущий их племени, и на этот раз оказался главенствующим. Ворона не успела понять, что с ней произошло. Атака была молниеносной. Только свободный нрав, которым так гордился Джатай, казалось, совершенно неведом его кровному родственнику. Ястреб, сделав свое дело, прилетел и сел на руку к человеку, пославшему его на охоту. Тот отдал ему в качестве награды ворону, как будто не ястреб ее поймал, а он сам, человек. Ястреб не возмутился, не стал нападать на человека. Он, как послушная ручная птичка, съел отданный ему корм и так же легко позволил надеть себе на голову колпачок. Джатаю очень хотелось поговорить с ястребом, и он размышлял над тем, как же ему это сделать. Человек в это время вытащил еще один мешок, а из него другого ястреба. При виде второго ястреба, готового служить человеку с тем же рвением, что и первый, Джатай совершенно пал духом. «Что же это происходит с птичьим народом?! Я так гордился тем, что я ястреб, свободная птица высокого полета. Я так гордился тем, что я и мои братья питаются только живой плотью и что даже сам Зорак, старый гриф, не чета нам. И что я вижу?! Мой родной брат стал похож на какого-нибудь бескрылого петуха из курятника. Человек позволяет себе обращаться с ним, как с какой-нибудь домашней безобидной птичкой. Это ему зря не пройдет!!! Я постараюсь отомстить и напомнить этим зазнайкам, людям, где их место в животном мире».

Второй ястреб был менее удачлив, чем первый. Не только потому, что он был худшим охотникам, просто вороны, напуганные первым ястребом, стали осторожнее. Несколько ворон улетели, а остальные притаились. Второй ястреб, сделав две бесполезные попытки, вернулся к хозяину. Человек спрятал его в мешок, не накормив ничем. Джатай, тихонько сидевший на ветке, стал свидетелем разговора двух ворон. Обычно их карканье раздражает. Громкое и бесцеремонное поведение ворон стало, в некотором смысле, причиной охоты на них людей. На этот раз вороны говорили между собой очень тихо. Так, чтобы услышать мог только тот, кому адресовано карканье. Пестрое оперенье Джатая позволяло ему слиться с листвой. Он сидел совсем близко от ворон и слышал все:

– Любимая подруга, ты помнишь, как жилось еще каких-нибудь десять лет назад. Теперь я понимаю, что это был золотой вороний век! А как же иначе, Каркала, можно назвать то благословенное время! Сколько было всего на помойках! Всего такого, чего нельзя было найти в этих гнездах, где люди хранят провизию!!!

– Да, я, пожалуй, с тобой соглашусь. Только удивляешь ты меня своей плохой памятью. Ты живешь среди людей столько лет, а все продолжаешь называть «гнездами» их дома, магазины и т.д. Я знаю даже новое название магазина – шоп. Сейчас так все говорят. Я не хочу тебя учить. Но все же, подруга, ты же мудрая птица, чтобы там ни говорили...

– Каркала, Каркала. Как ты можешь сейчас напоминать о людском языке. Ты же видишь, что люди превращаются в наших врагов. Самых злых и опасных. Если ты сейчас скажешь, что эти глупые, кровожадные ястребы хуже людей, то я совершенно в тебе разочаруюсь. Ты видела, видела собственными глазами, кто заставил ястребов охотиться на нас здесь, в городе, где ястребами и не пахнет, уже очень и очень давно. И как они жестоки, эти люди, и коварны. Они же могли взять свои железные ружья и убить нас, беззащитных ворон, мы же мирные птицы. Легче всего поднять клюв или ружье, как у людей, на таких мирных птиц, как мы! Так нет же! Они используют для этого ястребов. Ты понимаешь, Каркала, что они хотят стравить нас, птиц, между собой! Они давно стравили диких и домашних птиц, а сейчас у них задача посложнее. Они хотят загребать жар нашими крыльями и железными клювами хищных птиц. Ты, наверное, не помнишь, ты у нас молодая, Каркала. А вот я помню,

что люди давно уже заставляют ястребов, да и соколов охотиться. Не только на других птиц, но и на разных мелких животных, которыми питаются наши хищные собратья.

– Как, как же, я слышала об этом от старого ворона. Он рассказывал о соколиной охоте. Но только он говорил о всадниках, о степи. Постой, я сейчас вспомню, как звали того ястреба, что взбунтовался. Не захотел больше быть слугой людям. Джуда… Джеда… Да…. Его звали Джатай. Он охотился для людей. А потом однажды взлетел высоко-высоко, чтобы его не видно было с земли, опалил себе о солнце крылья, упал и разбился насмерть.

– Ах, Каркала. Какая ты все-таки р-р-романтичная ворррона. Поживешь с мое, всякие глупые сказки из головы выбросишь.

Джатай кипел от возмущения. Что за бредни рассказывают эти выжившие из ума вороны! Как они смеют клеветать на его предка Джатая! Героя! Так хотелось одним ударом острого, как стальной клинок, клюва забить этих сплетниц! Джатай сдержал свой охотничий инстинкт, решив, что не будет опускаться до ястребов-слуг и пачкать свой клюв. Он резко взмыл в небо, оставив ворон в полуобморочном состоянии.

Джатай сделал несколько кругов, чтобы остыть. На пятом круге он заметил сверху на шпиле самой высокой башни странную фигуру, напомнившую ему кого-то. Несмотря на зоркое зрение, позволявшее ему видеть добычу – мелких грызунов с высоты полета, он не мог поверить своим глазам. То, что предстало его взору, никак не укладывалось в сознании.

Он подлетел совсем близко, облетел странную фигуру со всех сторон, не переставая удивляться болезненному воображению людей. Фигура на шпиле башни представляла собой императорского орла, знакомого Джатая, входившего в Совет, возглавляемый Зораком.

Странность заключалась в том, что у этого железного орла было две головы вместо одной, как у настоящего. При этом обе головы смотрели в разные стороны. Возможно, они не ладили друг с другом. Джатай еще некоторое время изумленно взирал на орла-уродца.

Джатай прилетел к себе в гнездо, когда солнце зашло за горизонт. Ему хотелось подумать обо всем, что он увидел и услышал в городе людей.

Рядом на высохшем дереве спала летучая мышь. «Как хорошо, что она спит и не мешает мне размышлять». Не успел Джатай порадоваться безмолвию летучей мыши, как она встрепенулась, села на ветке и сладко потянулась. Заметила нахохлившегося Джатая:

– Мой друг Джатай, вы всегда так сурово глядите, что иногда я вас боюсь, – она кокетливо закрыла матерчатыми крыльями ушастую головку.

– Не зря боишься. Меня надо бояться. Когда ты перестанешь это делать, противная мышь, тогда я тебя съем. Не побрезгую. Мне просто противно сжирать дрожащую тварь.

– Ах, Джатай, не пугайте меня. Вы ведь не все обо мне знаете. Есть некоторые факты из моей драматичной жизни, не известные вам, мой друг. Позвольте мне называть вас так, – летучая мышь отлетела на приличное расстояние, чтобы иметь возможность маневра в случае атаки. – Вы так грустны. Я не поверю, что виной всему только голод.

– И голод тоже. Это ты вовремя мне напомнила, мышь. Я слышал о тебе всякое и никогда не верил россказням. А за сегодняшний день я как будто постарел. Побывал в городе у людей, посмотрел на всякое разное и уже ни в чем не уверен.

– Ах, как печально, мой друг, терять иллюзии в таком юном возрасте. Расскажите мне о том, что вас беспокоит. Может быть, я смогу что-то объяснить, учитывая мой опыт…

– Твой опыт?! Тогда скажи мне, что за странная фигура на башне. Она похожа на нашего орла, но только с двумя головами. Скажи, зачем он им понадобился?! И если уж нашли ему применение, то почему две головы?

– Я тоже была удивлена вначале, когда в первый раз увидела этого странного орла. Знаете, мой друг, я настолько любопытна, что стала интересоваться этим вопросом. Официальная версия людей примитивна, и я ей не поверила. Орел – самая сильная птица, символ власти и смелости, а две головы говорят о слиянии двух людских царств. Народов. Интересно, если бы дикие птицы и домашние птицы примирились, это я так просто, к примеру, говорю, я понимаю, что это невозможно, то какой бы они выбрали себе символ? С одной стороны голова орла, а с другой петуха, да… Только версия эта для дурачков. А на самом деле все не так просто. Вы заметили, мой друг, что у людей болезненная фантазия. Они выдумывают всякие штуки, назначение которых иногда не понятно. Им нравится все, что создают их руки и головы. Вы заметили, они не ограничиваются неживыми предметами. Они пытаются вмешаться в природу. Совсем недавно я видела бедного несчастного тигра-льва. У него было полосатое туловище, как у тигра, и голова льва. Как он искал себе самку, бедный, не представляю. Да, я отвлеклась. Я говорила о двуглавом орле. Я знаю, что в Индии очень любили гонять голубей.

– Каких голубей? Я спросил тебе о двухголовом орле.

– Вы сейчас поймете, мой друг. Разных голубей. Самых обыкновенных сизарей. Но не только. Разведением голубей занимались раджи и магараджи. Это самые богатые и сильные люди. Как у нас, у птиц, – орлы, кондоры, – мышь помедлила мгновение, – и вы, ястребы. Эти люди устраивали состязания. Чьи голуби великолепнее, у кого из них самое богатое оперение, кто взлетит выше других. И самые дорогие голуби, которых меняли на целые деревни, – это двухголовые голуби.

– Я не видел никогда таких голубей.

– Их нет! Их придумали люди!!! Они брали птенцов, отрезали у них по одному крылу и сшивали птиц вместе. Такие соединенные птенцы выживали очень редко. За ними нужен был особый уход. Но это еще не все. Потом эту двухголовую и четырехлапую птицу учили летать. И вот когда этот монстр вырастал и к тому же мог летать, он становился главной драгоценностью магараджи. Все остальные страшно завидовали обладателю такого сокровища.

– Зачем они это делали? Объясните, я сильный, умный ястреб, но я не понимаю. Не понимаю…

– Для того, чтобы сравниться с ним, – мышь небрежно показала на небо, – с Создателем. Чтобы доказать ему, что они могут то, что когда-то сделал Он.

– Я чувствовал, что с ними нужно воевать, а не с петухами и курами. Я был прав. Я должен рассказать обо всем этом старому Зораку.

– Совершенно с вами согласна, Джатай. Я вас поддержу.

– Я не нуждаюсь в поддержке, тем более твоей, – Джатай в который раз за день рассвирепел.

Мышь моментально оценила ситуацию и сорвалась с ветки, как сухой листочек. Джатай раздумывал над тем, как ему обратиться к Зораку после своего последнего столь яркого выступления на Совете. И самое главное – это не должно было выглядеть, как извинение. Джатай не собирался склонять свою шею перед кем бы то ни было. Наоборот, ему хотелось показать всем, какой он прозорливый, несмотря на свой молодой возраст. Вот только, как рассказать о том, что он увидел собственными глазами? Поведение его ближайших родственников – ястребов, находящихся в услужении у людей, невозможно объяснить с высоты полета свободной птицы. «Как раз я и проверю, насколько мудр наш Зорак. Сумеет он оценить мой порыв и найти правильное решение, или воспользуется тем, что я рассказал, для того, чтобы устранить соперника?»

***

Зорак, сидя на холме, выстраивал стратегию дальнейших военных действий. В который раз он убедился в том, что любой самый мудрый и опытный Совет – всего лишь послушный механизм в лапах у главы Совета. А иначе и быть не могло. Иначе ничего не сдвинулось бы с места. Каждый кричит о своем. А пуще всего всех заботит собственная выгода. Нельзя сказать, чтобы Зорак совершенно забыл о своих интересах. Его преимущество перед остальными членами Совета заключалось в том, что более всего старого грифа интересовала власть. Когда он рассказывал на Совете легенды о Симурге и о Прометее, Зевсе и Пандоре, посеявшей с помощью птиц все несчастья людей, то ближе всего и понятнее ему был гнев Зевса. И так же, как когда-то Зевс, наказавший титана Прометея, а заодно и людей, Зорак желал наказать домашних птиц и людей, покровительствующих им. Последние события, о которых сообщили лазутчики, происходили почти так, как задумал Зорак. Эпидемия птичьего гриппа перекинулась из Азии в Европу. Если в начале акции люди еще продолжали поедать в вареном и жареном виде своих питомцев – домашнюю птицу, то на следующем этапе по мере расширения территорий, затронутых болезнью, они перестанут это делать. И, по мнению Зорака, недалек был тот день, когда люди истребят всех домашних птиц, что принесет долгожданную и окончательную победу их диким сородичам.

– Уважаемый Зорак, позвольте обратиться к вам. Понимаю, что я не имею на это права, но столько говорят о вашей мудрости, что я надеюсь быть выслушанной вами.

Зорак устало взглянул на обрывок черной материи, приземлившийся рядом с ним.

– Я слушаю тебя, мышь. Знаю, что давно замышляешь какие-то козни. Но мне недосуг заниматься всякими тварями вроде тебя. Сегодня я выслушаю тебя. Все идет так, как я задумал.

– Да. Да. Именно так. Я сегодня как раз говорила об этом Джатаю, нашему юному другу. Я говорила ему, что не стоит беспокоить по пустякам великого Зорака и отвлекать его от очень важных, я бы сказала, судьбоносных для нашего народа решений.

– Как ты сказала, мышь? Судьбоносных решений для нашего народа? Ты себя к какому народу причисляешь? К народу птиц? Моему и Джатая? Я правильно тебя понял, мышь?

Летучая мышь взмахнула крыльями, чтобы подтвердить свою принадлежность к птицам, не посмев ничего пропищать в ответ. Зорак, нахохлившись, счел нужным напоследок поучить неугомонную летучую мышь:

– Ну, что же, я знаю, что ничего нельзя скрыть от любопытства толпы, и моя размолвка с Джатаем обсуждается птицами. Но это наше дело, мышь. И ты нам тут не помощник. Я посоветовал бы тебе держаться подальше и от Джатая, и вообще от нас, свободных птиц.

Черные крылышки затрепетали, и летучая мышь улетела очень быстро, тем более, что заметила в круглых глазах грифа не привычный для него интерес к живой добыче.

«Джатай собирается навестить меня. Хочет ли он и дальше выступать против меня и представляться спасителем птичьего народа? Неблагодарная роль. Только он слишком глуп и самоуверен, чтобы понять. В конце концов, его ждет судьба его прапрадеда. Он опалит себе крылья и погибнет по собственному неразумению. А сейчас необходимо его обезвредить. Найти хоть какое-нибудь применение, чтобы охладить пыл. Он так горяч и неуправляем, что трудно придумать ему занятие. Когда выбирали Совет, Джатай попал туда только лишь благодаря своему происхождению. Зря… Нужно поменять принцип отбора. Брать в Совет птиц, исходя из нынешних заслуг, а

не вспоминать о том, что было очень давно. Ах, Зорак, Зорак….Сам себе противоречишь. Рассказывал какие-то древние сказки своим советчикам, а теперь, когда Джатай взбунтовался, говоришь о нынешних заслугах. Вот это и говорит о моей мудрости, о том, что птицы не зря выбрали меня своим царем. Да... Царь он и есть царь, назови его, как хочешь: глава, вождь, как угодно. Суть остается. Я могу казнить и миловать. А когда мы разделаемся с домашней птицей, то власть моя станет настоящей, полновесной властью над всеми пернатыми».

Приятные мысли Зорака прервал появившийся высоко в небе знакомый силуэт непокорного ястреба. Джатай приземлился в некотором отдалении от Зорака. Старый гриф не сделал ни одного движения в сторону ястреба. Джатаю пришлось приблизиться и поклониться, как того требовал птичий этикет:

– Простите, что нарушил ваш покой. Но учтите, что я прошу меня извинить только за это. Я не собираюсь просить прощения за то, что сказал на Совете. Я и сейчас считаю, что прав. Надо вести войну не столько с нашими трусливыми родственниками, сколько с людьми. Я хочу рассказать вам то, что увидел собственными глазами. Мне очень тяжело говорить об этом, но я надеюсь, что вы сможете найти разумное объяснение. К тому же в первый раз я вдруг почувствовал, что быть молодым не всегда так здорово. Я очень страдаю.

Зорак с удивлением смотрел на Джатая, всегда такого самоуверенного и скорого в суждениях:

– Я слушаю тебя, Джатай.

– Сегодня я был в городе, у людей. То, что я там увидел и услышал, я не забуду никогда. Мои братья, ястребы, в подчинении у людей! Они охотятся на ворон по приказу людей! Но это еще не все. Я случайно услышал разговор двух ворон. Одна из них утверждала, что мой легендарный предок Джатай тоже был в услужении у людей и спалил себе крылья только потому, что взлетел слишком высоко, надеясь улететь от людей.

– Знаешь, Джатай, ты в самом деле молод и горяч. То, что ты услышал от ворон, нисколько не умаляет заслуг твоего прадеда. Наоборот, ты поймешь это позже, я полагаю, его стремление освободиться из неволи заслуживает большего уважения, чем желание достичь невозможного. Но красивая сказка о том, что он хотел долететь до солнца, пусть остается в памяти птичьего народа. Мы же с тобой, – тут Зорак подмигнул Джатаю, – не будем разочаровывать птичий народ и повторять рассказ ворон, пусть даже очень похожий на правду и более героический, чем сказка.

Джатай переваривал сказанное.

– Из ваших слов выходит, что одно вы говорите птичьему народу и совсем другое думаете? Я правильно вас понял, Зорак? И никто не знает ваших настоящих целей. Для чего нужна эта война с глупыми несчастными родственниками?

– Ты, как всегда, все упрощаешь, Джатай. Все тебе нужно изобразить в двух цветах: черном и белом. Ты же прекрасно знаешь, что в природе не все так просто. Твое оперение, к примеру, пестрое. Почему? Ты задавался этим вопросом? Потому что так легче охотиться! Легче затеряться в листве или среди камней. Ты такой прямой и открытый и все-таки пользуешься этим подарком небес?

– Таким меня создала природа, и я не могу ничего поменять. И не хочу.

– Правильно, Джатай, в твоем случае и не нужно ничего менять. Оставим все, как есть. Я буду властвовать над птичьим народом, так как мне представляется правильным, а ты будешь охотиться и не будешь вмешиваться в мое управление. В Совете, в других местах, где собираются птицы, ты будешь поддерживать меня!

– А если я не стану этого делать, что тогда? – Джатай подпрыгнул от возмущения.

– Зачем же вынуждать меня к тому, чтобы я рассказал о том, что героический прадед Джатая был всего лишь прислугой у людишек.

– Я так и знал, что вы, отвратительный старый гриф, ничем не отличаетесь от той же летучей мыши, способной на любые пакости. И это – наш правитель!!! Любой петух и тот честнее, чем вы, Зорак!

– А кто говорит, что я честен? Смешно, Джатай. Ты подумай на досуге. Я предлагаю тебе свое крыло. Меня все больше беспокоят люди. Я думаю, пора с ними договариваться. Иначе эти безумцы не только уничтожат домашнюю птицу, но потом займутся нами, а уж в последнюю очередь сами все вымрут.

– Я не верю вам, Зорак. Вы сейчас признались в том, что все, что вы говорите, не стоит доверия.

– Ах, Джатай. Мы одни. Я могу себе позволить говорить то, что думаю. Ты мне симпатичен, несмотря на твое ко мне отношение. Ты так молод! – Зорак вздохнул. – Подумай!

Джатай распушил перья.

– И как же вы предполагаете договариваться с людьми?

– А вот это я предоставлю тебе, Джатай. Можешь поворковать или поклекотать, как тебе захочется, со своими родственниками – ястребами, живущими у людей. В конце концов, это тоже связи, и неплохие. Можешь пообщаться с летучей мышью. Я заметил, что она проявляет к тебе интерес. И не забудь рассказать о своих контактах мне. Ты же умный и сильный, Джатай, совсем, как твой прадед. Мы с тобой решим, как нам действовать дальше, – Зорак обхватил своим огромным крылом Джатая, – и совсем необязательно посвящать в это остальных птиц.

Джатай молчал. Он испытывал странные чувства. Ему было лестно, что правитель всех птиц, мудрый Зорак, так откровенен с ним, молодым ястребом. В то же время ему стало ясно, что Зорак способен на любое предательство и любую подлость, если в этом он увидит свою выгоду. «Наверное, в этом и заключается мудрость. И возраст, и жизненный опыт учат именно способности приспосабливаться к любым условиям и с выгодой для себя».

– Я согласен, – Джатай взмахнул крыльями, и, не дожидаясь одобрения старого Зорака, сорвался с места.

После сложного разговора Зорак полетел трапезничать. Он еще утром заметил убитую косулю, которой лакомилось семейство волков. Объедков со стола волков вполне должно было хватить. Подлетая к месту трапезы, гриф с неудовольствием заметил извечных своих сотрапезников – воронов. Ворон – уважаемая птица, что и говорить. Но Зорак, глядя на этих птиц, всегда вспоминал их неугомонных, болтливых родственников – ворон, живущих рядом с людьми. Как будто отвечая его мыслям, самый большой ворон закаркал:

– Зорак, как вы вовремя. Мы оставили вам самые вкусные кусочки. Мы всегда уважаем власть и помним о том, кто заботится о нас денно и нощно.

Зорак не стал отвечать. Он молча заглатывал пищу, стараясь не подавиться. Ворон между тем, несмотря на отсутствие интереса со стороны грифа, продолжил светскую беседу.

– Вам может показаться занимательным то, что я расскажу. Наша дальняя родственница Каркала сообщила нам очень интересные факты. И, по-моему, вам не мешало бы о них знать. Я не хочу просить за своих родственников, ворон. Но все-таки не будем забывать, что они так же, как и мы, являются дикими птицами. Это не какие-нибудь куры, утки, гуси!!! Вороны – наши двоюродные братья и сестры. И когда я слышу о таких возмутительных случаях, то просто не знаю, что и думать!

Зорак уже догадался, о чем пойдет речь, и захотел сравнить рассказ Джатая с тем, что изложила болтушка Каркала. Ворон, так и не дождавшись ответа Зорака, не отчаялся, а продолжил:

– Так вот, цвет нашего птичьего народа ястребы, родственники нашего уважаемого Джатая, сейчас служат людям. Тем самым людям, что убивают не только

наших врагов, домашнюю птицу, но и нас. Так вот. Эти самые ястребы охотятся на ворон!!! Какой позор на наши птичьи головы! Если бы только голод заставлял их охотиться, я бы сказал, что это согласно всем звериным законам. Но это не так!!! Каркала кипела от возмущения. Она и так бедняжка заикается немножко, как затянет кар-кар-кар, так от нее не скорррро толку добьешься. А тут и вовсе. Застопорррррило её.

Зорак услышал все, что ему хотелось, расправил крылья, потянулся, снисходительно бросил:

– Разберемся.

Тяжело взлетел и потихоньку набрал высоту.

***

Военные действия продолжались, то становясь яростными, то затихая. Эпидемия птичьего гриппа захватила всю планету, и люди лихорадочно пытались найти вакцину. Прошел месяц, прежде чем Джатай улучил счастливую возможность поговорить за жизнь и не с кем-нибудь, а с самой Каркалой, которая, как выяснилось, имела очень неплохие связи не только со своими кузенами и кузинами, но и с другими представителями животного мира. Каркала долго отказывалась от встречи с диким ястребом. Она во всех подробностях рассказала летучей мыши, служившей посредницей в переговорах между двумя сторонами, о своей неожиданной встрече с Джатаем. И, конечно, красочно описала обстоятельства этой встречи: кровавую расправу ястребов-слуг над невинными, ничего не подозревающими воронами. Летучая мышь притворно выразила сочувствие, при этом оценивающим взглядом окинула Каркалу, прикидывая, сколько таких ворон зараз может съесть взрослый ястреб. Летучая мышь все-таки нашла ту самую струнку, за которую стоило только потянуть:

– Джатай так расстроился из-за своих родственников. Он так переживал, бедненький, и столько хорошего сказал о вас!!!

– Обо мне?!

– Он так хвалил вас. Вы такая воспитанная ворона! Говорили таким нежным голоском! – летучая мышь умильно посмотрела на ворону

– Правда?! Какой он милый, – Каркала растаяла, – хорошо, я согласна на встречу. Но только если рядом будет еще кто-то, ну, к примеру, вы, летучая мышь.

Летучая мышь сама очень стремилась поучаствовать в этой встрече. Но Джатай заранее предупредил ее, что встреча должна проходить с глазу на глаз. И никаких посторонних.

– Нет, Каркала, ястреб хочет встретиться с вами без свидетелей. Он готов дать вам любые гарантии.

– А если он меня съест, то зачем мне его «гарантии»?

– Ах, Каркала, как вы еще молоды! Почти так же, как Джатай! Гарантии – это значит, он обещает вас не съесть.

– Вы думаете ему можно верить?

Летучая мышь про себя потешалась над наивной Каркалой:

– Вы так очаровательны, мой друг!

Каркала закаркала во все воронье горло от удовольствия:

– Кар, кар, кар. Я согласна!!!

***

Встреча между Джатаем и Каркалой произошла на том же месте, что и страшные события некоторое время назад: в городе, на площади, где люди выпускали ястребов на охоту за воронами. В городе было холодно, выпал снег, люди все попрятались по гнездам. Каркала прогуливалась одна по площади, и рядом с ней приземлился Джатай. Увидев так близко своего извечного врага, Каркала потеряла дар

карканья. Она только грустно посмотрела на Джатая, а про себя подумала: «Какая я дурра! Как я могла поверить этому страшному ястребу! Сейчас он накинется на меня». Джатай все понял по убитому виду молодой вороны и постарался рассеять ее подозрения. Разговор не клеился первые пятнадцать минут. Когда Каркала поняла, что Джатай, вероятнее всего, сыт и не будет набрасываться на первую встречную ворону, она нашла в себе силы и стала отвечать на вопросы Джатая. В это время на площади показался человек с собакой на поводке. Ястреб зоркими глазами сразу же заметил удивительный ошейник собаки. На ошейнике был тот же самый изуродованный двуглавый орел, что и на шпиле башни. Собака прямиком направилась к странной птичьей парочке. Птицы взлетели и устроились на ветвях высокой голубой ели. Собака подбежала к дереву, справила нужду и вернулась к ожидавшему ее человеку. Тут Каркала оживилась и рассказала Джатаю все, что знала о собаке и ее владельце: невысоком человеке неприметной наружности, чем-то отдаленно похожем на птицу, а точнее на утку. Каркала уверяла, что этот человек имеет большую власть, совсем, как Зорак у птиц, и поэтому на его собаке такой странный ошейник. Это знак высшей власти. И если уж дикие птицы решили договариваться с людьми, то лучшей кандидатуры не найти. Джатай подумал и согласился на предложение Каркалы. Тем более, что за время беседы он убедился в том, что при личной встрече Каркала оказалась разумной и даже милой птичкой. Он согласился с ее мнением о том, что встреча между главами двух народов может быть очень удачной хотя бы потому, что человек, видимо, тоже птичьего происхождения и кое-что знает о птичьих ценностях: например, что такое свободный полет. На вопрос Джатая, как же Каркала собирается обстряпать это дельце, ворона с гордостью ответила, что близко знакома с любимой канарейкой этого человека. Джатай улетел, так и не решившись коснуться Каркалы. Уж очень боялся напугать очаровательную ворону. Он только сказал с грустью в голосе: «Может, мы с вами когда-нибудь еще увидимся». Каркала погрузилась в задумчивость. Последние слова Джатая не выходили из головы.

Все, что происходило во время встречи Человека-птицы и Зорака, осталось под покровом тайны. Летучая мышь, как ни суетилась, чтобы получить информацию и попользоваться ею, на этот раз признала свое поражение. Встреча состоялась. И это видели дикие птицы, случайно оказавшиеся рядом с охотничьим домиком в лесу. Они с удивлением наблюдали за тем, как огромный гриф, никогда не появлявшийся в этих краях, приземлился на ветке дерева рядом с домиком, из которого вышел Человек-птица. Он подошел к дереву, протянул руку в перчатке, гриф слетел на руку человека. Человек-птица с грифом скрылись в домике, где они пробыли около двух часов. После окончания встречи Зорак улетел в родные края, а Человек-птица сел в громадное насекомое, с вращающимися над головой крыльями, и тоже улетел в свой страшный город.

Зорак созвал Совет и заявил, что война окончена. Дикие птицы победили. Зорак назвал особо отличившихся героев и среди первых он отметил Джатая. Зорак сказал, что домашняя птица ослаблена, и то количество, что осталось после побоища, не сможет принести заметного вреда дикой птице. Людей надо оставить в покое и не стараться им навредить. А они, в свою очередь, не будут зверствовать и истреблять диких птиц. Несмотря на бравурный тон, Зорак выглядел еще более старым и более усталым, чем раньше. Он ничего не сказал о волнующих деталях. Нашли люди противоядие от птичьей болезни? Открыл Зорак людям спасение от напасти, рассказав, где растет волшебная травка? Будут ли люди и дальше откровенно стоять на стороне домашней птицы? Эти и все другие подробности исторической встречи остались лишь в памяти двух ее участников: Зорака и Человека-птицы.

ФРАНГИЗ ХАНДЖАНБЕКОВА

На днях в столице Азербайджана, в Баку, в Музейном центре состоялась торжественная церемония вручения национальной премии «Деде Горгуд» за вклад в развитие и пропаганду национального искусства за рубежом, учрежденной Национальным фондом «Деде Горгуд» и журналом «Azərbaycan dünyası», известной азербайджанской художнице Маргарите Керимовой-Соколовой. Ее вручил президент фонда и главный редактор журнала Эльдар Исмаилов.

Маргарита ханым выразила свою особую благодарность за прекрасную награду и важную оценку её деятельности. Она также отметила, что вдохновлена таким высоким признанием и испытывает чувство гордости. «Моё творчество, все мои достижения, удостоенные высоких зарубежных наград, я посвящаю своей родине – Азербайджану, и эта красивая премия станет для меня большим стимулом в деле служения интересам моей прекрасной страны. А это мой долг». В знак признательности Маргарита преподнесла в дар фонду свою картину.

В этот же вечер действительный член Всемирной художественной академии «Новая эра» Эльдар Курбанов также вручил художнице почетную ленту академика – звания, которого она была удостоена Всемирной академией художеств «NEW ERA» («Новая эра») за многогранный талант и многолетнюю деятельность на ниве искусства. В феврале 2022 года в древней Флоренции, в Палаццо Боргезе, состоялась торжественная церемония вручения художнице международной премии Леонардо да Винчи «Универсальный художник» за работу «Сага о Берлине», премии, являющейся актом признания мастерства деятеля искусства, его художественных и стилистических изысканий. Следом в Милане, в зале Музея науки и техники Леонардо да Винчи, ей была вручена международная премия Караваджо «Великий мастер искусств» за особые заслуги в художнической деятельности.

Вот уже 27 лет художница живет в Кельне, но всегда самыми тесными узами связана с Баку, где на протяжении этих лет открывались ее персональные выставки, были встречи с коллегами, друзьями, родными и бывшими учениками, а их было немало. Вот и в этот раз у нее были встречи с друзьями, походы в мастерские своих коллег, так что интервью с Маргаритой ханым было проведено по телефону.

ЧЕТЫРЕ НАГРАДЫ И ВСЯ ЖИЗНЬ

– Маргарита ханым, о вас я слышала еще в советские годы, и особенно о вашем трудолюбии. А с чего все начиналось, вы сами выбрали будущую профессию?

– Не только сама. Рисовала, как почти все дети. Но, получив однажды одобрение моего деда, который, будучи юристом, но сыном художника, прекрасно рисовал, я продолжала охотно этим заниматься. До тех пор, пока не отправилась за получением знаний в изокружок в Доме пионеров. Там я очень скоро потеряла интерес к обучению, но рисовать продолжила. Надо сказать, что в методике обучения в кружке напрочь отсутствовала творческая составляющая. А потому занятия сводились к получению навыков рисования предметов: кувшинов и гипсовых розеток. Возникли скука и разочарование. Этот опыт в дальнейшем побудил меня создать свой метод, позволяющий раскрывать и развивать одну из важнейших особенностей духовного сознания – индивидуальный творческий потенциал каждого ученика, дающий возможность при выборе любой профессии мыслить многовариантно, иметь практически безграничное мышление. А опыт занятий композицией, рисунком и живописью при

развитом воображении, приобретаемые навыки и полученный результат формируют рациональное мышление. И в совокупности ученик получает мощную и универсальную базу для плодотворного развития. Занятия в музеях и знание истории искусств обогащают этот увлекательный процесс.

…Когда я окончила школу, стал вопрос о высшем образовании. По мнению родителей, бóльшую склонность и интерес я проявляла к рисованию, а потому и выбор шёл в этом направлении. В Баку в то время было только училище, и мои родители, хотя и с неохотой, выбрали Краснодар. Там в Пединституте, впоследствии ставшем Кубанским университетом, открылся художественно-графический факультет, а ещё там жила моя тетя, а значит, предполагалась забота обо мне.

Я не очень загорелась этой идеей, так как уезжать из дома, из Баку мне не хотелось. Но, когда всё же попала в Краснодар, то всё стало случаться вопреки.

Ни город, ни взаимоотношения людей мне резко не понравились, так как сильно контрастировали с тёплым и гостеприимным Баку. И тётя была ко мне более чем равнодушна. Вскоре я поняла, что и подготовка у меня слабая в отличие от других абитуриентов, многие из которых уже окончили художественные училища. Я даже этому обрадовалась, но, чтобы не огорчать родителей, всё же отправилась на экзамен, абсолютно уверенная, что провалю его, потому была спокойна. Надо сказать, конкурс был неимоверный. Каково же было моё удивление, когда я увидела, что на моём рисунке стоит пятёрка! Так же успешно я сдала остальные предметы и поступила. И мне назначили стипендию.

… В каталоге к одной из своих выставок в предисловии я кратко изложила следующее резюме: «Как я теперь понимаю, по меньшей мере, две составляющие моей судьбы определили мои предки: один – художник И.И. Соколов (академик Императорской Санкт-Петербургской академии художеств) уже по определению, второй – барон Мюнхгаузен (да-да, именно тот самый, Карл Фридрих Иероним фон – немецкий фрайхерр, ротмистр и рассказчик, ставший литературным персонажем) по образу жизни – в фантазиях, как в реальности и... умении вытащить себя за косичку из болота, да ещё и вместе с конём! Это, как оказалось, и есть я.

– Это же невероятно интересно, что у вас такие предки. Расскажите, что вы знаете из того, что многим не известно…

– О том, что барон Мюнхгаузен – наш предок, я узнала из рассказов моего дедушки. Сведений о родстве с ним не так много. Но с ним я чувствую сильную взаимосвязь. В жизни я не такой фантазер, но в творчестве без этого качества не обойдешься, и его у меня немало. Я никогда не унываю и из любого положения нахожу выход. Мой дед был великолепным рассказчиком, и я много интересного узнала от него. По профессии он был юристом. В Баку он прибыл по приглашению мусаватского правительства из Тифлиса и работал тогда и позже до преклонных лет главным юрисконсультом в Баксовете. Родителями его, следовательно, моими прадедом и прабабушкой, были известный художник Соколов И.И. – наполовину украинец по материнской линии, от которого дед унаследовал замечательную способность рисовать, и мать – немецкая баронесса фон Рам. О ней мне мало что известно, так как она умерла вскоре после родов, оставив дедушку и двух его сестер на попечении мужа. Остались фотографии, на которых видно, что это была очень красивая женщина.

Женой моего деда стала тоже немецкая баронесса – Ольга фон Розен. По прибытии в Баку семья Соколова поселилась на улице Телефонной, д.6, теперь 28 Мая, д.4. Это один из знаменитых и красивейших домов-близнецов Мусы Нагиева. Там им была предоставлена половина третьего этажа в 6 комнат с балконом и эркером, а на четвертом этаже поселили приехавшую вместе с ними бывшую папину няню с сыном Юрием Дадашидзе, чьи дети Илья и Дмитрий стали моими друзьями. Позднее, при советской власти происходило «уплотнение», и у семьи остались две комнаты. Думаю,

что счастливый случай и скромность помогли деду избежать страшной участи, постигшей тогда многих с приходом советской власти. Только недавно от моего брата я узнала, что его дед, родной брат моей бабушки, тоже юрист и тоже приехавший Баку с семьей по приглашению, в годы советизации был арестован и пропал без вести. Но об этом у нас никогда не говорили. Сохранились открытки, посланные моей бабушке в Баку и надписанные таким образом: «Её превосходительству Баронессе Ольге Розен». Эти открытки, семейные фотографии и некоторые документы сохранялись в тайне в красивой деревянной коробке и позже попали ко мне. По моей просьбе, мой папа написал нашу родословную, которая состояла из двух тетрадей, в одной из которых дореволюционная ее часть, во второй – после.Там много ценных подробностей и сведений, но написана она с учетом времени, в котором лучше что-то не сказать, чем сказать лишнее. Позднее мои знания волею случаев стали расширяться.

…Бароны Розены происходили из знатного рода. Это была большая и разветвленная семья. Теперь я много о ней знаю. Например, что это были остзейские бароны, приехавшие при Петре I, а, может, и раньше, в Эстляндию, Эстонию. Розенов было несколько человек. Это была потрясающая линия, и теперь я очень много о ней знаю. Например, что это были остзейские бароны. Один – это барон Розен, живший в Риге, где я была в Доме творчества. Там я встретила латвийского искусствоведа, написавшего книгу «Немецкое наследие в Латвии». Он очень много интересного мне рассказал о бароне Розенс (так, на латышский манер, называли его в Риге). Другой жил в Таллине и оставил о себе благодарную память: наследие и знаменитый Лёвенпарк, или Розенпарк. Все бароны Розен, как правило, имели две профессии. Одна обязательно была военная, а вторая – это какая-нибудь гражданская, гуманитарная. Барон Розенс, живший в Риге, был художником, архитектором и оставил большое наследие: несколько красивейших замков, спроектированных и построенных им, один из которых он предоставил с полным пансионом страдающим художникам.

Когда в свое время я написала своей тете, двоюродной сестре моего папы, которая тоже носила эту фамилию, она ответила: «А меня это не интересует». И я ее поняла, потому что в годы войны ее семья, родственники жили в находившихся под оккупацией Липецке, Курске и жутко боялись, скрывали свое происхождение. Этот страх остался на всю жизнь.

– Вернемся к вашим студенческим годам, к их началу…

– В институте всё завертелось по-серьёзному. Я сильно отставала от группы, которая была в разы подготовленнее и сильнее меня. Я вспоминаю пресловутый советский лозунг: «Догнать и перегнать...». Именно это и подтолкнуло меня на мощное движение вперёд, стало моей программой.

… Итак, я поступила, к колоссальному своему удивлению, но родителей мне было приятно обрадовать. Ненадолго вернувшись в Баку, я все же поехала в Краснодар, думая,что поучусь немного и буду искать возможностей переехать учиться в Баку или куда-либо ещё. В Ленинграде открылся аналогичный факультет, а там жила моя сестра. И это было бы уже получше, но не случилось. А предстояло другое...

Вернувшись в Краснодар, я обнаружила, что недалеко от нашего института находится прекрасный Музей изобразительных искусств. Там были превосходные работы Левитана, Васильева, Сурикова, Фешина… Они меня захватили, мой взгляд стал более заинтересованным.

Я постоянно посещала музей, и это стало для меня хорошей школой. Поскольку в этом городе я была одна, не считая тети, от которой я перешла жить на квартиру, местами, где я постоянно пребывала, были музей и институт. После занятий я оставалась в аудитории и рисовала, рисовала, сокращая разрыв. Так началось мое образование.

…В отличие от Баку, где понятия дружба, общение, ходить друг другу в гости, собираться по разным поводам и без – круглосуточные, а как иначе, Краснодар был полной противоположностью. Мои родители были очень гостеприимны, у нас всегда собирались друзья, и мы тоже бесконечно приглашались, впрочем, это был стиль нашей бакинской жизни. С первого класса в нашем доме чуть ли не каждый день ко мне приходили мои одноклассники, а уж если я заболевала, то приходил навестить меня весь класс. За время моей учёбы в Краснодаре ни один человек ни разу не пригласил меня к себе. Создавалось впечатление, что все студенты – приезжие. Когда я поселилась в общежитии, то туда приходили много моих сокурсников.

– И всё же, чем ещё питается ваш трудоголизм? Что вами движет все годы так, что у вас было несколько десятков персональных выставок, не говоря уже об участии в общих экспозициях?

– Трудоголизм – очень естественное состояние для художника, если он не в «штиле», хотя эта пауза, несколько мучительная, тоже необходима. Приходит идея, и ты начинаешь работать до полной реализации, когда жаль даже тратить время на сон. Со временем я научилась заниматься сразу несколькими вещами, переключаясь, но не теряя связи.

Стремление достичь более высокого уровня осталось у меня на всю жизнь и стало частью моего характера. Я сидела и рисовала до тех пор, пока не приходила уборщица и говорила: « Я уже убрала весь институт, дошла до твоей аудитории, уже 12 часов ночи, так что пора домой». Так я занималась каждый день. А затем у меня появились друзья, приехавшие учиться из станиц. Но на удивление, это были очень хорошо образованные парни и очень талантливые. Мы вместе проводили много времени, постоянно ходили на этюды и открывали для себя миры всё новых и новых художников. Пробовали экспериментировать с формами и цветом, но декану это не понравилось, и нас троих лишили на полгода стипендии. Это было время открытий. Такой моя жизнь стала навсегда.

На втором курсе наш декан пригласил к нам на Кубань группу студентов Ленинградской (С.-П.) академии художеств вместе с педагогом на пленэр. Для участия в нем выбрали и меня. И я попала в мир молодых художников, очень хорошо владеющих мастерством, глубоко погруженных в искусство, интересно мыслящих и много знающих. И, естественно, что мой инстинкт «догоняльщика» тут же включился. Участие в этом пленэре, который был и на следующий год, значительно повысил мой уровень, он много чего открыл для меня, как будущего художника. Стало очевидно, какие разные методы, и насколько выше уровень преподавания и обучения в академии. Тогда же я решила после окончания поступать туда, а пока многие часы пропадала в Краснодарском художественном музее, маленьком, но драгоценном.

Я открывала для себя те же самые картины каждый раз по-новому. Это свойство большого искусства, глубина которого являет зрителю всякий раз какую-то новую грань. Краснодарский институт я окончила с отличием по специальности, и мне было предложено преподавание, но я предпочла поступить на стажировку в Ленинградскую академию художеств.

Год я провела в стенах, где некогда учился мой знаменитый прадед, академик Петербургской академии искусств Иван Соколов. И это был другой мир.

– На заре вашего творческого становления кого из азербайджанских или мировых художников вы могли бы назвать своим учителем или художником, который в какой-то степени повлиял на ваше формирующееся творчество? Какая выставка, в которой вы принимали участие, оставила в вашей памяти особый след?

– В Баку после моего возвращения родители познакомили меня с художником Сананом Курбановым. Наши семьи были дружны. Санан учился в Высшем художе-

ственно-промышленном училище имени Мухиной (ныне Академия имени Штиглица[1]). Уровень его знаний, подготовки и понимания искусства был, конечно, высочайшим. Мы подружились, и он стал моим наставником. Добрейший, остроумный, весёлый и жутко талантливый Санан был довольно суровым зрителем и критиком. Это было мне необходимо для роста, но порой трудно выносимо. Санан же и познакомил меня с разными художниками. Мы бывали во многих мастерских. Это было так необычно, так впечатляюще, порой ошеломительно. Каждый был занят своим поиском. Они и открывали для меня новые миры Искусства. Наряду с молодыми художниками я познакомилась с уже прославленными Саттаром Бахлулзаде, Тогрулом Нариманбековым, Эльмирой Гусейновой, Таиром Салаховым, Расимом Бабаевым, Горхмазом Эфендиевым, Кафаром Сейфуллаевым, Джангиром Рустамовым и другими замечательными мастерами. Это была очень мощная формирующая среда. Друзьями стали Кямал Ахмедов, Сара Манафова, Эльчин Мамедов, Уджал и Гусейн Ахвердиевы, Мусеиб Амиров, Рашид Исмайлов, Фуад Бакиханов и др. И это был другой мир. Все были очень сильные художники, и каждый шёл своим путём. Это и была моя среда, и каждый из них так или иначе оказал на меня влияние своим творчеством.

Однажды Омар Гасанович Эльдаров порекомендовал меня, молодую художницу, ещё не вступившую в СХ, в Дом творчества в Сенеж, где я и написала первую большую работу, и со мной даже заключили немалый договор. Написанная там мною работа была высоко оценена и попала на Всесоюзную выставку в Манеже. Это был несомненный успех. Омара Гасановича я не подвела. Впоследствии постоянно стала получать приглашения и работала во многих домах творчества. И всегда написанные там картины попадали на основные выставки.

– Какая из выставок оставила особый след в памяти, а может, и стала судьбоносной?

– Самая первая.

Санан часто приходил к нам домой, и мы вместе подолгу рисовали. Мастерских у нас тогда ещё не было. Мы начали готовиться к вступлению в Союз художников. Для этого надо было стать участником минимум 3-х республиканских и 2-х всесоюзных выставок. Попасть на выставку было очень сложно. Существовала отборочная комиссия. Если хоть одна из представленных, предположим, пяти работ в результате отбора попадала на выставку, это было большой победой. И такая победа у меня произошла при отборе на «осеннюю» выставку в Баку, и что интересно, на меня обратили внимание: появилась большая статья, где было написано обо мне. Это было неожиданно и приятно. Позже было много хороших статей, себя я в них не очень узнавала, но понимала, что это начинающаяся популярность, которая необходима каждому художнику. Однако главное – это двигаться вперёд. Картина моя – «Зимний пейзаж» – была представлена на республиканской осенней выставке, проходившей в Выставочном салоне имени В.Самедовой в 1969 году. В газете «Молодежь Азербайджана» репродукция картины была опубликована рядом с работой председателя Союза художников Азербайджана Надира Абдурахманова. Для молодой художницы это была большая честь. Позднее картину приобрели для московского Музея восточных культур. Позже довольно много моих работ попало в ряд музеев и картинных галерей по республикам СССР. Национальным Музеем искусств Азербайджана было приобретено в разные времена 18-20 лучших моих работ. Работы мои также находятся в картинной галерее Сумгайыта, в Музее современного искусства в Баку, в Третьяковской галерее, Саратовской картинной галерее им. Радищева и ряде других музеев. Около двухсот – в частных коллекциях в Америке и Европе. Впервые в Германии я была на симпозиуме в 1988 году в группе из 4-х художников по личному приглашению из-

[1]Барон Александр Людвигович фон Штиглиц (1814-1884) – крупнейший российский финансист, банкир и промышленник, управляющий Государственным банком России, меценат, благотворитель.

вестнейшего мецената Петера Людвига. Мы были приглашены в Кёльн на открытие созданного им Музея современного искусства (Museum Ludwig).

В тот год мои работы были приобретены в частные коллекции, а также крупнейшая корпорация Тиссен-Крупп и фирма Лукас, обладающие потрясающими картинными галереями, коллекцию которых составляют художники от Лукаса Кранаха, Дюрера до Пикассо, приобрели мои работы. Кстати, один из немецких музеев приобрел картину «Луна над Дуйсбургом».

– Что вы можете сказать о том круге художников, в среде которого вы формировались?

– Мастерские в Доме художников мы получили одновременно с Сананом, и вот тут началась особая жизнь. Это была мощная среда художников, и она стала моей средой! Мы обходили все мастерские, беседы там велись на то время самого высочайшего уровня. Это был счастливый период познания. На меня тогда обратили внимание уже прославленная творческая семья скульптора Эльмиры Гусейновой и Тогрула Нариманбекова (они оба были потрясающе талантливые, яркие и относились к миру авангарда). Наша дружба – особый подарок Судьбы – продлилась всю жизнь и оказала на меня большое и очень плодотворное влияние.

Вообще азербайджанская художественная школа сильная и разнообразная, где каждый выбирал для себя определенный путь. Был и соцреализм, и авангард, и абшеронская школа, и национальная, основанная на изучении миниатюр и ковров. К тому же многие учились, кто в Москве, кто в Ленинграде, кто в Тбилиси, Вильнюсе, то есть познавали другие школы, расширяли свои горизонты. И во всех этих направлениях были свои гении, но это уже другая тема. А что касается Тогрула и Эльмиры, Санана, Уджала Ахвердиева, Эльчина Мамедова, Сары Манафовой и других прекрасных художников, я дружила с ними до конца их жизни. Особое место в моей жизни занимала моя драгоценная подруга, выдающаяся художница Сара Манафова. Наша дружба длилась 54 года. Для меня уход Сары был огромной потерей. Но виртуально мы продолжаем общаться.

Позже к выставке «5»(«Пять азербайджанских художников») в Новой Третьяковке на Крымском валу, инициированной Сарой Манафовой, к моим друзьям-коллегам прибавились ещё и замечательные, безмерно талантливые Сируз Мирза-заде, Фарман Гуламов и Исмаил Мамедов, Ариф Гусейнов, наши известные художники Фархад Халилов, Агали Ибрагимов, Салхаб Мамедов также были кругом моего общения.

У Эльмиры и Тогрула мы часто собирались большой компанией высокоодарённых, прекрасных и ярких людей нашего города. Бывали братья Ибрагимбековы, врач Валерий Князюк с Аллочкой Далиной – это уже область медицины, приходил и молодой Анар. Постоянно кто-то из московских, тбилисских, прибалтийских, украинских и других художников бывал у них в гостях. Собираясь, мы засиживались, бывало, до утра, и каждому давалось слово. Порой Максуд читал вслух только что написанные рассказы. Ему было важно мнение, в особенности Эльмиры, обладающей наитончайшим литературным слухом. Эльмира сама любой эпизод превращала в потрясающий рассказ. Любовь к литературе ей привил отец. Высокообразованный человек, он был цензором по литературе, и в их доме была колоссальная библиотека. С раннего детства Эльмира была погружена в чтение, изучала Канта и Гегеля в то время, когда лучшая литература была под запретом. Ее двоюродным братом был известный писатель Мехти Гусейн. Молодой Тогрул, захаживая к друзьям, живущим в доме, где жила и Эльмира, постоянно видел её сидящей с книгой на подоконнике. Читающая девушка произвела на него впечатление.

Так мой путь познаний и открытий, начавшись в институте, продолжился в Баку. Рядом появлялись коллеги, они же друзья и единомышленники. Это были страстные дискуссии, обмен мнениями. Нам это было необходимо. После ожесточен-

ной битвы с самим собой перед картиной, в тиши мастерской, иногда победившие, чаще проигравшие, мы находили друг друга, чтобы поделиться, задать вопросы, которых было множество. Мы формировали друг друга. Это была мощная среда талантливых людей, многих из которых я навсегда считаю своими учителями. Мне по жизни очень везло в этом смысле. Это были и есть выдающиеся люди, которые прошли и проходят через всю мою жизнь.

Сейчас, по наследству, мы дружим с Асмяр Нариманбековой, и это для меня большая радость и подлинное счастье! Необыкновенно талантливая, многогранная, прекрасная Асмяр живёт в Париже, где открыла Ассоциацию Тогрула Нариманбекова, которая стала частью ЮНЕСКО. А это немалое признание. Постоянно участвуя во всевозможных европейских художественных проектах, она находит время для создания своих, к которым и я имею счастье присоединяться.

– Как вы перешли от реалистического искусства к абстрактному?

– Это интересный вопрос. Начну издалека. Когда я переехала в Германию, мне стали доступны все музеи Европы, в которые я езжу, смотрю, особенно музеи и выставки современного искусства, и я наблюдаю, как активно «живет» множество направлений, в том числе и абстрактное. Прослеживаются всевозможные эксперименты и открытия: бесконечное разнообразие форм, технических приёмов, смешение стилистических сочетаний, различных видов и техник изображения. Открылись новые виды искусств: акционизм, видеоарт, перформанс, инсталляции и множество разных способов высказывания. Всё это производит сильное впечатление и оказывает влияние. У меня было несколько периодов. Neo-Abstrakt – это последний, однако все предыдущие, в том числе фигуративные, естественно, никуда не делись. У меня есть такая серия работ – «Сны о Караваджо», в которой как раз я сочетаю абстрактное выражение, если так можно сказать, с фигуративным, и это тоже интересное пространство. Как я прихожу к любому периоду в своем творчестве? Это получается, если подумать, так: я что-то осваиваю новое и нахожусь в этом пространстве какое-то время, иногда по несколько лет, затем возникает естественный переход к следующему. В творчестве, как и в жизни, я меняюсь.

– Как приходят темы ваших работ? В результате раздумий или спонтанно?

– Многое приходит спонтанно, а затем начинаются размышления. По сути каждая работа – это открытие себя в новом холсте. Я все время наполняюсь искусством, изучаю его: в музеях, на больших смотрах. Огюст Ренуар говорил, что художником он себя чувствует, когда смотрит работы своих коллег. Это понятный процесс, потому что ты всегда себя сопоставляешь с кем-то. Многие художники могут сказать: «Я ищу…». Пикассо говорил: «Я не ищу, я нахожу». То есть художник ищет то, что в нем заложено. У меня же масса проектов в голове, и нужен миллион лет, чтобы их осуществить. В искусстве нужна одержимость. Вдохновение приходит только в процессе работы.

Когда я переехала в Германию, у меня произошел культурологический шок. Многое так меня потрясло здесь, что, когда я сопоставила себя, в какой-то степени известную художницу и в Азербайджане, и в Советском Союзе, с тем, что увидела здесь, то подумала, что я и вовсе не художник и я не буду этим заниматься. Буду просто жить, решила я. Вот такая история. Позже мне стало известно, что подобное происходило с Рахманиновым, и не с ним одним. Прошло много лет, и посещение Музея-театра Дали на Фигерасе меня «перевернуло». Возвратившись в Кёльн, я лихорадочно начала рисовать, но будто всё растеряла. Искусство ревниво и мстительно, его нельзя ни предать, ни бросить. Пришлось начинать с маленьких эскизов. Но я их завершала, и появилось множество миниатюр. Тогда и определились три темы: «Ева», «Формула цветка» и «Мир карнавала». К ним я время от времени возвращаюсь, но уже на новых витках жизненной спирали. В Баку в 2011 году моя выставка «Сто мгновений» в Музейном центре состояла из тех самых 100 миниатюр.

– Ваши новые работы необыкновенно музыкальны по цветовой гамме. Слушаете ли вы музыку во время работы?

– Вы знаете, тема музыки у меня появилась как бы случайно, в процессе. Я задумала написать цикл работ на условную тему «Отражения». Когда я завершала эту серию из десяти холстов, то стало ясно, что это Музыка. Я стала вписывать туда нотные знаки. Графически получалось красиво и наполняло смыслом. А когда я их выставила, музыканты ее восприняли заинтересованно. Их мнение для меня было важно. Самира Патцер-Исмаилова, музыкант, написала красивый текст на эту серию. Напечатанный и вывешенный в рамке, он стал разъясняющей частью экспозиции. Тема «Рождение музыки» у меня появилась в двадцатом году, далее я ее развивала фрагментами. Надо сказать, что у меня действительно есть несколько тем, к которым я время от времени возвращаюсь, но уже на новом этапе. Это: «Двое», «Карнавал», «Готика», «Музыка», «Ева», «Растения как иной мир», «Раковины как Космос». Они постоянно у меня присутствуют, и, возвращаясь к ним, я что-то прибавляю новое. Меняется и манера изображения.

…В один из дней мой друг – прекрасный, тонкий музыкант и талантливый педагог Октай Зейналов-Шуберт переслал видео своих учениц, взявших призовые места в музыкальном конкурсе Florida Keys, который уже давно организовала в Америке дочь великого азербайджанского композитора Джовдета Гаджиева и не менее великой Амины Дильбази – Пярвин Мурадова-Дильбази. Октай написал, что на днях они летят на гала-концерт в Нью-Йорке, в Карнеги-холл. Он прислал мне запись в исполнении Шарлотты «Баллады» Джовдета Гаджиева. Она звучала волшебно и просто «легла» на начатую мною картину. Я слушала, пока у меня не сложился образ и чётко определился ход. По моей просьбе, Октай прислал мне ноты с рассказом о том, как это должно звучать и что означает. Я стала писать так интенсивно, что, почти не прерываясь, завершила работу к утру. Несмотря на то, что Октай – человек сдержанный и мало что хвалит, он принял работу восторженно, тотчас переслал её Пярвин Мурадовой-Дильбази. Ее ответ меня поразил. «Это что-то необыкновенное!» – говорила она. Дело в том, что её отец, оказывается, мечтал, чтобы его музыка была переложена на цвет, как у Скрябина. И вот произошел такой случай спустя почти пятьдесят лет. По словам дочери композитора, я будто прочла его мысли. Пярвин ханым прислала мне записи 5 симфонии. Она меня потрясла. Это такая мощь, сила и красота!! Мы созвонились, и мгновенно возникло взаимопонимание. Она пожелала эту картину как-то применить к конкурсу, и дальше все закрутилось. Нам удалось очень продуктивно пообщаться и обозначить несколько интересных идей, а в результате сложился перспективный рабочий дуэт. Мы сделали клип, соединив картину и музыку, фрагменты закомпоновались в плакат и… Чуть позже я предложила Пярвин ханым посмотреть несколько моих работ, наиболее соответствующих музыке великого композитора. Так появилась новая серия.

– Над чем вы сейчас работаете?

– Я участвую во многих проектах. Каждый из них уникален.

За 2021-2022 годы я приняла участие в следующих проектах: «BROKEN MIRRORS» США, Вашингтон, «KARUSSEL du LOUVR» Париж, Интернацональная выставка in EV gallery N-Y, Нью Йорк, G.ART платформа «ROOTS & ROOFS, Берлин, «MetamorphoseoderTransformation» GalerieSeidel, Кёльн, «TREECT EXIBITION» Турция, Трабзон, «I Love Georgia» Грузия. Только что ученики моей творческой Студии получили дипломы и сертификаты об участии в выставке «DessinmoiL`ete» и другие.

Остальные ещё впереди...

Мне также хотелось бы сделать большой мультимедийный проект в нескольких пространствах, переходящих одно в другое.

ПАМЯТЬ

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

Модуль поднебесный
ДУША ОТКЛИКАЕТСЯ

Памяти Надира в журавлиную светлую даль

2.35 Пастушья звезда.

2.52 Литература – занятие круглосуточное. Сопит чайник. Взбалмошный петух продрал сиплое горло. Благостная атмосфера на заре нового дня…

Расщепил абрикос. Червячок. Как извлечь, не повредив…

Ни мыслью, ни словом, ни действием не навреди сущему! – Белый лама Востоков утверждает, что это первый Закон Космоса (их 108).

Интересно, как получена информация?

Принимаю «революционное» решение: прочь бережливость, весь абрикос с червячком, как люльку, отправить в мусорное ведро, пусть сущее протянет подольше.

Семь утра, пора на прогулку. Обхожу маслиновую посадку.

Решил (импульс в голову) завернуть на погост авиагородка.

У местных жителей (с трёх сторон подступают частные дома) это место называется «рус гобустан».

Пафосный слоган после Распада «своих не бросаем» сомнителен. Зелёные «волны» верблюжьей колючки. Запустение. Беспамятство.

Перед входом на капище мусорные баки. Рядом свалены свежеспиленные ветки абрикосового дерева. Крупные зелёные плоды усеяли сучья, через неделю уже бы созрели.

Возникают параллели: мусорное ведро – мусорные баки; абрикос с червячком – недозрелые плоды абрикосов.

Природа совпадений давно занимает мой ум. Под ветками разбросаны игральные карты; на тыльной стороне кадр из фильма «Титаник»: герой с героиней прижались друг к другу, руки в стороны – образуют крест. По, так называемому мной, «методу ассоциативной идентификации» выстраиваю в голове цепочку: «Титаник» – Лондон – Нью-Йорк – айсберг – катастрофа – жертвы. Содержит ли смысл и, главное, упреждающую информацию предлагаемый метод? Или это заумь неофита?!

Рассказал Надиру.

– Идея! Готовый сюжет, – поддержал он.

… На кладбищенских тропках острое ощущение протекции Проводника («Сталкер» Андрея Тарковского?). Синь тюркская. В небе плещется белый голубь. Где голубь, там возникает ассоциация с рисунком Пикассо. Птица кувыркается, хлопает крыльями вне сознания «кривых зеркал», гаубиц, распрей. Свобода…

Хруст улитки вызывает в душе сосущую боль.

А вот под ногами кубик с буквами азбуки. Как сюда попал этот реликт из детства?

Ко мне «лицом» (гранью) буква «М». – МАМА. ПАПА, – учила складывать кубики бабушка. – МАПА. ПАМА, – скрещивал я. Кубики летели на пол. – Собирай! – в гневе приказывала бабушка.

Сквозь слёзы бестолочь постигала важность букв и порядок их чередования.

Соберём азбучное, выложим, к примеру, КАВКАЗ – небесную вотчину гамзатовских журавлей.

Как-то Надир (выпускник литинститута), Эльдар Шарифов (литинститут) и я (инженер, стихийный раб литеры) посетили туристическую выставку.

На входе в тур-вавилон большой шутник Надир, кхе, симпатичным девушкам в униформе представился с загадочной улыбкой Будды:

– Мы, бесценные сотрудники журнала «Литературный Азербайджан» (издаётся с 31 года XX столетия), желаем осветить…

– Входите!

Светлую троицу безбоязненно впустили в турМекку, не требуя пригласительных.

У секции «Дагестан» подзадержались.

Одному из троих на столике представителя глянулась непочатая бутылка коньяка.

– А правду говорят, что число народностей (аварцы, даргинцы, лакцы, табасараны) и говор в аулах подлаживаются под количество и весёлые ноты горных потоков?

Пауза.

Гуль-гуль-гуль, – глаз косит на славный напиток.

Буль-буль-буль, – взгляд наставлен на представителя.

Быр-быр-быр-шикадам-цоб-цобе-асатуррр, – очей не оторвать от четырёх звёздочек.

Выдержанный представитель вручил каждому по визитной карточке, пригласил посетить край орлиного клёкота и насладиться терпким говором задиристых речек.

… Покровительство Сталкера с кладбищенской тропы телепортируется к письменному столу, посылая вопрос: почему абрикос, а, скажем, не яблоко с червячком? Обещали же на Марсе выращивать сочные плоды Адама и Евы.

Машинально открываю роман «Мастер и Маргарита»; не может быть, первым на глаза слово «Абрикосовая». Мистика! Булгаковщина…

31 августа физическая форма жизни оборвалась. Возможна ли полевая?

31 августа Надиру Сулеймановичу Агасиеву – собрату моему в связке по духовному восхождению – годовщина. Как я был поражён, обнаружив горькую… год тому слетевшую дату в своей прозе «Прощальное эхо».

Авиагородок, синь журавлиная

ИГОРЬ РЕВВА

ВЕЛИКОЕ КОВИДНОЕ ВЫМИРАНИЕ...

Понятие «Антиваксер» возникло лишь с появлением вакцины, и все правительства начали с этим позорным для страны, нации и бога явлением изо всех сил бороться.

В первую очередь антиваксеров обязали носить маски. Вначале просто обязали, потом в ход пошли денежные штрафы, затем уже – расстрелы. Наиболее тупые антиваксеры были уничтожены, умные же приспособились, пошили себе брезентовые маски и выжили.

Но пандемию это не остановило. Потому что появился новый штамм – «Дельта», – мутировавший специально для такого случая.

Следующим шагом правительств было распоряжение носить вместо масок пластиковые респираторы. Распоряжение опять же касалось только антиваксеров. В качестве наказания уже сразу ввели расстрел на месте, а при повторном нарушении – пытки калёным железом. И, как и в прошлый раз, наиболее умные и наименее упрямые выжили, а которые наоборот, те, в рот им пароход, натурально наоборот.

Но пандемия всё свирепствовала. Привитые и защищённые тем от болезни люди продолжали собираться в большие безмасочные кучи и разносить инфекцию. Непривитые же антиваксеры взирали на всю эту вакханалию поверх респираторов с недоумением и обречённостью, предчувствуя новые репрессии. И они не заставили себя ждать.

Штамму «Дельта» показалось мало, и он внезапно опоросился новым помётом, из которого торчали ушки злобной «Дельты-плюс». Правительства всех стран поняли, что полумерами в отношении антиваксеров больше не обойтись. Было решено ограничить антиваксеров в правах и запретить им посещение кинотеатров, общественного транспорта, ресторанов и даже больниц. Замеченных там антиваксеров разрывали на куски живьём и без наркоза.

Антиваксеры покорно принялись смотреть кино дома, ходить пешком (от чего внезапно поздоровели), готовить на кухне (от чего внезапно же привели в порядок собственный бюджет и поздоровели ещё больше) и занялись самолечением (от чего, обратно же внезапно, очень многие не только поздоровели окончательно, а некоторые ещё даже без врачей и выжили).

Вакцинированное население новые карательные меры горячо одобрило, собравшись в многотысячные митинги, после которых слегло в больницы ещё немало людей. Воодушевлённые митингующие принялись с удвоенной силой лечиться, начали обедать по четыре раза в день, ездить на общественном транспорте исключительно от конечной до конечной и смотреть по три фильма в сутки подряд. В результате чего поток на кладбища сделался непрерывным, а профессия гробовщика и копателя могил превзошла по своей популярности у населения проституток. Даже

открытие при ресторанах и кинотеатрах моргов и крематориев уже не снижало градус обеспокоенности правительства здоровьем населения. ВОЗ-у дали широчайшие полномочия, вплоть до разрешения вводить новые религии и запрещать футбол. Но и это не помогло, потому что «Дельта-плюс» дал потомство в виде «Лямбды».

Против антиваксеров были применены ещё более жестокие меры. Им запретили вообще выходить из квартир. В появившихся на балконах антиваксеров стреляли из пушек, при попадании радостно целовались друг с другом взасос, и через два-три дня с чувством выполненного долга отправлялись под ИВЛ.

Но проклятая «Лямбда», отдавшись тёмной безлунной ночью какому-то трипперу, принесла потомство в виде «Омикрона». Правительство озверело окончательно. Антиваксерам было приказано находиться дома исключительно в скафандрах, стреляли уже даже по подходившим к окну, хотя и не так часто, как раньше – остатки вакцинированного по двенадцатом разу населения были озабочены лечением, похоронами и посещением ресторанов с кинотеатрами.

Дальше пошло, как в Священном Писании: «Омикрон родил Гамму, Гамма родила Тетту, Тетта родила Епсилона…» Епсилон уже был очень слаб, рожать ни за что не хотел, но его заставили, и он родил-таки, как умел, Омегу, – Омега получилась нежизнеспособной и никому уже не приносила вреда, кроме себя самой.

Антиваксеры напряжённо вслушивались в пространство через скафандры, до боли в глазах всматривались вдаль, изо всех сил стараясь не пропустить очередного ограничения правительства. Но – тщетно! Вокруг стояла мёртвая тишина. Ни правительства, ни вакцинированных в мире больше не было. И тогда антиваксеры сняли скафандры, вышли на улицы и наконец-то свободно вздохнули полной грудью.

Они поняли, что унаследовали Землю.

МАРАТ ШАФИЕВ

Запоздалое…

Лишь недавно я узнал о большой трагедии, случившейся пять месяцев назад.

В советскую эпоху бакинские фантасты были на слуху: Альтов, Журавлёва, Войскунский, Лукодьянов, Амнуэль, Константин Мзареулов, Эмин Махмудов. Иных уж нет, а те далече. Бакинская фантастика почти сошла на нет. Совсем не давал ей загнуться Игорь Ревва.

Литература сегодня не кормит – Ревва, наряду с Чингизом Абдуллаевым, единственные местные авторы, которые писательство сделали своей профессией. А в начале 2000-х по рейтингу Ревва даже вошёл в двадцатку сильнейших русскоязычных фантастов. За свой счёт можно издать хоть сто книг, но Ревву печатали известные московские издательства «Альфа-книга», «АСТ» тиражом 10 тысяч и более экземпляров.

6 марта этого года Ревва умер в 57 лет. Ни одно местное СМИ об этом не сообщило, хотя Ревва начинал как журналист и был даже редактором в некоторых газетах. Помянули его собратья на своих виртуальных страницах, из бакинцев – Александр Хакимов. На фейсбучной странице Бакинский Клуб фантастов упомянуто множество второстепенных имён, но напрочь отсутствует Игорь Ревва.

В последние годы он перенёс два инфаркта, ходил медленно и недалеко от дома. Я с ним встретился в ахмедлинском парке, который не подозревал, что стал одним из героев повести Реввы – «Учуруматхан». Мы обменялись книгами. Он помог мне завести собственную страницу на Самиздате и рассказал о своих встречах с в Питере с Борисом Стругацким – помимо фантастики, объединила их и страсть к филателии.

Не сошлись мы только в одном: я говорил, что писать надо для себя или как бы в присутствии Бога; Ревва был убеждён, что надо создавать свою аудиторию и работать на неё.

О фантастике Ревва знал всё и, как и положено профессионалу, был в курсе новейших трендов. Ему не хватило случая. Какой-нибудь фильм по его сценарию мог бы сразу вывести его на космическую орбиту. Ему было с чем предстать перед миром: 11 романов, 6 повестей и множество рассказов. Здесь и научная фантастика и фэнтези, и детективы. Он придумал и пестовал волшебную страну Межгорье, ибо «творить новый мир всегда интереснее, чем разжёвывать уже придуманный». И в свой последний момент в кругу жены, четырёх детей, книг Ревва неудачником себя точно не считал.

Жена Алёна все его книги, размещённые на Author.Today, сняла с продаж, теперь их читать можно бесплатно.

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ЗА ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Мы – бакинские фантасты среднего поколения, если можно так выразиться, рожденные в СССР в 60-е или около того...

Мы вскормлены и вспоены лучшими образцами мировой и советской фантастики, в том числе и старшим поколением бакинских фантастов – Павла Амнуэля, Войскунского и Лукодьянова, Альтшуллера и Журавлевой, Максуда и Рустама Ибрагимбековых, Романа Леонидова, Эмина Махмудова, Рафаила Бахтамова…

Мы переняли у них знамя отечественной фантастики, и несем его, и изо всех сил держим марку, чтобы не уронить престижа...

…и нас остается все меньше и меньше.

Совсем нестарые, а иногда и молодые – уходим... Яна Кандова, Теймур Мамедов, Вася Сильченко, Костя Мзареулов, Андрей Измайлов...

...и теперь вот – Игорь Ревва. В 57 лет.

Был ли он веселее, талантливее, умнее всех нас? Не сказал бы. Мы все умны, талантливы и веселы. Но он был много удачливее нас – приобрел широкую славу, публикуясь в престижных зарубежных издательствах. И еще он был импозантнее и ярче всех нас – в его компании я чувствовал себя так, будто общаюсь с веселым, ироничным иностранным фантастом – хотя Игорь был самым что ни на есть настоящим бакинцем.

С ним было легко общаться – как в официальной обстановке, например, готовя очередной номер газеты «Фаэтон» или журнала «SHARM», с которыми мы оба сотрудничали, или на презентациях, так и в обстановке неофициальной – во время посиделок в кабачке, где мы радостно отмечали успех кого-нибудь из нас…

С ним было легко общаться, но когда дело доходило до серьезных вещей – Игорь становился серьезен, ибо выше всего ценил профессионализм.

Кто не был на мастер-классах по фантастике, которые проводил Игорь Ревва в бакинском Клубе Фантастов «Южный Треугольник», – тот многое потерял…

Правда, в последнее время мы с ним общались все реже и реже, но в том не моя вина, да и не его вина, – это общая беда нашего суматошного времени.

И вот – трагическое известие!

...Всякий раз, прощаясь со своим земляком и коллегой по перу, я чувствую себя так, будто провожаю его в экспедицию к звездам – причем такую, из которых не возвращаются. Скажем, погружение в «черную дыру».

Ушедшие друзья и коллеги будут существовать где-то там, за «горизонтом событий», они будут смеяться и грустить, дышать, исследовать, и непременно писать, писать, писать... но мы больше никогда не увидим их и уже не получим от них никакой весточки.

Ибо оттуда не может вырваться никто и ничто, даже свет.

И всякий раз, бредя обратно с зарешеченного «космодрома», сгорбившись и подняв воротник, я ожесточенно думаю: надо работать! Надо писать! Надо успеть высказаться!

И мы работаем, пишем, высказываемся... пока не приходит пора собираться на «космодроме» и провожать в экспедицию еще кого-нибудь из коллег по перу и братьев по духу...

И, вернувшись домой, махнуть стакан водки, занюхав корочкой черного хлеба, стереть рукой слезу и с сожалением подумать – недодружил... недообщался... недовысказал... Все дела, дела...

А теперь уже поздно...

И принимаешься работать дальше.

В том числе и затем, чтобы быть достойным светлой памяти земляков-фантастов и держать, держать, держать марку!

Как это умел делать Игорь, звезды ему пухом.

Как это умели делать Яна, Теймур, Вася, Константин, Андрей, звезды пухом им всем...

Прощай, Игорь.
Помню тебя и буду помнить.
Прощай.

Ключ на старт
Стакан водки